

ВЕЧЕ

Вече

Независимый русский альманах

42

Одиннадцатый год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ

© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1991

München

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

О. Красовский - 22 июня 1941 года...	5
--------------------------------------	---

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ НАЧАЛА ВОЙНЫ

Беседа с И. Р. Шафаревичем	24
----------------------------	----

Трибуна «ВЕЧЕ»

П. Тулаев - Соборность в русской мысли	35
Вл. Симанский - „Русофобия и проблемы мондиализма	45

ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

Г. Шухов - Русский вопрос	69
Д. Балашов - За Державу обидно	83
В. Богданов - Воскресная проповедь	103
К. Балков - Третья Россия	117
М. Хлебников - Два костромских памятника	123

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

М. Назаров - Мир, в котором оказалась русская эмиграция	131
В. Бондаренко - Архипелаг „Ди - пи“	175
Заявление Российского Национального Объединения в ФРГ	191

СРЕДА ОБИТАНИЯ

В. Астафьев - С карабином против прогресса	197
НАМ ПИШУТ	219

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

А. Байбородин - Не родит сокола сова (повесть)	
--	--

О. Красовский

22 июня 1941 года...

С каждым днём среди живущих остаётся всё меньше и меньше тех, кому суждено было стать участниками, начавшейся на рассвете 22 июня 1941 года войны. Тяжелую память о ней проносят в своих душах эти люди до последнего вздоха. Устоявшиеся в их сознании представления о войне, оценки её, сложившиеся в страшные часы личных трагических переживаний или привнесенные извне, окончательны, независимо от их объективной верности и справедливости. Тут никакие корректуры невозможны...

Для послевоенных поколений события войны превратились в историю. К сожалению, несмотря на так называемую гласность, историю, искажаемую упорно и систематически. В виду я имею не столько искажения и умолчания множества фактов, связанных с началом, развитием, ходом и окончанием военных действий, сколько бессовестные извращения духовных, моральных, психологических и политических факторов, лежавших в основе превращения гигантского военного столкновения фашистской и коммунистической идеологий в Великую Отечественную войну.

Думаю, никто не вправе утверждать будто ему одному известна вся правда о войне, что лишь он в состоянии вскрыть досконально все причины и следствия, привед-

шие к тому, что закончилась война не только взятием Берлина войсками, которыми командовал маршал Жуков, но и освобождением Праги вооруженными силами Русской Освободительной Армии под командованием генерала Власова.* Однако, каждому человеку, внимательно следившему за развитием крупнейших событий истекших пятидесяти лет, и на каком-то, пусть самом низком уровне, к ним причастному, позволительно высказать свое мнение о них. И это я намерең сделать.

Пережитое, увиденное, узнанное и обдуманное за истекшие полстолетия, заставляет меня чётко разделить войну на два периода. Первый длился с начала войны до зимы 1941 - 42 годов; второй, после переходной фазы (весна-лето 1942) – до конца войны. Правда, так же поступают советские военные историки заодно с советской пропагандой. Но делают они это вынужденно, непоследовательно, неохотно, под давлением общеизвестного и неоспоримого факта, умолчать или обойти который невозможно – военного, политического и морального поражения Сталина в первом раунде его гигантского поединка с Гитлером. Не в состоянии скрыть разгрома Красной армии, огромных материальных и территориальных потерь, захвата врагом почти 40% населения страны, оставшегося по ту сторону фронта в первые месяцы войны, историки и пропагандисты называют причины катастрофы. Это – неожиданность вражеского нападения; слабость Красной армии, находившейся в стадии переорганизации, перевооружения, передислокации; отсутствие у нее квалифицированного руководства из-за сталинского кровопускания, стоившего жизни пятидесяти тысячам профессиональных военных от маршала до батальонного командира; первоначальное превосходство боевого мастерства, натренированных в сражениях немецких вооружённых сил. Безусловно, эти причины и ряд других, для упоминания

* См. «Вече» № 39, О.Красовский „Страшная правда“. Рецензия на книгу Й. Хоффманна „История Власовской армии“ в серии „Исследования Новейшей Русской Истории“ (ИНРИ) под общей редакцией А. И. Солженицына. ИМКА-ПРЕСС, Париж, 1990.

которых здесь нет места, сыграли определённую роль. Но тем не менее, главной причиной военного поражения в первые месяцы войны, до сих пор тщательно скрываемой, было **нежелание армии воевать**. Отдельные примеры героического сопротивления агрессору, лишь подтверждают общее правило.

Ожидая хор возражений, повторяю: **военное поражение было результатом нежелания армии воевать**, что обуславливалось внутривластным положением страны накануне войны и морально-политическими факторами, влиявшими на сознание, волю и поведение подавляющего большинства народа, а следовательно, и армии.

В предвоенные годы в широких массах населения страны существовало глубокое подспудное недовольство как общими условиями жизни, так и политикой коммунистического руководства, возглавляемого Сталиным. В сознании более ста миллионов российских крестьян свежи были воспоминания об ужасах насильственной коллективизации, разрушившей устои сельской жизни, превратившей крестьянство в бесправных полуголодных батраков советской власти. Класс - „гегемон“ стонал в тисках потогонной стахановской системы. Материальные и социальные условия жизни, за исключением столицы и нескольких привилегированных индустриальных городов, находились на крайне низком уровне. Необозримый архипелаг ГУЛАГ разбросал тысячи своих островов-лагерей по необъятной стране, особенно густо на севере и востоке. Миллионы томившихся за колючей проволокой и тюремными решётками людей сохраняли, невидимыми нитями памяти и горя, внутреннюю связь с десятками миллионов, оставшихся на свободе родственников и близких. Народ жил под прессом страха перед всемогущими и безжалостными карательными органами, контролировавшими каждое движение, каждое слово, каждую мысль...

К началу войны более половины взрослого населения страны по собственному жизненному опыту знало, что коммунистическая пропаганда беспардонно лгала ошель-

мовывая, оплёвывая и оскорбляя недавнее российское прошлое, понося национальные традиции народа, клеветая на „проклятое самодержавие“. Часть этих людей, не принявших в годы революции коммунистическую власть, вынужденных после гражданской войны подчиниться ей, в течение двух десятилетий не только сохраняла в душе неприятие коммунизма, но подчас упрекала себя за свою пассивность в годы гражданской войны.

Десятки миллионов верующих в стране, подавляющее большинство которых не имело возможности получать церковное окормление, ибо почти все храмы были разрушены или превращены в мастерские, склады, даже конюшни, не видевшие годами священника, справедливо относились к советской власти как к власти сатанинской, не вызывавшей ни добрых чувств, ни доверия.

Многие же из тех, кто два десятилетия назад приветствовал революцию, боролся в рядах Красной армии за новую „рабоче-крестьянскую“ власть, убедившись на практике строительства социализма, что они стали жертвой великого обмана, отвернулись от коммунизма.

Власть в стране, осуществляемая методами принуждения и подавления любого вида недовольства, находилась в руках людей, по идейным или же по шкурным соображениям, безоговорочно отдавших себя делу построения коммунизма под диктовку Сталина. Они составляли сравнительно тонкий привилегированный слой советского общества, насчитывавший несколько миллионов человек. Бескорыстную эмоциональную поддержку этот слой находил у некоторой небольшой части населения, сознание которой в той или иной степени было уже изуродовано коммунистической пропагандой или воспитательной системой.

В сознание подсоветских людей того времени усиленно вдалбливалось официальной пропагандой представление о том, что мир разделён на два враждебных, взаимно исключających лагеря – коммунистический и империалистический. Противоборство между ними, неизбежно должно привести к глобальному военному столкновению,

которое неминуемо закончится победой коммунизма на всём земном шаре. Роль боевого, агрессивного авангарда международного империализма взял на себя немецкий фашизм, возникший как реакция на победу октябрьской революции в России. Поэтому конкретным историческим противником коммунизма в предстоящем военном конфликте является именно немецкий фашизм. Эта, навязываемая пропагандой, схема несколько пошатнулась после начавшегося осенью 1939 года сближения между Сталиным и Гитлером. Однако, в течение полутора лет, до июня 1941 года, она сохранялась в несколько изменённом варианте, допускающем тактические компромиссы для накопления сил.

И вот, когда на рассвете 22 июня 1941 года гитлеровские войска сокрушительным ударом начали свой поход на Восток, население нашей страны реагировало на агрессию соответственно своей политической настроенности и тем представлениям, которые формировали тогдашнее общественное сознание. В основном, начало войны было воспринято народом как переход идеологического и политического конфликта между фашизмом и коммунизмом в военную схватку, не обязательно затрагивающую историческую судьбу нашей страны, сброшенной со своей национальной колеи в 1917 году.

Часть населения, заведомо отрицательно относившаяся к коммунистическому режиму, считавшая его незаконным, ибо созданным путём насильственного разрушения российской государственности, ненавидящая сталинскую диктатуру, восприняла сообщение о начале войны как долгожданный сигнал о предстоящем свержении советской власти. Даже сознавая, что война несёт стране и народу огромное горе, недруги системы отнеслись к ее началу с радостью, зачастую почти нескрываемой. Абсолютное неверие лживой советской пропаганде полностью нейтрализовало в сознании этих людей, её усилия представить немецкий фашизм как античеловеческую, жесточайшую, кровавую систему угнетения. Говорили: хуже чем коммунизм ничего быть не может!

Другую часть населения, не имевшую оснований для активно враждебного отношения к советской власти, значительно меньшую, чем вышеупомянутая, сообщение о начале войны глубоко взволновало, повергло в страх. Люди, зная что война означает многомиллионную смерть, бесчисленные человеческие трагедии, разрушения городов и сел, уничтожение огромных материальных и культурных ценностей, по-человечески испугались.

И наконец, та часть народа, которая была преданна коммунизму и советской власти, считая её своею, ибо принадлежала к партийно-государственным и общественным её структурам, чётко ощутила, что война прежде всего затрагивает её личную судьбу, ставит даже вопрос о её физическом существовании. Это породило различную реакцию – от проявления твёрдой воли к сопротивлению, к борьбе не на жизнь, а на смерть, до парализующего волю и разум, панического страха за собственную судьбу и судьбу своих близких.

Добросовестный анализ упомянутых мною (лишь очень поверхностно и неполно) факторов, под влиянием которых находилось советское общество накануне войны, позволяет найти наконец правильные ответы на многочисленные вопросы относительно причин неожиданных, даже невероятных явлений первого военного полугодия.

К этим явлениям бесспорно относится невиданная в мировой истории войн, не говоря уже о войнах, в которых участвовала российская армия, сдача в плен подавляющего большинства личного состава советских вооружённых сил. К концу 1941 года в немецком плену оказалось почти **четыре миллиона** солдат и командиров Красной армии, то есть личный состав более чем 200 полностью укомплектованных стрелковых дивизий. В первые недели войны против немецкой армии были брошены 174 советских дивизии, то есть почти все сухопутные советские войска, дислоцированные в европейской части страны. Значит, в плену очутилось больше советских военнослужащих, нежели их было в первые недели войны на фронтах!

Или ещё одно явление, не столь масштабное, но всё же

весьма примечательное. Население многих городов и сёл, оставляемых без боя частями Красной армии, выходило встречать оккупантов с хлебом и солью. Об этом явлении, насколько мне известно, ни словом не упоминается ни в одной изданной в Советском Союзе книге о войне. Однако оно хорошо известно многим фронтовикам, воевавшим с первого дня, хотя по понятным причинам они о нём умалчивают. Кстати, о встречах немцев хлебом и солью в сёлах Смоленской области недавно говорил в совместной советско-немецкой телевизионной передаче, посвященной 50-летию начала войны, переданной по 2-й программе западногерманского телевидения, бывший председатель Свободной демократической партии и бывший вице-канцлер ФРГ, Эрих Менде. Он служил в немецкой дивизии, воевавшей с первого дня на восточном фронте. Примечательно, что участвовавший с советской стороны в телепередаче в роли фронтовика „с первого дня“, журналист Лев Безыменский, рьяно оспаривавший некоторые справедливые утверждения Эриха Менде, отнёсся вполне спокойно к его воспоминаниям о хлебе и соли...

И третье парадоксальное явление, тоже до сих пор упорно умалчиваемое в советской литературе о войне. Буквально через несколько недель после вторжения немцев на территории областей с преобладающим русским населением, началось стихийное формирование добровольческих отрядов из местного населения, готовых вступить в борьбу за освобождение страны от коммунизма. Люди создававшие эти отряды считали, что после двадцатилетнего перерыва вновь продолжается гражданская война. Немецкое командование на дивизионном и корпусном уровне было буквально обескуражено этим неожиданным явлением. Не имея указаний свыше, оно поначалу мирилось с появлением солдат и офицеров в формах русской Белой Армии. Однако после получения соответствующих указаний из вышестоящих штабов, местное командование быстро ликвидировало русские добровольческие формирования, взяв их личный состав на вспо-

могательную службу в немецкие тыловые подразделения и части.*

*

В первые недели войны вражеская военная пропаганда как бы подтвердила один из главных тезисов советской пропаганды о том, что немецкий фашизм является накоплением копья международного империализма, направленного против коммунизма. В миллионах разбрасываемых с самолётов над фронтом и тылами листовок, утверждалось что немецкая армия возглавляет „священный“ поход европейских государств против большевизма. Во всех занимаемых немцами населённых пунктах развешивались цветные портреты их вождя, под которыми красовались надписи – „Гитлер – Освободитель“. Однако проходили недели, месяцы, фронт удалялся на восток, временные военные комендатуры сменялись так называемой гражданской администрацией, возглавляемой прибывающими из Германии чиновниками – „золотыми фазанами“ (названные так немцами-фронтовиками, ибо носили они полувоенную опереточную форму ярко оранжевого цвета) – но населению оккупированной территории не удавалось обнаружить ни одного признака, указывающего на освободительный характер немецкого похода на восток. Наоборот, со дня на день увеличивалось количество примет, свидетельствующих о захватнических целях этого похода. Одной из них была упорно внедряемая схема взаимоотношений между оккупантами и коренным населением: господа – рабы. Схема эта была предопределена политическими установками национал-социализма, бредовыми идеями Гитлера, изложенными в его книге „Мейн кампф“, о превращении России в гигантскую колонию Германии, а её славянского населения в бесправных рабов. Существовал законченный нацистский

* См. К. Кромиади. „За землю, за волю. На путях русской освободительной борьбы 1941 - 1945 гг.“ Сан-Франциско, 1980.

план уничтожения российской государственности, германизации русской земли осуществлением жестоких мероприятий, направленных на полное уничтожение славянской культуры и традиций, лишения коренного населения возможности получения не только высшего, но даже среднего образования. Современные рабы должны уметь читать и считать, но не более, – рассуждали идеологи национал-социализма.

Трагически сложилась судьба очутившихся в немецком плену бойцов и командиров советских вооружённых сил. Согнанные в огромные лагеря, в которых не были созданы условия даже для самого примитивного человеческого существования, они фактически были обречены на медленную мучительную смерть. В течение нескольких месяцев от голода, холода, эпидемических болезней погибло более двух миллионов военнопленных, то есть больше половины, сдавшихся в плен до конца 1941 года.

Сведения о происходившем на оккупированной немцами территории, о массовой смертности в лагерях военнопленных, о многих бесчинствах оккупантов, свидетельствовавших о их замыслах уничтожения России и тотального порабощения её народа, разными путями проникавшие через линию фронта, зачастую обгонявшие средства массовой информации, создавали в народном сознании образ подлого, безжалостного, коварного врага, посягнувшего на самые дорогие национальные, духовные и культурные ценности, стремящегося стереть с лица земли Отечество. Даже в душах и сердцах многих людей, в начале войны в соответствии с их политической настроенностью, думавших, что хуже коммунизма ничего быть не может, происходит психологический сдвиг. На задний план в мыслях уходят бывшие претензии к существующей в стране общественно-политической системе, забываются бывшие обиды, и превращается в доминирующую – мысль о первостепенности задачи уничтожения, вторгнувшегося в страну внешнего врага. Иначе говоря, возникает морально-психологическая основа для превращения войны в Великую Отечественную, чему спо-

собствовала переориентация советской пропаганды и некоторых мероприятий партийно-правительственного руководства на национально-патриотический лад.

*

Запланированная нацистским руководством молниеносная война на Востоке, несмотря на разгром советских вооружённых сил, по ряду причин, в частности из-за наступления неожиданно ранних зимних холодов в конце 1941 года, не получилась. Её главная цель – овладение Москвой в сентябре-октябре не только не была достигнута, но именно под Москвой был похоронен миф о непобедимости немецкого оружия. Не только у Сталина и его окружения появилась надежда на возможность отразить нападение врага, но и в некоторых кругах немецкой армии пошатнулась уверенность в конечной победе, и со всей серьёзностью встал вопрос о том, как избежать нависшую угрозу военного поражения Германии.

Среди наиболее здравомыслящей части немецкого офицерства, осознавшего не только преступность, но и невыполнимость бредового замысла Гитлера уничтожить Россию, нашлись смельчаки заявлявшие, что продолжение осуществления гитлеровской восточной политики неминуемо приведёт к военному поражению Германии. Анализируя результаты первых месяцев войны, они пришли к выводу, что поражение Красной армии предопределилось не столько боевым превосходством немецких вооружённых сил над советскими, сколько наличием в России колоссального антикоммунистического потенциала, что открывало возможность для нахождения пути, ведущего к предотвращению катастрофического для Германии исхода военного похода на Восток.

Одним из таких смельчаков был советник при штабе генерал-фельдмаршала фон Бока, командовавшего группой армий „Центр“, развернувшей наступление на среднем участке фронта, капитан Вильфрид Карлович Штрик-Штрикфельд. Уроженец Риги, в 1915 году, после оконча-

ния гимназии в Петербурге, он вступил добровольцем в русскую армию, в рядах которой в офицерском чине воевал до конца первой мировой войны. В 1918-20 гг. участвовал в вооруженной борьбе против большевиков в Прибалтике.

Капитан Штрик-Штрикфельд предпринимает отчаянную попытку изменить ход истории. Он подготавливает и подаёт командующему группой армий „Центр“ проект создания русской добровольческой антикоммунистической армии под названием „Русской Освободительной Армии“. Он полагал, что в случае утверждения его проекта только в рамках группы армий „Центр“ удастся до конца 1942 года сформировать из военнопленных двухсоттысячную армию под русским командованием. Следует отметить, что Штрик-Штрикфельд, работая над своим проектом часто встречался с пленным советским, тяжело раненым генерал-лейтенантом М. Ф. Лукиным, о беседах с которым рассказывает: „Он говорил, что если это действительно не завоевательная война, а поход за освобождение России от господства Сталина, тогда мы могли бы даже стать друзьями. Немцы могли бы завоевать дружбу всего населения Советского Союза, если они всерьёз стремятся к освобождению России, но только равноправный партнёр может вступить в дружественный союз. Он был готов, невзирая на свою инвалидность, встать во главе пусть роты, пусть армии – для борьбы за свободу, но ни в каком случае не против своей родины. Поэтому бороться он стал бы только по приказу русского национального правительства, которое (он всегда это подчёркивал) не должно быть марионеточным правительством при немцах, а должно служить лишь интересам русского народа“ *

Генерал-фельдмаршал фон Бок утвердил проект Штрик-Штрикфельда, главнокомандующий сухопутными силами Германии генерал-фельдмаршал фон Браухич пос-

* В. Штрик-Штрикфельд. „Против Сталина и Гитлера“. Изд. „Посев“, 2-е изд. 1981, с. 33-34.

тавил на нём резолюцию: „Считаю решающим для исхода войны“. Однако 19 декабря 1941 года фон Браухич был смещён, командование сухопутными силами взял на себя Гитлер, не желавший и слышать о Русской Освободительной Армии.

Требовали коренного изменения политики на востоке и высокопоставленные немецкие военачальники. Конечно, их предложения и проекты касались лишь мероприятий, могущих способствовать победе немецкого оружия. В них отсутствовали даже намёки на российские проблемы, ничего не говорилось о каких-либо правах и свободе русского народа. Но Гитлер решительно отклонял и эти предложения. Таким образом проблема использования антикоммунистического потенциала в сознании многих людей, населявших оккупированные немцами области России, не могла быть решённой даже в шкурных немецких интересах. Для того, чтобы получить возможность использовать, даже обманным путём русские силы, немецкое армейское командование на среднем уровне вынуждено было вести хитрую игру с национал-социалистическим руководством.

*

В середине 1942 года в Главной квартире сухопутных сил немецкой армии возник небольшой кружок генералов и офицеров, считавших политические методы ведения войны пагубными для Германии. Оценивая складывающееся положение на Востоке как катастрофическое, члены этого кружка полагали, что выход из него зависит от нахождения пути привлечения на сторону немцев тех российских сил, которые, несмотря на горький опыт первого года войны, ещё были готовы пойти на союз с противником для уничтожения коммунистического режима в России, при условии отказа немцев от их первоначальных целей. С некоторыми офицерами этого кружка Штрик-Штрикфельда связывала многолетняя дружба, с ними он мог говорить совершенно откровенно. Этим объясняется

получение им от одного из инициаторов создания кружка, генерала Гелена, летом 1942 года особо важного поручения. Он должен был встретиться в лагере военнопленных в Виннице с недавно доставленным туда генерал-лейтенантом А. А. Власовым.

„Власов выразил ещё раз то, что я уже слышал от советских офицеров в лагерях военнопленных, то есть свою готовность бороться против Сталина за свободную, независимую, национальную Россию. Никаких аннексий и не правительство квислингов милостью Гитлера. Но Власов сделал ещё шаг дальше, поставив свободу и иные общечеловеческие ценности выше национальных интересов“, – пишет Штрик-Штрикфельд в своей книге.*

Власов согласился возглавить Русскую Освободительную Армию, освободительное движение народов России. Но ни армии, ни освободительного движения создано не было. В сущности Штрик-Штрикфельд ввёл Власова в заблуждение. Власов же, поверив лично Штрик-Штрикфельду, поверил и в то, что у единомышленников капитана в Генеральном штабе есть реальные возможности для практической реализации предложенного плана. Однако, затеянная ими акция была низведена до мероприятия „Отдела восточной пропаганды особого назначения“ при Главном командовании вермахта для составления обманных листовочных текстов, в которых, без ведома и согласия Власова, речь шла о добровольческой русской армии под его командованием.

Об огромном политическом потенциале, заключавшемся ещё в конце 1942 года в идее создания самостоятельной русской антикоммунистической силы, свидетельствовал результат проведенной на некоторых участках фронта листовочной акции. Листовка, содержащая проект обращения генерала Власова к бойцам и офицерам советской армии, но не подписанная им, изготовленная без его ведома, вызвала поток перебежчиков, тысячи которых требовали зачисления их в Русскую Освободительную

* Штрик-Штрикфельд, с. 114.

Армию. Перебежчики отправлялись в лагеря военнопленных. Это был один из ударов, нанесённых немцами по освободительной идее...

Однако Штрик-Штрикфельд и поддерживавшие его офицерские круги, несмотря на неудачи, от своего замысла не отказывались. Видя невозможность изменить политический курс проявлением благоразумия и доброй воли сверху, они пошли окольным путём создания свершившихся фактов, с которыми, как им казалось, руководство Третьего рейха вынуждено было бы считаться. Опираясь на поддержку Главного командования вермахта, Штрик-Штрикфельд создал осенью 1942 года при Отделе восточной пропаганды так называемый „Учебный лагерь Дабендорф“, начальником которого был назначен он сам. По его замыслу, в этом лагере предстояло создать русский политический центр, на базе которого в удобный момент, можно было бы сколотить без потери времени кадровый костяк Русской Освободительной Армии.

Ранней весной 1943 года в лагере Дабендорф был проведён первый сбор русских офицеров-добровольцев из подразделений, приданных немецким частям на восточном фронте. Таких подразделений, несших в основном караульную службу, зачастую созданных помимо воли высшего командования, было к тому времени немало и служило в них несколько сот тысяч русских добровольцев.

Кто были эти, носившие немецкую форму, вчерашние бойцы и командиры Красной армии – наёмники или же идейные противники коммунизма? Вопрос сложный. Были, конечно, и наёмники. Точнее говоря такие, кто ради спасения от голодной смерти в лагерях военнопленных, готов был на всё, поведение которых определялось только стремлением выжить во что бы то ни стало. Но основную массу добровольцев составляли люди, пошедшие на сотрудничество с немцами целеустремлённо, зачастую не без трудной внутренней борьбы, надеявшиеся, что немецкая политика в России изменится или, по крайней мере, считавшие, что против коммунизма можно

заклучить союз даже с чортом.

На трёхнедельных сборах в лагере Дабендорф, приехавшие из России несколько сот добровольцев получили то, чего у них не было, что им и их товарищам было необходимо – укрепление надежды на предстоящие крупные политические перемены, веру, что недалёк день создания национального русского правительства.

В порядке осуществления замысла создания реально существующих фактов, без ведома высших правительственных и армейских инстанций организуются на страх и риск местного командования, две поездки генерала Власова в оккупированные немцами области России, в конце 1942 и в начале 1943 гг. Из первой поездки в распоряжение группы армий „Центр“ Власов вернулся глубоко убеждённым в правильности избранного им пути. „Он впервые как свободный человек соприкоснулся со своими соотечественниками в занятых областях. Всё пережитое при этом укрепило его в убеждении, что его путь верен. – Если только не слишком поздно, – повторял он уже не в первый раз.“ *

После второй поездки это убеждение ещё больше углубилось. Но вскоре после возвращения Власова в Берлин командующим группами армий на восточном фронте был адресован приказ Ставки Гитлера, подписанный генералом-фельдмаршалом Кейтелем: „...Ввиду неправомерных, наглых высказываний пленного русского генерала Власова во время его поездки в группу армий „Север“, осуществлённую без того, чтобы Фюреру и мне было известно об этом, приказываю немедленно перевести русского генерала Власова под особым конвоем обратно в лагерь военнопленных, где и содержать безвыходно. Фюрер не желает слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве что в связи с операциями чисто пропагандного характера, при проведении которых может потребоваться имя Власова, но не его личность“.

Наглость „высказываний пленного русского генерала

* Штрик-Штрикфельд, с. 202.

Власова“, заключалась в том, что выражая благодарность немецким офицерам, принимавшим его в Гатчине, он выразил надежду, что сможет поприветствовать их как своих *гостей* в Петрограде...

Вопреки приказу фельдмаршала Кейтеля, единомышленникам и покровителям Штрик-Штрикфельда удалось спасти Власова от заточения в лагерь. Однако все их расчёты на создание ситуации „свершившегося факта“ провалились. Последние надежды на то, что под впечатлением военных поражений Гитлер всё же изменит свою непреклонную позицию в вопросе о сотрудничестве с русскими, полностью иссякли после того, как 8 июня 1943 года в личной резиденции Гитлера – Бергхофе – он сказал, когда речь зашла о Власове, что в нём позади фронта он, Гитлер, не нуждается и предупредил своих генералов, чтобы они выбросили из головы мысль, что вождь немецкого народа когда-либо поможет Власову или другому русскому „сесть на коня“.

Фактически Власов сошёл со сцены. Штрик-Штрикфельд, потерявший веру в успех, как бы по инерции продолжал начатое дело. Он устанавливал новые контакты, знакомил с замыслом создания Русской Освободительной Армии генералов и высокопоставленных чиновников, находил понимание, даже получал заверения в поддержке. Но само дело не двигалось с места. Существовал лишь, как единственное напоминание о первой небольшой удаче, лагерь Дабендорф. В нём, один за другим, проводились курсы, где обучалось по несколько сот военнопленных, которым посчастливилось быть отобранными из массы подавших заявление на приём в РОА. По прибытии в Дабендорф они получали свободу и зачислялись в кадровый состав несуществующей Русской Освободительной Армии.

Упорное нежелание Гитлера отказаться от завоевательских целей в России, пойти на признание и поддержку российских антикоммунистических сил во имя собственного спасения, подчас расценивается как свидетельство интеллектуальной ограниченности фашистского

фюрера. Мне же думается, что возможно другое объяснение. Несмотря на примитивизм своего мышления, Гитлер интуитивно ощущал, что силы, на которые намеревался опереться Власов для освобождения своей родины и своего народа от коммунистического порабощения, были силами, сметающими на своём пути любую диктатуру. Поэтому, ни логика убеждений, ни тактические соображения, ни даже здравый смысл, не могли оказать ни малейшего влияния на его поведение – он был уверен, что Власов так же смертельно опасен для него, как и для Сталина.

Власов, понимавший, что стихийный переход войны в Отечественную, решил вопрос её исхода в пользу Сталина и в пользу послевоенного сохранения коммунистической власти в стране, согласился на союз с немцами, рассчитывая, что военные неудачи непременно должны заставить Гитлера схватиться за пресловутую „соломинку“. Однако если эта „соломинка“ даже в 1943 году ещё могла быть солидной основой для перехода войны в гражданскую, то следовавшие одно за другим военные поражения немцев создали к 1944 году военнополитическую ситуацию, в которой надежда на успешное осуществление освободительной идеи приближалась к нулю.

Но произошло невероятное. В паническом страхе перед надвигающейся катастрофой, нацистское руководство решило всё же воспользоваться пресловутой „соломинкой“. Второй человек на нацистской иерархической лестнице, возглавитель СС, главнокомандующий войсками резерва рейха, Гиммлер, принял в своей ставке 16 сентября 1944 года, со всеми почестями, русского генерала Власова.

О встрече с Гиммлером Власов рассказал Штрик-Штрикфельду: „...Он открыто признал многие ошибки, сделанные до сих пор... Он сказал, что говорил с фюрером и получил его согласие на немедленное проведение мероприятий, обеспечивающих новую политику. Если я его правильно понял, мы сможем сформировать десять

дивизий. Русский Освободительный Комитет может сразу же действовать как суверенный, независимый орган... Мы получаем статус союзников... Гиммлер предложил мне занять должность главы правительства, но я сказал, что ни я, ни Русский Освободительный Комитет, который теперь будет создан, не могут взять на себя полномочий правительства. Это может решать русский народ, а вернее, народы России в свободном волеизъявлении. Я ни на йоту не отступил от своих требований. Я изложил мою политическую программу...“ *

Через два месяца – 14 ноября 1944 года – в замке Градчаны в Праге состоялось обнародование Манифеста Комитета Освобождения Народов России (КОНР)...

*

Уместен вопрос: не была ли затея с КОНРом, если не авантюристической акцией зашедших в тупик, отчаявшихся людей, то, в лучшем случае, их лебединой песней? Нет, это не была авантюристическая акция. Собравшиеся в Праге люди понимали, что все сроки истекли, что шансов на успех почти не осталось, и, тем не менее, они подписали Манифест КОНРа. Совершая этим как бы акт самопожертвования, они оставили потомству документ, вдребезги разбивающий утверждения коммунистической пропаганды о том, что генерал Власов, его единомышленники и соратники, сотни тысяч русских людей, готовых взять в руки оружие для борьбы с режимом, поработившим их страну, были трусливыми предателями, подлыми наёмниками Гитлера, попытавшегося уничтожить Россию и её народ.

Люди, поставившие свои подписи под Манифестом КОНРа были подлинными патриотами своей родины, нашедшими в себе мужество встать на путь борьбы за свободу своего народа, приведший подавляющее большинство их к мученической смерти. Попытка генерала

* Штрик-Штрикфельд, с. 342-344.

А. А. Власова, его соратников, и многих тысяч людей, последовавших за ними, закончилась трагически, но ею, как сказал А. И. Солженицын, была спасена честь русского народа.

Об этом особенно ярко свидетельствует последний акт трагедии Русской Освободительной Армии. Великая Отечественная война окончилась выступлением на стороне восставших против немецких оккупантов чешских патриотов, вооруженных сил РОА, разгромивших подразделения войск СС, освободивших Прагу и спасших жизни тысяч чешских повстанцев. Запоздавшее на десятилетие честное признание в этом, русские люди на родине, наконец-то нашли в статье, опубликованной в газете «Московские новости» 5 мая 1991 года.

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ НАЧАЛА ВОЙНЫ

И. Р. Шафаревоч – почётный гость «Вече». На страницах нашего альманаха, как помнят читатели, впервые увидела свет „Русофобия“ (№№ 32, 33), перепечатывали мы и другие работы известного учёного, общественного деятеля, оригинального русского мыслителя и патриота. Во время своего недавнего пребывания на Западе, в апреле месяце, Игорь Ростиславович любезно согласился ответить на несколько вопросов члена Редакционного Совета «Вече» **Е. А. Вагина** – в связи с 50-летием начала войны 1941 - 45 годов.

Е. В. – Игорь Ростиславович, в этом году исполняется 50 лет, как началась Великая Отечественная Война, оставившая глубокий след в жизни нашей страны. Какие мысли возникают у Вас в связи с этой датой?

И. Ш. – Война эта оставила глубокий след не только в нашей стране, но и у всего человечества. Это, мне кажется, один из роковых моментов истории, когда прекращается обыденное, понятное течение истории, в котором простые причины определяют простые следствия, и вторгаются в неё какие-то, нам неясные силы, поворачивают резко историю в сторону и потом возникает некая волна, которая бежит по историческому пространству и ещё столетиями после этого сказывается.

Война эта поразительная, она состоит из цепи необычных явлений, первым из которых является удивительная германская сила, проявленная в эту войну, как распрямившаяся пружина необычайной мощности, когда немцы захватили огромную территорию от Полярного круга до Египта, от Перинеев до Волги. Сила, загадочно

ориентированная на зло и смерть, что символизировалось, например, в идеологии, мистике СС, солдаты которого считали себя как бы живыми покойниками, имеющими право на жизнь, потому что они уже отдали себя смерти в этой мёртвой голове, вышитой на рукавах их мундиров, во всей их идеологии, в журналах, которые они издавали...

Итак, первая загадка этой войны, для меня, что это один из поразительных, редких элементов истории, когда сконцентрированное зло может оказаться такой грандиозной, и в каком-то смысле, действенной – для войны хотя бы, для захватов – силой. Мне кажется, что это сравнимо только с нашествием монголов, власть которых, правда, длилась многие столетия, значительно дольше чем захваты немцев.

Вторая поразительная загадка – это распад Запада, прежде всего центра тогдашнего Запада, Франции, которая казалась величайшей державой, центром западного мира и которая распалась без сопротивления. Она не воевала, она распалась как картонный домик.

Очень хорошо помню, что когда 50 лет назад началась война, была речь Черчиля – тогда была такая растерянность в СССР, что эта речь была полностью воспроизведена – и говорилось там, ни много – ни мало, как то, что нападение на Россию Германии „даёт нам несколько месяцев передышки“.

И вот, последняя загадка – это необыкновенная сила сопротивления, которой никто не ожидал, ни немцы, ни Черчилль, ни Сталин сам, проявленная русскими. Так что – это было какое-то поразительное стечение необычайных явлений, никем не предсказуемых, не ожидавшихся, которые в один момент сказались...

Е. В. – Кажется, теперь уже и в Советском Союзе признают, что в этой войне народ, армия защищали не мифические завоевания социализма, не тоталитарный сталинский режим и ненавистную коммунистическую власть, а – свою землю, родину, Отечество, почему и справедливо именовать её Отечественной. Вместе с тем известно,

что уже перед войной Сталин начал разыгрывать карту русского национализма, которая оказалась решающей в столкновении с германским национал-социализмом. Естественно, это был очередной обманной ход **интернациональной**, то есть анти-национальной и антинародной по своей сути власти, истреблявшей под корень всё русское с первых же дней своего утверждения на нашей земле. Но дьявольский расчёт оказался точным – только таким путём стало возможным добиться истинно патриотического воодушевления значительной части народа (хотя и далеко не всех...). Война была выиграна, как признал Сталин в известной речи, прежде всего – благодаря русскому народу.

Как сейчас, в атмосфере ожесточённой полемики и усиливающейся русофобии рассматривают у нас на родине комплекс этих проблем?

И. Ш. – По последней части вопроса ответ простой – здесь имеются 77 разных ответов разных людей... Я могу сказать, как мне представляется.

Я хочу подчеркнуть своё несогласие с Вами в одном пункте: ситуация была глубже, чем то, что Сталин обманул народ, что Сталин выдвинул заманчивый лозунг. Сталин был крошечная лодочка, которая присоединилась к грандиозному, мощному кораблю. Корабль был – кораблём русской истории, и Сталин почувствовал, что это есть сила, которая может его спасти. И как всю жизнь, он хватался сначала за ленинские идеи уничтожения России и крестьянства, потом временно он прилепился к русской идее защиты отечества. Это была вовсе не его выдумка, это был с его стороны элемент какого-то политического нюха.

Сама же война, конечно, представляется одним из ключевых элементов русской истории и одним из основных факторов, определяющих наше будущее, и в то же время, в настоящий момент – это колоссальная загадка, которая даже ещё не осознана, в каком-то смысле, ещё не поставленная проблема.

Загадка заключается вот в чём. Мы выиграли грандиозную войну, имеющую полное право называться мировой, больше чем первая мировая война, решившую судьбу мира на какое-то время. А с другой стороны, народ усугубил этим своё собственное рабство. Были спасены русский, украинский, белорусский народы, спасены от судьбы унтерменшей, которая была вполне чётко им предопределена, была спасена жизнь всех евреев, которые жили в Советском Союзе. И в то же время, русские и украинцы после войны оказались первыми жертвами спасённого государства.

Люди, которые сидели в лагерях после войны говорят, что основным пополнением были гудевшие бабьим воем эшелоны, наполненные колхозницами, арестованными за колоски – за то, что они собирали колоски с уже убранных полей – то, о чём в Библии говорится, что этого нельзя запрещать. И евреи, которые были спасены, оказались потом в деле врачей и так далее...

Была освобождена Восточная Европа от немецкого террора, когда было объявлено, что чешская, польская государственность окончены, больше не существуют, и в то же время им были навязаны деспотические, душившие их коммунистические режимы.

Для нашего современного сознания эта загадка является не просто исторически важным вопросом осмысления всей истории, а сегодняшним вопросом, потому что одним из важнейших вопросов продолжает оставаться в России вопрос об оценке сталинизма. Есть так называемые сталинисты. И в том или ином смысле трактуя этот термин, это широкий слой – это люди, у которых что-то с этим связано, большей частью, это люди, которые пережили войну, у которых близкие люди погибли на войне, для которых, может быть, война была величайшей жертвой их жизни, и которые ощущают, что отказываясь от симпатий к Сталину, от Сталина как своего символа, они, может быть, отказываются от самого высокого... от величайших часов своей жизни и, может быть, отказываются от истории нашей. Они всегда

говорят: „А ведь мы выиграли войну под руководством Сталина“. А им обычно противопоставляют аргумент такой, очень простой: „Нет, это было не благодаря ему, а вопреки“. Но мне лично кажется, что это поверхностный аргумент. Он как-то легковат.

Речь идёт не о том, что Сталин руководил, а о том, что в войне действовала вся созданная им машина сверху до низу. Нужно было воевать, будучи частью этой самой машины. И каким образом, оставаясь этой частью, удалось совершить этот вот акт народного героизма, это является какой-то невероятной загадкой.

Ну, можно, конечно, повторить тривиальные объяснения, которые даются. Одно такое, что это просто рабский народ, что если была мощная сила, которая его гнала на врага, то он и шёл. Но это не согласуется с тем, как шла война. В первые месяцы войны, та же самая сила была, и за первые полгода войны, до конца 41-го года, в плен здалось 3.800.000 человек. То есть – это армия, в значительной мере, отказывалась воевать...

Второй аргумент, что это результат политики Гитлера, что Гитлер вёл безумную политику враждебности к русскому народу, с декларацией того, что Россия превращается в управляемую немцами территорию, что государственность русская кончается. Потому, что он не создал какого-то русского национального центра, правительства, хотя бы какого-то органа. Но на самом деле я могу сказать, что это неубедительный аргумент, я переживал это время. Это могло быть убедительным или неубедительным для людей, которые жили на оккупированной территории, но мы, которые жили на другой территории, мы все знали из той же только пропаганды, мы же не встречались с людьми, которые там были. Мы все знали из той же газетной и из радио-пропаганды, к которой мы привыкли, и те, кто ей верил раньше, продолжали ей верить, а кто не верил, вроде меня, они с таким же сомнением относились ко всему тому, что мы тогда слышали.

И мне кажется, что аргумент единственный – вот какой.

Есть нечто в русском духе такое, что когда враг находится у Москвы и на Волге, меняется психология народа и в нём возникает грандиозный порыв жертвенности. В связи с этим я часто перечитываю „Войну и мир“. Я всю жизнь перечитываю её, раз в несколько лет. И заметил такое явление – чем я старше становлюсь, тем с большим интересом я перечитываю исторические главы Толстого. В мальчишестве, когда я его читал, мне казалось, что это причуды гения – ну он имеет право, написав великую вещь, там почудить. А сейчас мне кажется, что он говорит какие-то поразительные вещи, которые мы просто из-за новизны, несогласованности с нашей стандартной психологией, мировоззрением не воспринимаем. Он говорит: как велась война? Народ почувствовал, что это его война. Взял себе вождя – Кутузова, выбрал вождём человека, которого государь не любил, который не имел связей, не пользовался популярностью в придворных сферах. Поставил его во главе войска, и выиграл эту войну. Вождь понял, что когда он выиграл войну, на которую был поставлен, он больше не нужен. И он тут же умер.

Это, ведь, какая-то мистика, с нашей точки зрения. Каким образом народ мог поставить в то время во главе армии Кутузова? А повидимому, это приоткрывает какие-то элементы жизни и истории, о которых мы ещё не догадываемся, а может быть разучились их понимать. Может быть, наши предки, которые обращались к Священному Писанию, или ещё раньше, к каким-нибудь мифам, могли бы эту ситуацию понять.

Вот такого масштаба загадочный элемент заключается в этой войне и мы не можем это сейчас понять, вероятно, не начали даже понимать. Это должна сделать целая литература для прояснения этого вопроса нужны какие-то громадные романы, масштаба „Войны и мира“, исторические исследования и тогда это будет постепенно детализироваться...

У меня такое впечатление, что в народе было тогда чувство, что один раз мы свою мать продали, как говорит Волошин: „прогальдели её на митингах“, а второй раз уже

мы этого не можем сделать. И тогда уже перестали думать: за Сталина, не за Сталина, а действовало вот это чувство, и Сталин к этому чувству прицепился, он пошёл за ним и только и всего. Он старался не ставить самому себе палки в колёса. Он немножко убрал антирусскую пропаганду, которая была, поношение русского, чуть-чуть разрешил Церковь в страшно ограниченных размерах. После войны уступки брались назад.

И, наконец, вопрос о войне, мне кажется, сейчас в России необыкновенно актуален из-за того, что так или иначе, в той или иной постановке, все мы задаём себе один вопрос: „Жива ли Россия реально, есть ли в ней ещё жизненные силы или это уже просто мертвое тело, которое по инерции доходит свои последние шаги?“ – вот, как тот же Толстой описывал наполеоновскую армию. Он говорил, что она была смертельно ранена под Бородиным, но как бывает такой силы зверь, который, получив смертельный удар, ещё долго бежит, так и армия наполеоновская ещё несколько шагов могла бежать, будучи смертельно ранена. Может быть, Россия могла бежать 70 лет, получив смертельный удар?

Я часто об этом думаю. Существуют ужасные аргументы в пользу того, что так оно и есть. Но есть ряд аргументов и противоположных. И один из них – война. Потому что такой силы жертвенный народный порыв показывает существование грандиозных, почти бесконечных жизненных сил. Если сравнить с периодом, когда мы видим умирание какой-нибудь великой цивилизации, скажем, с концом Римской империи, то ничего похожего мы не встречаем. Римские войска того времени состояли из варваров, римляне воевать не хотели, и когда вандалы разграбили Рим, то римляне не бросились их догонять, смывать это поражение в новом сражении, а стали обсуждать вопрос как им устроить по этому поводу игры. Порыв такого рода, – он, конечно, один из аргументов в пользу того, что у жизненного организма ещё имеются грандиозные силы. Поэтому война и для оценки нашего будущего является колоссальной важности аргументом.

Е. В. – Факты свидетельствуют, что призывами к патриотизму, для спасения коммунистического режима, удалось обмануть далеко не всех русских людей. Многие из тех, кто понял провокационный характер лозунгов типа „за Родину, за Сталина“ – оказались в рядах Русской Освободительной Армии генерала Власова. Сейчас об этом – после десятилетий молчания и лжи – начали говорить и писать открыто и, надо сказать, одним из первых здесь был А. И. Солженицын. Что Вы можете сказать по этой теме?

И. Ш. – Я хотел бы Вас только предупредить, чтобы Вы не воспринимали слишком оптимистично и легко то, что Вы сейчас слышите из России. Мне кажется, что русские, которые стреляли в русских, остались страшной занозой в сердцах тех русских, в которых стреляли. Может быть, „власовцы“ и не нуждаются в прощении, может быть, те – другие, нуждаются в прощении, но примириться, по-братски к ним относиться – это преодоление какого-то чрезвычайного рубежа. Долгое время ещё должно пройти, чтобы большинство русских смогло воспринять солдат РОА как своих ещё более несчастных братьев. Всем, кто был на фронте, кто тогда был взрослым, врезался в душу образ „власовцев“ как людей, стрелявших в „наших“. Для русского сознания вообще очень болезненным является представление о русских, сражающихся на стороне врага, да ещё в судьбоносной, великой войне.

Когда Вы много сейчас, может быть, слышите с большой симпатией написанного о „власовцах“, очень возможно, это пишут люди, которые хотят показать, что вообще это предрассудок: все рассуждения, – „за родину“, „против родины“, – какая ерунда... Это место обитания, также место стрельбы – одни стреляют в одну сторону, другие – в другую сторону. Многие явления, которые, казалось бы, должны восприниматься как глубокое преодоление каких-то травм прошлого, они на самом деле суть признаки нигилизма, того, что некоторым людям это

всё равно, и они пытаются внушить другим людям, что всё равно, что на всё наплевать. Я лично, действительно, плохо представляю себе историю власовской армии, сколько там было людей, которые в чём-то сумели увидеть правду, а сколько других.

А Солженицын описывает в общем-то другую картину. Он приводит пословицу: „От корма кони не рыщут“. Он говорит, что власовская армия, „власовцы“, представляли собой, по его представлению, не людей, которые что-то поняли, а мальчишек, брошенных на фронт, не имеющих никакой идеологии, кроме того, что „ничего нет прекраснее жизни“, и брошенных после этого на произвол. И они, как он это красочно пишет, метались, как кони при пожаре, который охватил поле. Это другая картина. Какая тут была истина, я тут не берусь разобраться...

Мне кажется, многое надо ещё передумать и перечувствовать, чтобы сложилось взвешенное, мудрое отношение к этому болезненному эпизоду нашей истории.

Е. В. – В военные годы патриотические чувства русского народа эксплуатировались в духе идеологического прагматизма, среди тогдашних „вождей Советского Союза“ не нашлось ни одного – как не было их никогда с самого начала – кто бы думал о благе России, русского народа; то-есть в „использовании“ русской темы была прямая ложь, как у политиков, так и у публицистов типа И. Эренбурга или В. Гроссмана. Но даже и при таком, вызывающе лживом, провокационном использовании „выигрышной“ темы – она „сработала“: видимо, в силу устойчивости тысячелетней традиции, которую не удалось уничтожить. В наши дни, в нынешней катастрофической ситуации, которая чем-то напоминает обстановку первых военных месяцев – если бы нашёлся мудрый, национально мыслящий политик, который бы всерьёз и честно обратился к живому патриотическому инстинкту нашего народа, – встретил бы он отклик? И, как Вы считаете, можно ожидать именно такого политика в сегодняшней России?

И. Ш. - В начальной фразе я как-то по-другому расставил бы ударения или, может быть, причины и следствия. Я уже говорил об этом. Мне не представляется, что удался какой-то хитро задуманный Сталиным, Эренбургом или Гроссманом план и им что-то удалось сделать. Ничего не удалось сделать! Они были все в полной растерянности. Сталин, прежде всего, ожидал краха, как всем сейчас уже известно, и постепенно, неделя за неделей, с удивлением узнавал, что растут какие-то силы, ему непонятные, от которых он в то же время зависит. Он пытался как-то за их плечи спрятаться, каким-то образом, к этому колоссальному кораблю прицепиться, чтобы выплыть.

Мне кажется, тут картина другая. Сталин гораздо мельче здесь был, вовсе не какой-то фатальный заговорщик мирового масштаба, который смог такую сеть сплести, в которую попались русские.

Что касается того, может ли быть какой-то национальный лидер сейчас, мне кажется, что у народа бывают периоды здорового развития. Они связаны с тем, что численность его не сокращается и он не теряет интереса к своей истории. И таким же, каким-то биологическим элементом жизни является тогда появление, достаточного количества на разных уровнях, крупных личностей. Это всё связано одно с другим. Поэтому так же трудно было бы гадать, что было бы, если бы численность русских не сокращалась, а увеличивалась. Если вернётся достаточно здоровое состояние, то и лидеры появятся.

Я скорее скажу, что сравнение с войной для меня может быть таким аргументом, которым можно возразить против слишком пессимистических суждений. Не только в эту войну, но и многократно замечалась такая закономерность: у русских просыпаются силы в момент, когда они находятся перед пропастью, когда катастрофа кажется почти неизбежной. И в этот момент они находят в себе новые силы, именно из-за сознания этой катастрофы. Повидимому к такому моменту мы уже близки, на это свойство наша надежда и может опираться.

Е. В. – Игорь Ростиславович, сердечно благодарю Вас
за интересную беседу.

**Письма для редакции «Вече»
направлять по адресу:**

Frau V. Drewing
(für RNV e. V. und «Veche»)
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
W. - Germany

П. Тулаев

Соборность в русской мысли

В последние годы в связи с процессом русского национального возрождения всё чаще стало употребляться слово Соборность. Его встречаешь не только в богословских трудах и статьях философского характера, но и в газетной публицистике, слышишь по радио и телевидению, в выступлениях с трибуны и частных беседах. Объясняется это тем, что понятие Соборность наиболее точно и ёмко выражает сущность Русской Идеи, того абсолютного идеала, к которому стремится вся история нашего народа и который выражает основной её смысл.

Самобытная русская философия XIX - XX веков, сознательно занявшаяся исследованием собственных основ, признаёт Соборность важнейшей категорией отечественной мысли и интерпретирует её с самых различных точек зрения. Однако нигде мне не удавалось до сих пор встретить обобщающей работы об истории этого понятия, о его месте в русской традиции. Не претендуя на полноту и монополию исследования, которые невозможны по целому ряду причин, я попытаюсь дать краткий, тезисно выраженный обзор известных мне подходов к Соборности.

Наиболее древние уровни смыслов залегают в этимологии слова Собор. Приставка „со“ и корень „бор“ восходят

к индоевропейскому: *kom-* и *bhrstis, bharas, bharati*, что указывает на процесс со-единения, движения с разных сторон к одной точке. В современном русском языке оно означает: во-первых, „собрание, заседание чинов, от земли или духовенства, для совета и решения важных дел“, и, во-вторых, „главную в городе или части его, бесприходную, соборную церковь“. Соборно, по народному выражению, значит сообща, общими усилиями, содействием, согласием. Говорят: „Собором и черта поборем!“

Во второй половине IX века славянские просветители святые Кирилл и Мефодий использовали глубокое и насыщенное значениями слово при переводе христианского Символа веры. Смысл древнегреческого термина – „по всему“, „согласно всему“, „в целом“ – они передали через понятие Соборный. Один из основополагающих догматов Православия был сформулирован как вера „во единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь“.

Церковное понимание Соборности глубоко и всесторонне разработано. Высшее, собирающее начало бытия выражается в христианстве через догмат о Едином в трёх лицах Боге: Отце, Сыне и Святом Духе, „неслиянной и нераздельной Пресвятой Троице“, через учение о Церкви как „теле Христовом“ и таинстве Евхаристии, через веру в иерархическое единство Церкви Небесной и Земной с Собором Ангелов и Святых, через храмовое искусство: архитектуру, иконопись, музыку. Укореняясь на русской почве, за тысячу лет своего развития церковная Соборность повлияла на все сферы государственной и народной жизни.

С середины XIX века богословское понятие, выражающее сущность православия, привлекло внимание славянофилов. А. С. Хомяков, высоко оценивший значение казалось бы сугубо лингвистической находки, в ходе полемики между сторонниками католицизма и православия писал: „Не посмею сказать, глубокое ли познание сущности Церкви, почерпнутое из самих сокровенных источников истины в школах Востока, или еще высшее вдохновение, писаное Тем, Кто Один есть „Истина и

Живот“, внушило передать в символе слово **католический** словом **соборный**; но утверждаю смело, что одно это слово содержит в себе целое исповедание веры“. Хомяков первым интерпретировал Соборность с философско-диалектической точки зрения и пришёл к выводу, что она „выражает идею собирания не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею единства во множестве“. Исходя из этого тезиса, теоретик славянофилов разработал своё понимание Соборной Церкви, где мистическое, универсальное содержание выдвигается на первый план. Церковь, по Хомякову, не доктрина, не система и не учреждение. Она – живой организм Истины и Любви, или, точнее, Истина и Любовь как организм. Единение людей в такой Церкви, не эмпирической, а умопостигаемой, пребывающей вне времени и пространства, возможно только по разумению, по воле свободного выбора.*

Своеобразно Церковное учение истолковал Н. В. Федоров. По мнению автора „Философии общего дела“, Соборность, выраженная и в мирском строе славянства (община, артель) и в церковном (Соборы), не завершение, а предзнаменование великой, хотя и не определённой славянофилами будущности. Тайна этого будущего прочитывается в онтологических символах, данных человеку через Откровение, религиозный и художественный опыт. Так, образ Пресвятой Троицы является образцом взаимной любви людей и преданности всех сынов и дочерей по отношению к своим отцам. Храм, будучи не только культовым зданием, но и подобием, моделью вселенной, представляет собой интуитивную попытку синтетически объединить все лучшие человеческие чаяния. Музей, оказывается не просто зданием, предназначенным для коллекционирования вещей: предметов старого быта, книг, рукописей, документов и пр., а Собором лиц,

* Хомяков А. С. Полн. собр. соч., т. 2, изд. 4, М. 1990, с. 23, 312-313.

учёных и неучёных, стремящихся сохранить и воспроизвести прошлое в возможной полноте. Исходя из такого понимания религиозно-культурной деятельности, Федоров строит и свой проект государственно-политического развития. Как орган гражданский и военный одновременно, Собор видится ему оптимальной формой Совета по вопросу о всеобщем воспитании и образовании, преодолении неродственных отношений, регуляции природы и пр. во избежание взаимного истребления и во имя всеобщего воскрешения. На международном уровне эту миссию призван выполнить Вселенский Собор, „вселенская дума“, лучшее место для проведения которых Константинополь.

Владимир Соловьев, отдавший должное проективному таланту Федорова, тоже видел залог торжества Русской Идеи в восстановлении на земле образа божественной Троицы, но соединение христианского универсализма с эволюционизмом, наложившим отпечаток на всю философию конца XIX века, выразилось в его онтологии и понимании Церкви иначе. В книге „Оправдание добра“ он сформулировал космологический закон, согласно которому „мировой процесс не есть только процесс развития и совершенствования, но и процесс собирания вселенной“. Собираение происходит не хаотично, а согласно принципам гармонии и иерархии. Более высокие формы Бытия не упраздняют низших, а включают в себя, как бы нанизывая одно на другое, находятся во взаимодействии. Роль человека в этом процессе активная. Являясь центром и смыслом мира, он призван „собирать вселенную в идее“, „чтобы затем, выйдя на богочеловеческий уровень, собирать вселенную в действительности“. Соловьев вводит в связи с этой задачей специальное понятие: человека, вставшего на путь свободной теургии, он называет „собирательным“. Речь тут идёт, конечно, не о ницшеанском человекобоге и не об освобождённом Прометее. „Воистину обожествлённый человек, или истинный человекобог непременно есть соборный или кафолический – всечеловечество или вселенская Церковь. Человек, который

сам по себе помимо Церкви хочет достичь божественного значения, такой индивидуальный человеко-бог есть воплощение лжи, пародия на Христа, или антихрист".*

Линия Владимира Соловьева получила развитие в трудах его близких друзей и единомышленников, Сергея и Евгения Трубецких. Старший брат С. Н. Трубецкой обосновал теорию „соборного сознания“. Имея в виду всю совокупность фактов, определяющих природу человеческого „Я“, не сводимую к какому-либо одному условию, философ доказывает, что наше мышление имеет коренную, изначальную коллективность. Именно благодаря ей мы способны, несмотря на индивидуальные различия, понимать друг друга и стремиться к объективному познанию мира. Однако, соборность человеческого сознания предполагает не только родовое и личное, но и сверхличное начало, в котором родовое примиряется с индивидуальным. Это особенно важно подчеркнуть сегодня, так как свою метафизику С. Трубецкой противопоставлял в равной мере и буржуазному индивидуализму и коллективистскому социализму.

Существенная разница между Соборностью и общественностью показана и в работе Трубецкого-младшего „Умозрение в красках“. Только поверхностному читателю этот небольшой труд, написанный вскоре после начала первой мировой войны, может показаться узкоспециальным, „искусствоведческим“. Находя в русском храме прообраз грядущего Собора ангелов и людей, единого в Боге „храмового или соборного человечества“, Е. Трубецкой вслед за Преподобным Сергием благословляет святую брань во имя Христова и жаждет окончательной победы Богочеловека над зверочеловеком.

Чем сильнее разгоралась искра Революции, тем настойчивее русские философы противопоставляли Соборность – социализму. Сергей Булгаков, выражая общее настро-

* Соловьев В. С. Соч. в 2-х томах, т. 2, М., «Правда», 1989, с. 246; Он же. Собр. соч. в 2-х томах, М., «Мысль», т. 1, 1988, с. 275-276; Он же. Основы духовной жизни. Брюссель, 1982, с. 122.

ние поколения мыслителей, сознательно повернувших „от марксизма к идеализму“, писал в сборнике „Вехи“, что интеллигенция в своём порыве к установлению экономического и социального равенства в действительности несёт не собирающее, но разъединяющее начало, не сотрудничество, а нечто „антисоборное“. Вместо христианской идеи личного подвига атеистическая интеллигенция несла в обожествляемый ею народ дух пролетарского морализма, нигилистического в своей основе и бесплодного.

Томление по Соборности, какие-то неведомые её возможности остро чувствовал в предреволюционной России Вячеслав Иванов. „Спасение придёт от обновлённого соборного духа“, – пророчествовал в 1916 году глава поэтов-символистов, вдохновлённый соловьевской идеей теургического преображения культуры в мистическую Церковь, но, понимая опасность вырождения соборного действия в дионисийскую мистерию, экстатическую, опьяняющую и разгульную, настаивал на его христианско-персоналистическом характере: „Без Христа нет личности, как отдельной, так и народной; славянство же хочет быть соборностью, на любви основанным союзом и духовным общением, 'собранным духом' свободных народных личностей. Без Христа славянское чувство предназначённости на вселенский подвиг обращается в расовое притязание, внутренне бессильное и несостоятельное, и самое грядущее объединённое славянство – в принудительно организованный империалистический коллектив. Мы должны беречься ошибки германцев, вины давней и вырастающей из самих корней их духовного бытия, поистине вины трагической: убийства личности в культе безличного народного Я“. *

Разбушевавшийся после Октября пожар народного восстания остановить и даже хоть как-то ограничить ока-

* Иванов В. И. Борозды и межи. Опыты эстетические и критические, М. 1916, с. 92, 97, 274-278; Он же. Польский мессианизм как живая сила. – Собр. соч., т. VI, Брюссель, 1987, с. 670-671.

залось невозможным. Соблазн внецерковного движения за справедливость и нравственное обновление оказался настолько велик, что радикальные решения запоздавшего Поместного Собора 1917 года уже не возымели на паству ожидаемого влияния. На целые десятилетия умы миллионов граждан России захватил миф об интернациональной, всемирной, коммунистической революции.

В большевистской России, говорить о Соборности и, вообще, о какой-либо открытой форме церковности стало смертельно опасно. Секретный приказ Ленина „провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаться перед подавлением какого угодно сопротивления“, „дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству“, „с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий“, имел самые непосредственные последствия. * Храмы были разорены. Церковь – обезглавлена и репрессирована. Цвет философско-религиозно настроенных мыслителей был выслан за рубеж.

Научные разработки основателя отечественной школы психологии, психиатрии и неврологии, В. М. Бехтерева, о соборной, собирательной личности после его смерти в 1927 году были подвержены ожесточённой критике. Автор „Очерка развития русской философии“ и „Введения в этническую психологию“ философ-гуссерлианец Г. Шпет, хотя и не разделял православного учения о Церкви, смешивая Соборность с деперсонифицированной коллективностью, за своё славянофильство и германофильство был репрессирован перед началом Великой отечественной войны. В лагерях погиб о. Павел Флоренский, выступивший в 1918 году в защиту Троице-Сергиевой Лавры, в которой выдающийся мыслитель, в отличие от атеистов, видел „храмовое действо“, органичный и

* Ленин В. И. Письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК ВКП(б). 19 марта 1922 г., опубликованное впервые в «Известиях ЦК КПСС», 1990, № 4, с. 192.

совершенный „синтез искусств“, живой музей, святыню, а не источник материальных ценностей. Если кто и позволял себе думать в СССР о Русской Идее, то делал это тайно, негласно. Так А. Ф. Лосев, чудом вырвавшийся из ГУЛАГа, написал в 40-е гг. тезисы, где в частности говорит, что Соборность, наряду с онтологичностью мышления, есть одна из важнейших черт русской философии. Восходя к мистической архаике, она соединяет личность, общественность, национальность, народность и религиозность. Поэт Даниил Андреев, глубоко проникший в тайны „идеальной Соборной Души Российского сверхнарода“ в мистическом учении о „Розе мира“ в послевоенные годы с уверенностью пророка предвещал:

Слышу дыхание иного Собора
Лестницу невоплощаемых братств,
Брежущую для духовного зора
И недоступную для святотатств.*

В условиях жёсткой интернациональной диктатуры осмысление сущности и структуры Русской Идеи, а также причин российской катастрофы, не могло получить должного развития. Философские поиски, начатые до Октября, были продолжены нашими соотечественниками в эмиграции. Стараясь обобщить опыт русской мысли, Н. Бердяев, Г. Флоренский, В. Зеньковский, Н. Лосский и др. истолковывали Соборность в духе А. Хомякова, подчёркивая умозрительный, мистический характер вселенской Церкви, основанной на диалектическом единстве свободы и любви. „Соборность, – писал Бердяев, – противоположна и католической авторитарности и протестантскому индивидуализму, она означает коммюнитарность, не знающую внешнего над собой авторитета, но не знающую и индивидуалистического уединения и замкнутости“. Бердяеву же принадлежит знаменитая формула „Соборность есть

* Андреев Д. Роза мира (фрагменты). – «Новый мир», 1989, № 2; Даниил Андреев. Русские боги. Стихотворения и поэмы, М. 1989.

Русская Идея“ и ясно сформулированный вывод о подмене в российской революции Соборности – коммунизмом. *

Богословы Н. Афанасьев, А. Шмеман, И. Мейендорф и др. сосредоточили внимание на православной евхаристической традиции, где Соборность не отрывается от тела видимой Церкви и тесно связана с обрядовой стороной литургий.

На принципе Соборности построил свою теорию „Воссоздания Св. Руси“ А. В. Карташев. Для преодоления расколов в Церкви и обществе надо обратиться, по его мнению, к этому единственно приемлемому и канонически правильному началу. В отличие от других мыслителей, Карташев не ограничивается одной лишь теорией. Он трезво осмысливает исторические реальности и ищет практические пути православного возрождения. Соборное творчество требует взаимодействия епископата, духовенства, монашества и мирян. Особенно важно осмысленное участие в нём светских сил: „Православные миряне должны осознать себя миссионерами православия в океане окружающего нас язычества, вдохновиться всемирно-исторической значительностью и ответственностью своего мирянского апостольства“, создать свои организации, хорошо развитую и широко распространённую структуру братств, союзов, товариществ. *

Всё более ясно значение и смысл Русской идеи стал осознаваться в рамках советской действительности последних лет. В СССР стали появляться одна за другой теоретические разработки, посвящённые Соборности. Как принцип, она легла в основу целого ряда новых изданий, общественно-политических и культурных организаций:

* Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. – В кн.: О России и русской философской культуре. Философы послеоктябрьского зарубежья, М. 1990, с. 181-190. Там же опубликованы фрагменты из сочинений о. Г. Флоровского и о. В. Зеньковского.

* Карташев А. В.. Воссоздание Св. Руси. Париж, 1956, с. 116-117, 143, 150, 154-155.

Российского Христианско-демократического движения, Союза „Христианское Возрождение“, Ассоциации „Объединённый Совет России“, Товарищества русских художников, акционерно-паевого консорциума „Товарищество возрождения Центральной России“, Фонда восстановления Храма Христа Спасителя, общества „Радонеж“, Творческого объединения „Собор“, недавно созданной всесоюзной и международной организации Славянский Собор и др. Возрождение Соборности в жизни Русской Православной Церкви благословил избранный недавно Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Неизбежны в деле духовного и национального возрождения, особенно во внецерковной среде, искусы и западни. Главная опасность тут – упрощение. Начинается оно, как правило, со смещения понятий. Из-за отрицания Абсолютного, трансцендентного начала мира, космос обезличивается, отождествляется с Богом. В связи с этим вырастает соблазн человеческого самообожествления, увлечение безрелигиозным гуманизмом и нравучением. Слово Соборность используется как синоним понятий социализм, коммунизм, патриотизм, единство, солидарность и т. д. Отрицание иерархической структуры мистического единства, центром и краеугольным камнем которого является Христос, а воплощением Вселенская Церковь, приводит к подмене: Лица Господня – ликом всенародной души, Соборности – государственностью и общественностью, богочеловеческого строительства – человекобожеским.

Путь к Соборному строю нелёгок. Каждая вежа его: от воссоединения расколотой Церкви до восстановления полнокровной православной монархии, – требует от нас подвига, подвига осмысленного и свободного. Ибо только так, через покаяние и творчество, мы сможем воскресить тысячелетнюю традицию и вновь обрести Родину, небесную и земную.

Москва, 1991 г.

Вл. Симанский

„Русофобия“ и проблемы мондизма

„Русофобия“ И. Шафаревича, в недавно вышедшем в свет итальянском переводе получила другое название: **„Мондиалистская секта против России“** *. Перемена названия объясняется желанием „приблизить“, сенсационную книгу к западному читателю, выделив один существенный аспект её содержания, который в обширной полемике (русско-язычной) вокруг работы Шафаревича никак не был затронут. Новое название позволяет по-новому взглянуть на книгу, в контексте проходящих на Западе дискуссий и обсуждений. Привлекает оно внимание к важной проблеме, значение которой едва начинают осознавать в сегодняшней России.

Но вначале – несколько слов об итальянском издании. Это первый перевод „Русофобии“ на европейские языки. В Предисловии отмечается, что книга И. Шафаревича – после того как она получила распространение в Самиздате в начале 80-х годов – была впервые опубликована в Германии русским национальным альманахом «Вече» (на-

* I. Safarevič, *La setta mondialista contro la Russia*. Parma, „Sotto insegno del Veltro“, 1991.

поминаем: в 1989 году в №№ 33 и 34, после чего вышло отдельное издание РНО), и затем – московским журналом «Наш современник». С этого последнего текста и был сделан перевод, разделяющий, к сожалению, „структурные“ недостатки советского издания. Действительно «Наш современник», видимо, не решился опубликовать весь текст „Русофобии“ сразу – в №6 (1989) были **опущены** решающие главы книги, трактующие „еврейское влияние в революционный век“; они появились лишь в осеннем, 11-м номере журнала. Соответственно, итальянский текст работы И. Шафаревича оказался искусственным образом разделённым на две „части“ и, что досаднее всего, Заключение (§ 10), имеющее принципиальное значение, как подводящее итоги всему исследованию, было помещено в завершение „первой части“. Конечно, это нарушило композиционную стройность книги; при всём том, она с интересом была встречена в Италии.

„Русофобия“ – или „Мондиалистская секта против России“ – вышла в издательстве, до того познакомившим итальянского читателя с „Византизмом и славянством“ К. Леонтьева, и вообще с леонтьевским мировоззрением (монография переводчика – Альдо Феррари – „Третий Рим“). „Марка“ издательства – „Под знаком Борзого Пса“ – обращает нас к Данте и его бессмертному творению. В „Божественной Комедии“ Борзой Пёс (Veltro) – символ освободителя Италии: это ему суждено загнать в недра ада **волчицу** – символизирующую любостяжание, корыстолюбие, которая, вместе с **пантерой** (сладострастие) и **львом** (гордыня), олицетворяет главные беды этой страны. Впрочем, издатель убеждён, что эти беды и пороки присущи не одной лишь Италии – почему он и публикует книги, подобные „Русофобии“ (вышла в серии „Другая Европа“).

В предисловии к названному изданию читаем: „В ноябре 1990 года, по третьему каналу итальянского государственного телевидения был показан двухсерийный фильм, главный герой которого борется против могущественной секты, именуемой „Малым Народом“. Этим же самым на-

званием, извлечённым из исследований французского историка О. Кашена, И. Шафаревич указывает на реальность, которая во многом сходствует с некой сектой: речь идёт о социальной группе, начисто отрезанной от духовной связи с народом, смотрящей на него лишь как на материал, а на его обработку – как на чисто техническую проблему, так что её решение не ограничено никакими нравственными нормами, состраданием или жалостью“.

Автор Предисловия (Данило Вальдорио) продолжает: „Но явление такого рода не возникло всего лишь в эпоху Французской Революции, изучавшуюся Кошеном, когда 'круг людей, оформившийся в философских обществах и академиях, масонских ложах, клубах и секциях' выработал особый тип человека, 'которому было враждебно и отвратительно всё, что составляло корни нации, её духовный костяк': речь идёт о „Малом Народѣ“, который враждебно противопоставляет себя „Большому Народу“, чем часто характеризуются периоды глубокого кризиса в жизни отдельных наций“.

Внутренние цитаты приведены из исследования И. Шафаревича, вызвавшие особо злобные нападки на него – хотя, подчеркнём это ещё раз, толчком для его размышлений на эту тему были строго академические исследования О. Кошена, кстати, широко переиздававшиеся на Западе в юбилейный для „Великой Французской Революции“ 1989-й год. О. Кошену принадлежит и само это выражение – „Малый Народ“. Странно, что никто из „оппонентов“ Шафаревича не потрудился заглянуть в сочинения французского историка.

„Это подтверждается, – продолжает свои размышления над текстом „Русофобии“ Д. Вальдорио – именно в современной России, где деятельность космополитической **интеллигенции** (которую обличает Шафаревич), стремящейся навязать схематическую и одностороннюю интерпретацию национальной культуре, а также свести всю русскую историю к ряду клеветнических стереотипов, и в целом вызвать и широко распространить самую настоящую **русофобию**, где эта деятельность раскрывается,

как вполне соответствующая мондиалистическому проекту. Мондиалистический проект – это замысел, стремящийся, судя по всему, к своего рода духовному геноциду всех народов земли, путём разрушения их специфической культуры, поощрением эгалитарного единообразия умов и гомогенности обычаев под знаком гедонистических и потребительских ценностей, между тем как в плане политическом он стремится полностью ликвидировать национальный суверенитет, вытесняя все его разновидности единым **мировым правительством**, которое контролировалось бы технически-бюрократической олигархией и оправдывало бы свою цель, демократически действенную для всех: индивидуальное счастье, как экономическое благополучие“.

Мондиализм – слово новое для русского читателя, особенно в Советском Союзе. Правда, – конечно, совершенно случайно – почти одновременно с появлением в продаже итальянского перевода книги И. Шафаревича, новая газета Союза Писателей СССР «День», поместила обширную статью Леонида Охотина „Угроза мондиализма“ (апрель 1991, № 7). В статье раскрывается смысл этого понятия, и мы усиленно приглашаем читателей внимательно ознакомиться с ней.

Парадокс, однако, заключается в том, что на Западе – свободном, демократическом Западе – где к настоящему времени накопилась целая библиотека исследований по этой проблематике, само это слово, **МОНДИАЛИЗМ**, употребляется лишь в определённых („правых“) кругах. Толковые словари – английского, французского, итальянского языков не знают такого термина. Французская „Универсальная Энциклопедия“ (изд. 1980, том 9-й) при упоминании о „мондиализме“ отсылает к „интернационализму“ – понятию, которое „находится в сердцевине социалистической мысли“. Чтобы детальнее и глубже разобраться в смысле **МОНДИАЛИЗМА**, нужно обратиться к литературе, действительно, **специальной**, которая замалчивается „большой прессой“ и которой не найти в самых больших и престижных книжных магазинах.

Для читателей «Вече» **проблематика** Мондиализма – вещь знакомая: в №5 «Вече» (1982) было опубликовано, не полностью, исследование А. Федосеева „Благодетели“, в котором – без использования этого термина – автор раскрыл многие моменты **мондиалистской идеологии**. В этом же выпуске нашего альманаха были помещены материалы о деятельности так называемой „Бильдербергской группы“ – одной из важнейших мондиалистских организаций (ср. статью Л. Охотина).

Далее мы остановимся специально на синтетическом изложении **МОНДИАЛИЗМА**, как идеологии, чтобы понять, каким образом итальянские издатели увязывают эту проблематику с содержанием книги И. Шафаревича, вернёмся к цитированному уже Предисловию.

Подчеркнув, что её итальянский перевод до настоящего времени является единственным переводом на западные языки, автор Предисловия и переводчик указывает **почему**: „если предшествовавшие работы И. Шафаревича, выдающегося математика и алгебраиста с мировым именем, были переведены на основные западные языки, слишком легко предвидеть, что „Русофобии“, за пределами СССР, не удастся завоевать такого же успеха. Более того, некоторые представители „Малого Народа“ уже мобилизовались, чтобы 'заклеймить позором' автора книги: один из первых – Андрей Синявский (alias Абрам Терц), который из своей парижской 'ссылки' протрубил об опасности, какая исходит от распространения этого текста. Что касается собственно Италии, после резко критических, но, во всяком случае, уравновешенных отзывов Витторио Страды и Дж. Гандольфо, имело место безобразное печатное выступление 80-летнего Франсуа Фейто...“

Краткая справка для русского читателя, кто таков сей раздражённый старец. Вот что писал о нём недавно один итальянский литературный журнал в связи с выходом в свет последней его книги „Реквием по распавшейся империи. Распад австро-венгерского мира“: „Венгр по месту рождения и адаптированный француз, еврейского проис-

хождения, но обратившийся в католичество, марксист в юности, затем причаливший к социал-демократии...“ Автор многих книг, вышедших на Западе, в частности, „Евреи и антисемитизм в коммунистических странах“.

Автор Предисловия к итальянской „Русофобии“ называет Ф. Фейто „авторитетным представителем „Малого Народа“, и для иллюстрации „мнений“ этого типа „интеллигенции“ приводит отдельные фразы из его статьи в миланской газете «Джорнале», озаглавленной „Антисемитский бестселлер“. В этой своей статье Фейто называет „пророками нового антисемитизма“ „математика-идеолога И. Шафаревича“, который де „бахвалится своей дружбой с А. Солженицыным“ и... сталинистку Нину Андрееву, утверждая, что первый из них заимствовал термин „иудобольшевизм“ из „Майн Кампф“ Гитлера. Легко проверить, что в тексте „Русофобии“ нет и следа такого термина.

После ряда таких цитат, сопровождаемых возмущёнными опровержениями, и особенно последней, где Ф. Фейто говорит о „моральном убожестве народа“ (разумеется, русского!), порождающего подобные бестселлеры, автор итальянец замечает: „С нашей стороны, мы можем возразить, что – если уж и говорить о 'моральном убожестве', красноречивые свидетельства его представляют сами клеветники и фальсификаторы. Поистине смехотворно, что обвинение в 'нравственном убожестве' звучит с кафедр той культурной системы, которая – после того, как она спровоцировала в последние десятилетия „революционные“ изменения в обычаях и нравах Западной Европы – готовится экспортировать также и в „освобождённые“ восточно-европейские страны самые передовые достижения той морали, верховными жрецами которой были Де Сад, Фрейд и Рейч, достижения, среди которых выделяется „сексуальное воспитание“, право на гомосексуализм, усиленное распространение наркотиков, генетическая инженерия и многие иные элементы, тесно связанные с „качеством жизни“, соответствующим „ценностям свободы“.

„Герольдами“, возглашателями такого рода прогресса, автор Предисловия к итальянской „Русофобии“ называет „представителей мондиалистской культуры“. Он заканчивает так: „Если в России книга, подобная этой работе Шафаревича, вызвала широкое одобрение (а об этом можно судить по отзывам читателей, приводимым в «Нашем современнике», 1990, № 2 – Вл. С.) – о чём сожалеют мондиалисты – это значит, что „Малый Народ“ ещё не победил окончательно“.

*

Но что же такое, всё таки – МОНДИАЛИЗМ? Выше мы назвали работу А. Федосеева „Благотетели“ написанную по материалам американских и английских опубликованных исследований, в которой опровергается „миф, будто коммунизм Западом не понят“. „В действительности, – утверждает автор, – социализм-коммунизм является лишь частью общего плана ряда организаций финансистов-монополистов мира для создания мирового тоталитарного государства под управлением картеля финансистов-монополистов. Государства, которое они называют Новым Мировым Порядком“.

В названной недавней статье Л. Охотина „Угроза мондиализма“ – **впервые** в советской прессе **разоблачающей** замыслы мондиалистов, рассказывается о названных А. Федосеевым „организациях финансистов-монополистов“ (то есть – мондиалистов!): Совете по международным отношениям, Бильдерберге, Трёхсторонней комиссии. Говорится и о их „советском филиале“ – хотя здесь многое можно было бы **добавить** из чисто фактического материала (вспомним хотя бы небезызвестное „Пагуошское движение“...). Особенно знаменательны приведенные автором „определённые параллели“ мондиалистской концепции – с „проектами академика Сахарова“ и с „концепцией нового политического мышления“, выдвинутой с самого начала перестройки другим Нобелевским лауреатом мира. Автор упоминает также появившуюся в централь-

ной «Правде» (15. 1.1988 г.) статью ближайшего советника М. Горбачева – Г. Шахназарова „под более чем откровенным названием“ (формулировка Л. Охотина): **„Мировое сообщество управляемо“**. Статья заканчивается мажорно: „В будущем всё чётче проглядывает (!) не очередная державная гегемония (!!), а „мировой концерт“, исполняющий без дирижёра (!!) мелодию мира и сотрудничества“.

Нельзя не сказать, что совсем недавно – 12 мая 1991 года, в «Известиях», Г. Шахназаров, на сей раз в облики президента Советской ассоциации политологов, вернулся к своей излюбленной концепции, в статье, где обосновывается необходимость сохранения „Союза“. Лейтмотив этого сочинения – „обществу необходима рациональная мера централизованного управления“. Читателю сообщается, что „генеральная тенденция развития обещает уже в ближайшие 10 - 15 лет прорыв по пути общеевропейской и даже мировой интеграции“ (в частности, говорится о возникновении „в недалёком будущем“ „подобия“ (?) Соединенных Штатов Европы). И в этой статье заключение вполне мажорное: „Что бы ни говорили сторонники национальных государств и как бы ни насмешничали (!) они над „глобалистами“, космополитами и прочей интернационалистической публикой“, только слепые упрямыцы могут не видеть, что уже началось формирование нового миропорядка, основанного на совместном и согласованном регулировании всеми нациями мирового развития“.

Куда уж откровеннее и ясней! Но, как нам представляется, сам термин **мондиализм** (даже удачнее и выразительнее, чем „глобализм“) **помогает** разобраться в хитросплетениях этой новой универсалистской идеологии. КТО же именно, какие благодетели занимаются – уже начавшимся! – формированием „нового миропорядка“?

Мы предлагаем читателям итоги (по необходимости схематические) исследований особой „Группы документации и исследований по проблемам мондиализма“, состоящей из преподавателей и исследователей ряда итальянских университетов.

Что следует понимать под мондиализмом?

Под **МОНДИАЛИЗМОМ** надо понимать установление действенного единого в масштабе планеты правительства, являющегося выражением власти самых могущественных кланов Международного Высшего Капитала. Разумеется, тот факт, что экономика, политика и культура в огромной степени находятся под влиянием лобби богатейших капиталистов – известен всем, и даже воспринимается, как вполне „нормальное“ явление большинством обычных людей. Но **МОНДИАЛИЗМ** – это нечто более значительное и более сложное, в сравнении с простым капитализмом. **МОНДИАЛИЗМ**, который постепенно устанавливает свою власть над всеми народами земли, определённо стремится к глобальному, абсолютному и – по идее – вековечному господству над всем человечеством. Любой народ, любой уголок планеты, каждый отдельный индивидуум – актуальная или потенциальная жертва этого спрута, который охватил своими щупальцами весь земной шар. Его господство в одно и то же время экономическое, политическое, социальное, культурное, он претендует на то, чтобы исправлять нравы и управлять общественной и частной жизнью всех людей вплоть до достижения всецелого контроля над мыслями. Это тотальное господство стремится быть вечным и неизменным и уже навязывает теорию так называемого „конца истории“.

Каковы истоки мондиализма?

МОНДИАЛИЗМ рождается из ненасытной жажды богатства и власти самих по себе, то есть не принимая в расчёт блага общества. Это первоначальное зерно, более или менее явно присутствующее во всех человеческих цивилизациях и обществах, даёт начало, среди прочего, и сорняку ростовщичества: „одадживание“ денег как частным лицам, так и правительствам, под процент, который порой становится невыносимо высоким. С течением вре-

мени, ростовщики становятся самым настоящим классом общественных паразитов, кровопийцами, живущими за счёт пота ремесленников и крестьян. Естественно, европейское общество с самого начала понимало опасность, представляемую ростовщиками и боролось с ними. Средневековый ростовщик восстанавливал против себя всю общину: политические власти стремились поразить его, ставя пределы процентам на интерес и наказывая тех, кто не соблюдал этого; Церковь объявляла его достойным адских мук за гробом; народ его ненавидел и богословы предоставляли „идеологическое“ объяснение этому общему настроению.

Эти контрмеры, однако, оказывались малоэффективными в отношении ростовщиков-евреев: церковные осуждения оставляли их безразличными, а поддержка со стороны еврейских общин (поддержка в том, что считалось нормальным для их религии) помогала им ускользать от юстиции. Великие исторические события благоприятствовали финансовому, а затем и политическому росту ряда больших кланов: интенсификация коммерческих отношений, появление на сцене протестантского кальвинизма (который положительно смотрел на обогащение, как цель в себе), непрекращавшиеся братоубийственные войны европейских государств между собой, требовавшие больших средств на вооружение их армий, распространение масонства и, наконец, – событие неизмеримой важности – появление современной демократии, как политической и общественной системы. Действительно, при демократии политическая власть по своей природе носит временный характер; это власть на время, непостоянная, часто поддающаяся шантажу, неспособная планировать на долгое время вперёд – будучи принуждённой искать голоса избирателей на очередных (предстоящих) выборах. Всё это делает мир Высшего Капитала единственной стабильной и постоянной силой, способной проектировать и действовать „на длинные дистанции“. Помимо того, непрекращающийся конфликт, типичный для демократии, между различными фракциями (партиями, профсоюзами, ассо-

циями и группами разных видов давления) позволяет Высшему Капиталу сохранять желаемый контроль над всей Системой. Та же система применяется и на социальном уровне, финансированием всех его компонентов, поддерживая таким образом международное равновесие – путём предоставления займов (под определённый процент) различным державам таким образом, чтобы поддерживать нужное стратегическое равновесие, делающее Верховный Капитал высшим судьей и хозяином положения. Важно напомнить, что представители Высшего Капитала – космополиты: то есть они не поколеблются покинуть клонящуюся к упадку державу – после того, как они высосали из неё всю кровь – чтобы перенести свою стратегическую базу на территорию восходящей державы. Вчера такой „базой“ международной банковской касты была Британская империя; сегодня это – США, завтра может всё измениться снова.

В чём заключается идеология мондиализма?

Мондиалистская идеология – прямая наследница демократического просвещенчества масонской окраски, к которому был привит сионистский интернационализм.

Конечная цель – создание единого правительства в масштабах планеты; уже в 1950 году Джеймс Варбург провозглашал: „нравится вам это или нет, но мы будем иметь мировое правительство – или с общего согласия, или путём применения силы“. Это предполагает уничтожение всего того, что может воспротивиться мечте о гомогенизации, низведенного к однородности всего человечества. В результате возникнет Новый Мировой Порядок, представляющий собой режим особого рода.

– Космополитический: народы и нации должны смешаться, забыть о своей расовой и культурной специфике, отказаться от всякой реальной независимости.

– Внерелигиозный: все великие религии должны быть ослаблены, выхолощены, отодвинуты на задворки истории (за исключением иудаизма, для которого было соз-

дано государство Израиль). Никакая Вера и никакое Учение отныне не должны будут противопоставлять себя „истинам“ изготовляемым Мондиализмом для своих подданных.

- Демократический: количественный фактор, легко поддающийся контролю со стороны тех, кто манипулирует средствами массовой информации, должен стать отныне высшей мерой добра и зла, заменяя традиционные источники авторитета: народные обычаи, духовные принципы, мудрость стариков, семью.

- Плутократический: тотальная свобода рынка будет общим правилом.

Важно подчеркнуть, что проекты мондиализма сегодня не являются секретом: известна, например, книга „Трагедия и Надежда“ Кэрола Кигли – самый настоящий манифест программного характера мондиалистов.

Именно в этот контекст вписывается ООН, созданная победителями второй мировой войны, при создании которой первостепенную роль играл Федеральный Резервный Фонд (ФР) и в особенности клан Рокфеллеров.

Как заявил Корд Мейер (из ФР) Единое Мировое Правительство с монополией на ядерное оружие, в случае восстания какой-то нации, „могло бы стереть эту нацию с лица земли“.

Технические цели в контексте мондиалистской стратегии

1. Установление, в возможно наибольшем числе стран, такой политической системы, которая гарантировала бы существование нестабильных и ненадёжных правительств и учреждений, – с тем, чтобы политическую власть всегда можно было подвергнуть шантажу или манипулировать ею, и чтобы она никогда не смогла стать сильнее власти экономической. Отсюда – поддержка режимов демократического парламентского типа со стороны могущественных международных финансовых магнатов на протяжении последних двух столетий.

2. Единая и всемогущая всемирная военная сила, гарантируемая политико-стратегической интеграцией двух сверхдержав. Политико-идеологическая вначале, а затем и военная интеграция двух сверхдержав оказались неизбежными, вследствие невозможности выдерживать далее расходы, связанные с гонкой вооружений (как обычного типа, так и ядерных), расходы, диктовавшие потребностью существенного равновесия.

В свете этого находит объяснение та финансовая, техническая и даже продовольственная помощь, которая оказывалась Советскому Союзу, начиная со времён большевистской революции и даже в периоды самой большой напряжённости так называемой „холодной войны“, вместе со многими непонятными и необъяснимыми уступками СССР Сталина.

3. Снижение воинского духа и дискредитация вооружённых сил, которые должны быть – в странах, контролируемых Системой – технически эффективными, но непременно малопrestiжными, лишёнными духа кастовости, чтобы они никогда не смогли стать источником или инструментом восстания.

В свете этого находят объяснение бесконечные анти-милитаристские кампании на Западе в последние десятилетия, и особенно – запрограммированные военные поражения во Вьетнаме, с одной стороны, и в Афганистане, с другой – предназначенные для того, чтобы лишить Вооружённые Силы двух сверх-держав, через переживание горечи поражения, какой-либо способности вмешательства в игры большой политики.

4. Всемирная экономическая интеграция, достигаемая посредством взаимозависимости технологической, продовольственной, источников сырья и рабочей силы между всеми странами мира, – так чтобы никто из них не был в состоянии достичь положения автархии, или самодостаточности.

В свете этого находит сегодня объяснение политика Мультинациональных компаний – в особенности фармацевтических и продовольственных на юге планеты – ко-

торая стремится к самому настоящему „выбросу“ громадных людских масс в богатые страны где благосостояние, снижение рождаемости и „новые нравы“ открывают шлюзы безмерному притоку „дешевой рабочей силы“ и, в то же самое время предлагают стратегам мондиализма эффективные средства для уничтожения национального чувства.

5. Существенная культурная и психологическая однородность, гомогенность, унифицирование мировых масс, предназначенных составить единый бесконечный рынок, с тем чтобы различие вкусов не благоприятствовало слишком дифференцированному производству и не препятствовало долгосрочным инвестициям и программам.

Среди самых опасных и препятствующих различий на первом месте находятся религиозные, затем различия обычаев и, прежде всего, этнические. Поэтому в чисто „мозговом“, и в ближайшем будущем невозможном даже в качестве гипотезы плане, представляется горячая мечта мондиализма о „плавильном котле“, расовом всесмешении, тотальной гибридизации человеческого рода – вместе с навязыванием единого общего языка.

– 6. Революция нравов, которая отбрасывает в сторону социальные роли, определявшие в течение тысячелетий жизнь любого человеческого общества в традиционных и естественных взаимоотношениях между поколениями и между двумя полами, с определённой наклонностью к моральному попустительству и массовому гедонизму – как средству отчуждения и насильственного отделения индивидуума – особенно молодёжи – от его общины, начиная с семьи и кончая Отечеством.

В свете этого находят объяснение пропаганда рок-музыки, порнографии, эротического кино, сексуального воспитания в школах, отказа от отцовского авторитета и мифологизация женской сексуальной свободы, с принижением и высмеиванием таких традиционных ценностей, как чистота, девственность, верность, и банализация любви, как трагического и поэтического компонента существования.

7. Всемирный демографический контроль вплоть до достижения нулевой рождаемости. Невозможный по существу на бедном Юге, этот контроль в то же время фактически осуществляется путём изменения нравов и легализации аборт в развитых странах Запада – он благоприятствует массовым миграционным смещениям, в результате которых общества становятся всё более много-расовыми и, следовательно, всё более обеднёнными в национальном духе и в ощущении общности, – что составляет досадные точки сопротивления мондиалистскому давлению.

8. Максимальная эксплуатация всех земных ресурсов в безумном преследовании модели потребительского благосостояния – подлинного нынешнего „опиума народов“ – что служит анестезии масс в более богатых странах и гипнотизированию населения стран бедных.

9. Всё более капиллярное проникновение в школьную воспитательную структуру и в систему воспитания масс-культуры нео-просвещенческого типа с конечным результатом секуляризации (обезбоживания) общества и банализации существования.

В свете этого находит объяснение коварная и непрерывная кампания против религиозности, Священного, Трансцендентного, трагического смысла жизни, и против самой научной концепции неизменности человеческой природы.

10. Денационализация народов – стирание их исторической Памяти – посредством насильственной и массовой имитации американских моделей и образцов.

*

В своей работе И. Шафаревич выявляет преимущественно один – но едва ли не самый существенный аспект **мондиалистской идеологии**. В стремлении к поголовному усреднению, тотальной унификации на всех уровнях и во всех отношениях – к тому, что именуется **гемогенизацией**(от „гемогенный“ – то есть однородный) – мондиа-

лизм нацелен прежде всего на всецелое разрушение исторической памяти, полное искоренение национального своеобразия, самобытности. В сущности, уже марксизм-социализм – одно из ранних „ответвлений“ идеологии мондиализма, – в своей „практике“, в осуществлении чудовищного „эксперимента“ на развалинах бывшей Российской империи – поставил себе задачу принципиального разрыва с прошлым и создание нового, „советского“ человека из того этнографического материала, в которое он превратил бывшее цветущее многообразие народов, ликвидировав всё яркое и выделяющееся в национальном отношении. „Эксперимент“, несмотря на чудовищные жертвы, исчислявшиеся десятками миллионов жизней, провалился. Более того, – не касаясь сейчас трагических событий войны и послевоенного времени, когда, в политических целях, режим обратился к наглой эксплуатации не до конца задушенного национально-патриотического инстинкта – со второй половины 60-х годов заиграли первые зарницы национально-религиозного возрождения, воскресения русско-православного духа. Вот тогда-то, для окончательного устранения **русской опасности** (кончилось тем, что прямо стали говорить о „русском православном фашизме“...) – опасности на пути гомогенизации – и начала распространяться РУСОФОБИЯ в невиданных и неслыханных ранее формах и масштабах. Историческая заслуга И. Шафаревича в том, что он не только своевременно распознал масштабы этой опасности (название одной из последних его статей – „Можно ли ещё спасти Россию?“ – связано, как нам представляется, с этой именно опасностью), но и возымел гражданское мужество открыто, публично заявить о ней в своей работе, что немедленно и навлекло на него злобу и ненависть нескрываемые.

Во Введении, разбирая „цель работы“, учёный указывает на существование определённой **идеологии** – „активного, значительного течения“, которое „уже подчинило себе общественное мнение Запада“. Для него несомненно, что мы оказались перед угрозой апокалиптического

характера: **окончательного разрушения религиозных и национальных основ жизни**“. „Манипуляторов“, проводников этой идеологии – исчерпывающе проанализированной им на кратком примере: отношения к русской истории и к „русскому“ вообще – он и назвал „Малым Народом“, воспользовавшись терминологией и метафорикой историка Французской Революции О. Кошена.

В этом „Малом Народ“ растревоженное осиное гнездо русофобов всех мастей (не по принципу ли: „на воре шапка горит“?) поспешило „распознать“... евреев, – дабы тысячи раз проверенным, испытанным обвинением в антисемитизме буквально **уничтожить** автора, как учёного, общественного деятеля, гражданина (это – после того, как не удалась кампания **замалчивания**, „сорванная“ публикацией «Вече»). Спокойный и достойный ответ самого И. Р. Шафаревича на подобные инсинуации – в интервью журналу «Вестник АН СССР» **снимает** надуманную проблему, раздутую в провокационных целях (как о том свидетельствует и публикация материалов из американской печати в журнале «Наш современник», 1990, № 12). В этой однобокой, уродливой „полемике“ – помимо всего прочего, теряющей свою остроту в атмосфере нынешней „гласности“, когда о роли и участии евреев в революции 1917 года и дальше гораздо полнее и выразительнее пишут во множестве печатных органов, не исключая даже таких, как «Огонёк» – сознательно или бессознательно **обходится** неизмеримо более важный и актуальный аспект работы И. Шафаревича: её несомненная **антимондиалистская** направленность, которую остро воспринял западный, итальянский издатель, изменением её названия обращая внимание всех читателей именно на эту сторону, этот аспект.

Итак, речь в книге идёт – на примере России и русских – о страшной, последней угрозе самому существованию народа, нации, с традиционно религиозным укладом жизни; о планируемой возможности – что раскрывается с циничной откровенностью в писаниях представителей „Малого Народа“ – „безоглядно-решительного манипули-

рования народной судьбой“. Шафаревич указывает (на это не было обращено достаточного внимания!), что „мы встречаемся здесь с какой-то **особой** формой передачи идеологических концепций, причём присущей **всем** (выделено мною – **Вл. С.**) историческим вариантам Малого Народа“. Возобновляется разговор – и читателя приглашают задуматься над этим! – об „очень специфической деятельности по направлению общественного мнения“, описанной О. Кошеном (и добавим, не им только: у него имеются предшественники, и многочисленные...). Эта „очень специфическая деятельность“, – пишет И. Шафаревич, – „включает, например, колоссальную, но кратковременную концентрацию общественного мнения на некоторых событиях или людях...“ Недавние события в Персидском заливе могут служить яркой иллюстрацией этого наблюдения (и, быть может – как считают некоторые западные обозреватели, свидетельством „пробы“ мондиалистской стратегии).

И. Шафаревич не ограничивается априорными утверждениями, предоставляя читателю обширный материал для самостоятельных размышлений и проверки его выводов. Таким методом он пользовался, в частности, и в предыдущем своём исследовании о „социализме, как явлении мировой истории“. Задавшись целью „найти истинную логику социализма“, учёный пришёл к выводу, что эта смертоносная идеология представляет собой „одно из проявлений стремления человечества к самоуничтожению“. Что является закономерным следствием богоненавистнической природы социализма: социализм – это ТЕОФОБИЯ.

В „Русофобии“ (**русофобия** – явление, неотделимое от осуществления социалистической идеологии на практике, в условиях русской жизни: это есть отношение к „объекту“ задуманного чудовищного „социального эксперимента“, русскому народу, по Достоевскому – народу-богону) ставится тревожный вопрос о более чем реальной возможности гибели целого народа. Такая гибель возможна в результате „новой и последней катастрофы, по-

сле которой от нашего народа, вероятно, уже ничего не останется...”

И. Шафаревич подводит читателя к мысли о том, что русофобия – это неотъемлемое свойство, внутренний элемент того „совершенно чуждого России явления“, каким является социализм, – „в отличие от Западной Европы не имевшей здесь никаких исторических корней“. И это находится в русле общей антимондиалистской концепции книги – ведь далеко не случайно некоторые критики мондиализма (из русских – А. Федосеев) непосредственно увязывают мондиализм с социалистической утопией. *

*

Летом 1989 года – когда в Германии отдельным изданием вышла „Русофобия“ в одном американском и в одном советском журналах были опубликованы две статьи, очень близкие по теме, хотя и „противоположной“ направленности, которые вызвали (каждая по-своему) обшир-

* Несомненная интуиция мондиалистского замысла ощущается в статье Т. Глушковой в «Нашем современнике» (1991, № 4), с характерным названием „Хищная власть меньшинства“. Справедливо пишет она о том, что „покуда ещё таящееся, мировое правительство призвано осуществлять не что иное, как именно диктатуру, глобальную по сфере своего действия“. Как выразительны её слова о „некоем *сверхаппарате*, осуществляющем единое верховное правление на огромном „едином пространстве“ невиданной *сверхимперии*, перед которой лишь микроскопом выглядят все бывалые прежде империи...“ Имеются у Т. Глушковой и горькие слова о „*конце истории*“ – где „апогеем объявляется современная (западная) демократическая система правления“. Она не читала Ф. Фукиды и, почти наверняка, не знает исследования И. Шафаревича о социализме – но, интуитивно она в данном случае совпадает с выводами члена редколлегии «Нашего современника», когда уверенно утверждает, что „это всё та же идеология *смерти*, в какую равно упираются и мечта о „бесповоротном“, окончательном „коммунистическом рае“, и упования на „необратимость“ буржуазно-демократических завоеваний торжествующего капитализма“. К сожалению, даже глубокая и страстная увлечённость К. Леонтьевым не спасает Т. Глушкову от вошедших, видимо, в её подсознание демагогических *советских* формул – „*буржуазная демократия*“ – с презрительной разрядкой эпитета (который противопоставляется, не раз и не два, – значит, вполне сознательно и убеждённо! – „*социалистическая демократия*, которая в полноте своей (!), к сожалению

ный резонанс. Статья американского политолога и советника Госдепартамента Ф. Фукуямы „Конец истории?“ вызвала многочисленные отклики и дискуссии; переведенная во многих странах, она появилась по-русски в «Вопросах философии» (1990, № 3). Другая статья – И. Шафаревича в «Новом мире» (1989, № 7): „Две дороги – к одному обрыву“ – тоже вызвала значительный резонанс, преимущественно в среде русско-язычной на родине и за рубежом (достаточно сказать, что только нью-йоркское «Новое Русское Слово» посвятило ей не менее четырёх обширных публикаций – „рецензий“...).

Тематика статей американского и русского учёных – имеющая самое прямое отношение к проблеме МОНДИАЛИЗМА – чрезвычайно близка, но мотивы интереса к той и другой работе были, всё же, очень разные. Более того, принципиальной близости тематики, как будто, не заметил никто из писавших о Фукуяме и о Шафаревиче. „Главный научный сотрудник Института США и Канады АН СССР“ проф. Замошкин, снабдивший – согласно сложившейся традиции – публикацию статьи Ф. Фукуямы в «Вопросах философии» своим „объясняющим“ комментарием, или не знал вообще о существовании статьи члена-корреспондента АН СССР И. Шафаревича, напечатанной

нию, не сбылась за все десятилетия Советской власти“) слишком уж форсированное уничтожение „прав“ человека (хотя и нельзя не оценить язвительной точности анализа *человеков*, преимущественных субъектов этих прав) и „правового Государства“. Пребывание в советской тюрьме очень прояснило бы её идеи относительно „новой, национально-претворённой и духовно обогащённой теории социализма“ – такого тюремного, лагерного опыта очень не хватает многим авторам «Нашего современника». Впрочем, и в размышлениях на „воле“ – о социализме – она могла бы призадуматься над тем любопытным фактом, что разбирает она *Парижскую* хартию, подписанную *социалистическим* президентом Ф. Миттераном...

В этом же номере «Нашего современника» – беседа с О. Волковым, почти три десятка лет на своей шкуре испытывавшем „национально-претворённую *практику* социализма, тогда – в отдельно взятой стране“. Вот у него и сказано точнее всех о сущности МОНДИАЛИЗМА: „не видеть в этом какого-то глобального сатанинского замысла по меньшей мере близи́руко“.

в самом популярном **либеральном** советском журнале, или же – что представляется более вероятным – ничего не понял в содержании статьи самого Фукуямы. „Критики“ же Шафаревича – в том числе и нагло указывающие учёному, что де он занимается не своей материей – возможно, вообще игнорировали бурные дискуссии вокруг „Конца истории“, ибо всех их неизменно волнует одна-единственная тема, в статье Фукуямы не присутствующая. (Отметим всё же, как показательный курьёз, что в советском переводе есть характерные купюры: например, в оригинале отмечается „подъём в последнее время религиозного фундаментализма в рамках христианской, мусульманской и еврейской традиций“; в переводе „еврейская традиция“ – **опущена**...). Неважно, что **этой темы НЕТ** и в статье Шафаревича (она ему буквально **навязывается** „критиками“: один обнаруживает в ней „подтекст (!), обусловленный некой сверхзадачей (?) – разоблачением козней „Малого Народа“ («НРС», 7. 9. 90), другая утверждает, будто бы „не так явно, как в других публикациях, но и в этой намекается (!), кто они, главные носители русофобской идеи“ («НРС», 22. 12. 89) – после на шумевшей „Русофобии“ всё, о чём бы ни писал её автор „привязывается“ к **этому**, тогда как всё, что пишется против него, направленно на максимальную дискредитацию И. Шафаревича как учёного и общественного деятеля.

Согласно редакционному введению академического журнала, статья Ф. Фукуямы „поднимает проблемы, носящие общечеловеческий характер“, а проф. Замошкин с удовлетворением отмечает, что она провоцирует мысль на обсуждение многих сложных проблем“. В частности, и такую – „созданы ли в ходе предшествующей истории такие идеи, идеалы и принципы, которые имеют общецивилизационную (?!) универсальную и непреходящую значимость“. Ещё недавно для советского „доктора философии“ кощунственным было бы даже усомниться, что такой „общецивилизационной значимостью“ обладает единственное всепобеждающее учение марксизма-ленинизма. Времена меняются... Ныне профессор уверяет читателей:

„я не представляю себе идеологии, которая может раз и навсегда определить приоритарность..., предложить окончательную форму...“ и т. д.

Между тем, статья Ф. Фукуямы и представляет собой ничто иное, как своего рода теоретическое обоснование такой именно „идеологии“ – идеологии мондиализма. Он провозглашает „неоспоримую победу экономического и политического либерализма“, неоспоримую – после происшедшего у всех на глазах краха коммунизма. Для него это и есть – „конец истории, как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализация западной либеральной демократии, как окончательной формы правления“.

Конкретное воплощение этого идеала окончательно победившего „экономического и политического либерализма“ Фукуяма видит в том, что он именует „универсальным гомогенным государством“. Термин принадлежит французскому нео-гегельянцу А. Кожеву (на самом деле – русский эмигрант А. Кожевников, родившийся в Москве в 1902 году и скончавшийся в Париже в 1968-м): „l'Etat homogene universel“. (Нельзя не отметить характерного ляпсуса советского переводчика, под пером которого это превращается в ... „общечеловеческое (!) государство“, что вконец сбивает с толку замороченного читателя «Вопросов философии»). „Символом и фундаментом“ этого вожделенного „универсального гомогенного государства“ Фукуяма называет „истинно универсальную культуру потребления“. Так что для него такой тип (можно смело сказать – **мондиалистского**) государства, – „это либеральная демократия в политической сфере, считающаяся с видео и стерео в свободной продаже – в сфере экономики“.

Как тут не вспомнить замечательное место „Русофобии“ Шафаревича, где он разбирает „концепцию“ неизвестного А. Янова – одного из типичных представителей „Малого Народа“. Тот в своих измышлениях использует весьма выразительный образ... „стереофонического унитаза“, вырастающего до размеров символа „культуры

потребления“. „Этой картине не откажешь в смелости, – иронизирует И. Шафаревич, – духовная (пока) оккупация „западным интеллектуальным сообществом“, которое становится нашим арбитром и учителем, опираясь внутри страны на слой „космополитических менеджеров“, снабжаемых за это в изобилии стереофоническими унитазами! Её можно принять как лаконическое и образное резюме идеологии рассматриваемого нами течения“.

В этом же плане – при разговоре о современной „культуре потребления“ – бросается в глаза поразительное сходство в статьях Фукуямы и Шафаревича. Только у Ф. Фукуямы – восторг и энтузиазм, когда он пишет о „триумфе“ Запада, западной **идеи**: он одобрительно констатирует „широкое распространение западной потребительской культуры, в самых разнообразных её видах: это крестьянские рынки и цветные телевизоры – в нынешнем Китае вездесущие; открытые в прошлом году в Москве кооперативные рестораны и магазины одежды; переложенный на японский лад Бетховен в токийских лавках; и рок-музыка, которой с равным удовольствием внимают в Праге, Рангуне и Тегеране“.

Совершенно иная тональность у И. Шафаревича, для которого речь идёт о **нарушении органичности развития**: „Жизнь людей стандартизируется как массовое производство. Исчезает национальный стиль архитектуры (Новый Арбат неотличим от набережной Гаваны или улицы Сан-Пауло). Люди, живущие на противоположных точках земного шара, оказываются неотличимо одетыми. Газеты прививают человеку стандартный средний язык, а радио убивает местные говоры. Людей всему учит общество...“

И. Шафаревич, который в своей работе задаётся вопросом о роковом сходстве целей (при различии методов) у „сталинской командной системы“ и „западной технологической цивилизации“, являющей собой итог „либеральной западной идеологии прогресса“ – видит это сходство в следующем: в обоих случаях в центр ставится „технократическая идеология в противоположность космоцентрической“. „Оба эти исторические феномена представляют

собой попытку реализации сциентистски-технической утопии“. И русский учёный приходит к выводу, который поразительно **совпадает** с заключением американского политолога: „По-видимому, человечество переживает сейчас какой-то **переломный момент истории** (выделено мною – Вл. С.), оно должно найти новую форму своего существования“

Шафаревич вполне сознательно не говорит о „конце истории“, ибо – в отличие от Фукуямы – его „оптимизм“ совершенно иного типа, питающийся из других духовных источников. Любопытно отметить, что и другой **русский**, А. Кожев – на примере Японии, пришёл в конце жизни к заключению, что „геомогенное универсальное государство“ не одержало победы, и история, возможно, не завершилась. (Об этом упоминает в особом примечании сам Фукуяма). Шафаревич пишет: „Ещё сравнительно недавно можно было надеяться, что Россия, Китай, Япония, Индия, страны Латинской Америки сохранили достаточное разнообразие общественных и экономических укладов, чтобы в случае кризиса технологической цивилизации человечество могло среди них найти альтернативный вариант развития...“ Фраза заканчивается грустно: „Сейчас для таких надежд гораздо меньше оснований“.

И всё же, как кажется, имеются все основания говорить о духовном оптимизме нашего выдающегося соотечественника, – когда он призывает к „отказу от взгляда на историю, как на одномерный процесс“, к замене бэконовского принципа „покорения природы“ противоположным – „покорения техники“. Здесь мы встречаемся с любимой идеей Шафаревича (как нам представляется, берущей начало от Достоевского) – об „истории, как форме жизни“. „Основной смысл последних десятилетий“, несмотря ни на что, он видит – „в растущем противостоянии утопическому мышлению“. То есть, можем сказать прямо – **мондиализму**.

Г. Ш у х о в

Русский вопрос

На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне...
(А. Блок)

У нас все было впереди.
У нас ничего не было впереди...
(Ч. Диккенс)

Крестный путь русского народа за последние 70 лет поставил его „на грань бытия“. Сегодня „русский вопрос“ стоит по-гамлетовски: быть нам или не быть.

Отношение „мирового общественного мнения“ к нам, русским, сложилось давно и было оно в целом неприязненным. Известно, что Вольтер, Дидро и другие власти дум второй половины XVIII века, советуя Екатерине Великой „расширить права человека в России“, категорически были против отмены крепостного права, так как русских крестьян за людей не считали. Известна также фраза Гегеля: „Всё человечество делится на людей и славян“. Путешествовавший по России маркиз де Кюстин в книге „Россия в 1839 году“ с прямою „римля-

нина“ отрубил: „Русский народ – нация немых. Всё нужно разрушить и заново создать народ“. Он опередил события на 80 лет. Отдал дань этому делу и наш соотечественник П. Я. Чаадаев: „С первых минут нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды; мы не дали себе труда ничего выдумать сами, а из того, что выдумали другие, мы перенимали только обманчивую внешность и бесполезную роскошь“. „Не воображайте, что мы жили жизнью народов исторических, когда на самом деле похороненные в нашей необъятной гробнице жили только жизнью ископаемых“.

Суждения, подобные чаадаевским, можно встретить у раннего Герцена и других „западников“. Характерно, что познав на собственном опыте прелести „западного образа жизни“, Герцен изменил свое отношение и к Европе, и к России, о чём и поведал в „Былом и думах“.

Обратимся теперь к теоретикам научного коммунизма и практикам его строительства в России.

В своё время основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс, считая себя интернационалистами, тем не менее не испытывали смущения, называя русский народ в целом нацией реакционной. Само собой разумеется, это деление наций на „хорошие“ и „плохие“ не получило должной критической оценки у их последователей. Более того, Ленин, будучи продолжателем Маркса и Энгельса, развил и конкретизировал эту идею. Так, в одной из последних работ „К вопросу о национальностях или об 'автономизации'“ он, в частности, сказал: „Я уже писал в своих произведениях... что никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетённой, национализм большой нации и национализм нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноваты в бес-

конечном количестве насилия и оскорблений... Поэтому интернационализм со стороны угнетающей, т. н. „великой“ нации (хотя великой только своими насилиями, великой, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывалось в жизни фактически... Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые нанесены ему в историческом прошлом со стороны 'великодержавной нации' ".¹⁾ Тут проводится мысль об оправдании национализма любого народа, кроме русского. По Ленину, „наиболее угнетённой и затравленной в семье народов – России – была еврейская нация“. ²⁾ Ну, а под большой нацией Ленин подразумевал, конечно же, русскую. Применительно к эпохе империализма понятие Маркса и Энгельса „реакционная русская нация“ конкретизировалось Лениным так: реакционность русской нации выражалась в том, что она была нацией угнетателей, угнетавшей все остальные народы царской России.

Свое отношение к русской нации („великороссам“) Ленин сформулировал для себя очень рано и пронёс его через всю жизнь. В целом русская нация представлялась Ленину „по Чернышевскому“, который по случаю отказа русского народа начать гражданскую войну на 60 лет раньше 1917 г. сказал: „Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы“. Таким образом, „великороссы“, по Ленину, были угнетателями всех народов Российской империи, с одной стороны, и рабами по отношению к „властям предрержающим“ с другой. На примере русского народа у него как бы нашла подтверждение известная мысль Маркса о том, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Неясность здесь только в том, как быть с народами великих колониальных держав того времени – Англии, Франции, Германии, Голландии, Италии, Испании, Португалии, США? Они, выходит, тоже

были несвободными? Но тогда получается, что свободными были жители Швейцарии, Монако и подобных им государств – и только.

Естественно, что в такой рабской стране, как Россия, её элита – дворяне – характеризовалась Лениным вполне определённым образом. Так, ещё в 1912 г. он писал: „Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество пьяных офицеров, забияк, картёжных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, серальников да и прекраснодушных Маниловых“. ³⁾

А вот мнение Ленина о русском крестьянстве: „Такой подавленности и забитости, такой нищеты, как у русских крестьян, не найти не только в Западной Европе, но и в Турции“. ⁴⁾ „Крестьяне Сибири... самые сытые... привыкшие к эксплуатации тех ссыльных, которые из России появлялись“. ⁵⁾ „К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова и Саратова, к югу от Оренбурга и Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства... И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость“. ⁶⁾ „Уже то обстоятельство, что пришлось создать ЧК по ликвидации безграмотных, доказывает, что мы – люди (как бы это выразиться помягче?) вроде того, как бы полудикие“. ⁷⁾

Поразительно, что это несколько не смущало Ленина, когда речь заходила о „пролетарской революции“. Более того, именно русскому народу, „рабу-угнетателю“, внушает Ленин мысль о пролетарском интернационализме, который „требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам борьбы во всемирном масштабе, во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации... идти на величайшие национальные жертвы ради свержения мирового капитала“. ⁸⁾ „Докажем, что русские рабочие могут гораздо более самоотверженно бороться и умирать, когда дело идёт не об одной только русской, но и мировой революции“. ⁹⁾

Иными словами, этому „полудикому рабу-угнетателю“ в грядущих боях мировой революции отводилась роль пу-

шечного мяса, ибо жалеть такой народ не приходилось.

Естественно, что в ту же дуду русофобии вместе с вождем мирового пролетариата дули и его ближайшие соратники.

Н. И. Бухарин: „Мы в качестве бывшей великодержавной нации должны идти наперерез националистическим стремлениям и поставить себя в искусственно неравное положение в смысле больших уступок национальным течениям. Только при такой политике, идя наперерез, только при такой политике, когда мы себя поставим в положение более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы можем купить себе настоящее доверие прежде угнетённых наций“. ¹⁰⁾

Л. Д. Троцкий: „Россия пригвождена природой на долгую отсталость, являясь лишь поверхностной имитацией высших западных моделей и ничего не внесшая в сокровищницу человечества“ ¹¹⁾ „Ни один государственный деятель не поднимался выше третьеразрядных западных имитаций герцога Альбы, Меттерниха или Бисмарка. То, что касается науки, философии и социологии, Россия дала миру круглый ноль“. ¹²⁾

А. В. Луначарский: „Нужно ли преподавать историю в правильно поставленной школе? Пристрастие к русской речи, к русской природе – это иррациональное пристрастие, с которым, может быть, не надо бороться, если в нём нет ограниченности, но которое отнюдь не нужно воспитывать... А преподавание истории в направлении „народной гордости“ и т. д. должно быть отброшено, преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти 'хорошие образцы для подражания', должно быть отброшено“. ¹³⁾

И действительно, при Наркомпросе декретом СНК с целью реорганизации преподавания общественных наук в вузах РСФСР была создана комиссия в составе Боголепова, Бухарина, Быстрянского, Волгина, Гойбраха, Ларина (Лурье), Лукина, Мархлевского, Покровского, Радека (Собельсона), Ротштейна, Скворцова и Фриге. Результатом её работы был подписанный 4 марта 1921 г. Лениным

„Декрет об организации факультетов общественных наук российских университетов“, пункт 4-й которого гласил: „Исторические и филологические отделения факультетов общественных наук при российских университетах с 1-го мая 1921 г. упраздняются“. „Полудиких“ отпугнули от языка и лишили памяти на 13 лет (до 1934 г.) – и тем самым превращали уже в совершенно диких. На уничтожение русской культуры, истории, национальных, патриотических чувств была брошена вся мощь пропагандистского и карательного аппарата (в годы гражданской войны слово „патриот“ было таким же страшным обвинением, как „контра“ – при необходимости в списках расстрелянных эти пометки стояли рядом). Что уж говорить о тенденциях всяких литературных группировок – РАПП, ЛЕФ и т. д.!

„Россия всегда была страной классического идиотизма“, – в этой фразе К. Зелинского была отражена суть государственной политики, проводившейся по отношению к русскому народу. „Более ста различных наций жило на территории страны. Хищный двуглавый орёл самодержавия крепко держал их в своих когтях – так называемые 'славные походы' и 'завоевания' были дикими грабежами, опустошавшими огромные области... ужасные рубцы и шрамы покрывали тело каждого народа... Октябрьская революция превратила Россию из международного жандарма и всесветного палача в оплот всех угнетённых“ (Из Манифеста ЦИК по случаю 10-летия Октября).

Зато „наиболее угнетённый народ“ быстро занял „подобающее“ ему место: „Мы чувствовали себя ловкими, сильными, красивыми... Мы действительно стали „управителями“, „победителями“, „владельцами шестой части Земли“ (А. Адалис. См. „Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников. М., 1973, с. 260).

Читая тома БСЭ 1-го издания за 1926 - 36 гг., видишь, какому неслыханному надругательству подвергалась наша Родина – Россия и её народ со стороны этих „победителей“. Воистину тут вспомнишь Энгельса: „Я начинаю понимать французский антисемитизм, когда вижу как

евреи польского происхождения с немецкими фамилиями пробиваются повсюду: присваивают себе всё, повсюду вылезают вперёд, вплоть до того, что создают общественное мнение (Парижа)“ (К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 38, с. 345).

Многочисленные примеры говорят о разном подходе новых властей к „угнетённым“ народам и народу – „угнетателю“.

„Осторожность особенно нужна со стороны такой нации, как великорусская, которая вызвала к себе во всех других нациях бешеную ненависть“ (Ленин. Стенограммы 8-го съезда РКП/б, М., Политиздат, 1959, с. 106).

„Не было и не может быть в России правительства, кроме Советского, которое бы делало такие жертвы по отношению к малым национальностям“ (Ленин. т. 44).

„Прошу помнить, что условия Грузии требуют не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания... тактики, основанной на большой уступчивости всяким мелкобуржуазным элементам... Необходима особая политика уступок по отношению к грузинской интеллигенции и мелким торговцам“ (Ленин. т. 42, с. 367).

Чекист Менжинский по поводу раскрытия заговора в военной школе сказал: „Нельзя всех мерить на один аршин... рядовые члены группы, многие из которых просто отсталые в идейном отношении люди и к тому же представители нацменьшинств. Одних нужно перевоспитывать, других строго карать“. ¹⁴⁾

„Днём отдыха у мусульман считается пятница. В этот день заставлять их выходить на работу против их желания нельзя. Имеются и другие местные условия, с которыми надо считаться для успехов рабоче-крестьянского дела и для создания единого фронта трудящихся“. ¹⁵⁾

Г.В. Чичерин в письме в ЦК РКП(б) в марте 1921 г. предлагает обратиться в партийные организации мест с мусульманским населением с особым циркуляром о необходимости при проведении антирелигиозной пропаганды соблюдать тактичность, а не оскорблять его религиозные чувства. (Именно в это время происходит тотальное огра-

бление православных храмов и монастырей, истребление в России священнослужителей и верующих).

А вот судьба народа-„угнетателя“. „Если в городах нам уже удалось практически убить нашу крупную буржуазию, то пока мы этого не можем сказать о деревне... Поэтому мы должны самым серьёзным образом поставить перед собой вопрос о... создании в деревне двух противоположных, враждебных сил... Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримо враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая не так давно шла в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, только в этом случае мы сможем сказать, что по отношению к деревне мы смогли сделать то, что смогли сделать для города“¹⁶⁾

В то время, как вне России большевики заигрывали с националистами, у нас шла продразвёрстка. Её суть состояла в том, что у крестьян безвозмездно отбирались плоды их труда. „Развёрстка была приравнена к военному приказу... И мы брали по крестьянским сусекам хлеб. Уж какие там излишки! Нередко брали то, что нужно для голодной жизни“, – свидетельствует наркомпрод А. Цюрупа.¹⁷⁾

„В случае оказания противодействия отбору хлеба или иных продовольственных продуктов должна применяться вооруженная сила. По отношению же к лицам, оказавшим сопротивление с оружием в руках, должен применяться расстрел на месте...“¹⁸⁾

О результатах этой политики говорилось на 8 съезде РКП(б) весной 1919 года. „У нас на местах творятся страшные безобразия. В некоторых губерниях слово 'коммунист' вызывает глубокую ненависть не только у кулаков, но... и во всей среде бедняков и середняков, которых мы разоряем“. „По волостям и уездам сидит масса работников, ненавистных населению... Мы через два месяца встанем перед всероссийским восстанием“.

По данным М. Лациса, начиная с лета 1918 г. за полтора года по 20 губерниям России „было подавлено 344 кре-

стьянских восстания“¹⁹⁾

„Затруднение состояло в том, что подавить крестьянские восстания должна была армия, состоящая в основном из крестьян. Требовались... какие-то преданные революции силы, готовые выполнить любой приказ. Одна из таких сил названа в... сообщении о разгроме крестьянского восстания в Ливнах... интернационалисты“.²⁰⁾ Да, именно включение латышей, китайцев, венгров, немцев, чехов и иных „интернационалистов“, составляло основу карательных частей в войне с русским народом в то время.

*

Какая же из наций, населяющих нашу страну пострадала за годы советской власти больше всего? Точных данных нет. По подсчётам эмигранта, профессора М. А. Курганова всего за первые 50 лет советской власти в стране погибло 66 595 000 человек. Нам неизвестно сколько из них русских. Но русские, бывшие раньше великим народом, являются ныне последними среди всех союзных республик по уровню жизни, по социальным, политическим правам, образованию, медицинскому обслуживанию и т. д. и т. п.

Г. И. Литвинова в своём докладе „О дальнейшем совершенствовании национальных отношений и укреплении дружбы народов СССР“, прочитанном на республиканской научно-практической конференции „Проблемы Нечерноземья в советской литературе“, организованной Госкомиздатом РСФСР, СП РСФСР и добровольным обществом книголюбов РСФСР (Вологда, 29–30. 05. 1985 г.) на конкретных примерах показала неравноправное положение русских и катастрофические последствия этого для нашей страны. (Большая часть доклада опубликована, наконец, через четыре года в статье „Старший или главный“ в журнале «Наш современник», 1989 г., № 6). Именно Россия стоит на одном из первых мест по алкоголизации населения, о чём неоднократно говорили и писали академик АМН Ф. Г. Углов и доктор экономичес-

ких наук Б. И. Исхаков. Именно в России ликвидированы как „неперспективные“ сотни тысяч деревень, а её просторы в значительной мере обезлюдели и поросли бурьяном.

Однако, против наиболее пострадавшего за эти 70 лет режима, русского народа, уже давно на Западе ведётся оголтелая русофобская кампания. На русских возлагается ответственность за создание этого режима.

Именно всплеск русофобских настроений за последнее время внутри страны заставил В. Г. Распутина на Съезде народных депутатов СССР сказать горькие слова: „Здесь на Съезде хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путём добивающихся конституционных поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной... Но, по русской привычке бросаться на помощь, я размышляю: а, может быть, и России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете её и если её слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие. Кое-какие природные ресурсы, природные и человеческие, у нас ещё остались, руки не отсохли. Без боязни оказаться „националистами“, мы могли бы тогда произносить слово „русский“, говорить о национальном самосознании. Отменилось бы, глядишь, массовое растление душ молодёжи. Создали бы, наконец, свою Академию наук, которая радела бы российскими интересами, занялась нравственностью, помогая народу собраться в единое духовное тело. Поверьте, надоело быть козлом отпущения и сносить издевательства и плевки. Нам говорят: это ваш крест. Однако крест этот становится всё больше неподъёмен... Нет возможности сейчас подробно объяснить..., что не Россия виновата в ваших бедах, а тот общий гнёт административно-промышленной машины, который и Россию тоже унизил и разграбил так, что она еле дышит“.²¹⁾

В своём „Августе 1914 г.“ А. И. Солженицын устами одного из героев со ссылкой на Д. И. Менделеева гово-

рит, что „нас, русских, в середине XX-го века будет 300 миллионов“. Сейчас в два раза меньше. Это и есть результат „победоносной поступи Октября“ за 70 лет. Демографическая обстановка для нас столь неблагоприятна, что коли она не изменится к лучшему, то, по словам офтальмолога С. Н. Федорова, сказанным им с экрана телевизора 25.06.1986 г., через сто лет нас, русских, будет 12 - 15 млн., то есть фактически русские, как нация, будут близки к исчезновению и исчезнут вскоре.

„Потери России не восполнены и невосполнимы, они продолжаются из поколения в поколение и будут продолжаться при таком варварском отношении к русской земле“, – пишет В. Астафьев в „Зрячем посохе“. Он же произносит свою молитву-стенание:

„Что с нами стало? Кто и за что погасил свет добра в наших душах? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в тёмную беспробудную яму, и мы шарахаемся в ней, ищем дно и опору и какой-то путеводный свет будущего. Зачем он нам, этот свет, ведущий в геенну огненную? Мы жили со светом в душе, добытым задолго до нас творцами подвига, зажженным до нас, чтобы мы не блуждали в потёмках, не натыкались лицом на деревья в тайге и друг на дружку, не выцарапывали один другому глаза, не ломали ближнему своему кости. Зачем это всё похитили и ничего взамен не дали, породив безверие, всесветное во всём безверие? Кому молиться? Кого просить, чтобы нас простили? Мы ведь умели и ещё не разучились прощать даже врагам нашим“.²²⁾

В целом же трагическая ситуация русского народа никого серьёзно не волнует – ни руководство страны, ни нашу науку, ни мировую общественность. Более того, об этом стараются „не говорить вслух“, как о чём-то недостойном внимания, словно о дурной болезни человека. Нашу общественность гораздо больше волнуют „права человека“, включающие прежде всего возможность свободного выезда из страны и въезда в неё, международные контакты разного рода, проникновение к нам массовой культуры и ввоз импортребя „оттуда“. Мировую же общест-

венность прежде всего интересует „положение евреев в СССР“, то есть не сильно ли угнетают их эти варвары русские. Вот пример: 6. 07. 1989 г. по ТВ был показан телемост „СССР – Франция“. Француз Арлеан Дезир с удовлетворением отмечает: „В последнее время положение евреев в СССР заметно улучшилось. Это хорошо встречено общественным мнением Европы“.

Невольно вспоминается эпизод, имевший место 60 лет назад во время коллективизации, когда был сломан стальной хребет нации – порушено её крестьянство. „Одна из (американских) делегаций, избранная на конференции 42-х городов, побывала в 15 городах СССР с целью ознакомления с положением советских граждан еврейской национальности“. ²³⁾ Отношение же к русскому крестьянину-хлеборобу („кулаку“) ясно выразил поэт Эдуард Багрицкий из Одессы:

Трави его трактором, песнями бей!
Лопатой взнуздай, киркой проколи!
Он вздыбится над головою твоей –
Прими на рогатину и повали. ²⁴⁾

Тут уж никаких комиссий из „единого европейского дома“, а также других „дружеских домов“ не было – благое дело делали: душили русских, украинцев, белорусов и других...

Как же всё это, происшедшее с нами за 70 лет, можно назвать? Советский энциклопедический словарь квалифицирует понятие „геноцид“ как „истребление отдельных групп населения по расовым, национальным (социальным) отличиям или религиозным признакам, а также умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на частичное или полное физическое уничтожение этих групп, равно как и меры по предотвращению деторождения в их среде“ ²⁵⁾

Именно этот процесс шёл непрерывно, десятилетиями, начиная с 7 ноября 1917 г. Всё сказанное выше полностью подтверждает это определение геноцида. Так, теоретические постулаты классиков марксизма-ленинизма, последовательно применённые на практике в Советской России, а

потом в Советском Союзе и других социалистических странах, привели к геноциду.

Москва, 1990 г.

* * *

1. Ленин В. И. Последние письма и статьи. М., Политиздат, 1977, с. 17-19.
2. ПСС, т. 24, с. 122-123.
3. ПСС, т. 2, с. 255-256.
4. ПСС, т. 15, с. 133-134.
5. ПСС, т. 39, с. 40.
6. ПСС, т. 43, с. 228.
7. ПСС, т. 44, с. 170.
8. ПСС, т. 38, с. 166.
9. ПСС, т. 37, с. 99.
10. Стенограмма 12 съезда РКП(б). М., Политиздат, 1961.
11. Цит. по К. Мяло „Оборванная нить“ – «Новый мир», 1988, № 8, с. 248.
12. «Октябрь», 1988, № 11, с. 84.
13. «Наш современник», 1986, № 9, с. 178-179.
14. Ф. Фомин. Записки старого чекиста. М., Политиздат, 1962, с. 171.
15. Из приказа по гарнизону г. Баку, 26.05.1926 г.
16. А. Sverdlov. Izbrannĭe stafi i reĭi, 1917-1919. М., OTGIZ, 1944, s. 74.
17. см. статью А. Васенского в «Известиях» за 5.09.1987 г.
18. «Известия ВЦИК», 8.08.1918 г.
19. М. Лацис. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., ГИЗ, 1920, с. 75.
20. В. Селюнин. Истоки. – «Новый мир», 1988, № 5, с. 166.
21. «Известия», 8.06.1989 г.
22. В. Астафьев. Слепой рыбак. – «Наш современник», 1986 г., № 5, с.119.
23. «Международное рабочее движение», 1929, №32, с. 2.
24. Э. Багрицкий. Избранное, М., 1948, с. 101.
25. Советский энциклопедический словарь. М., 1981, с. 29.

◇ ◇ ◇

От редакции «ВЕЧЕ»

Многие из наших соотечественников из России, совершающих зарубежные поездки, обращаются к нам с просьбами снабдить их альманахом «Вече». Просят как старые, так и новые выпуски для себя, своих родственников, друзей и знакомых на родине. Почти все остатки предыдущих тиражей «Вече» нами уже розданы. Для репринтов старых тиражей средств у нас нет.

Обращаемся к нашим зарубежным подписчикам с просьбой помочь нам. Если Вы не собираете альманахи «Вече», присылайте ненужные Вам экземпляры для передачи соотечественникам из России по адресу:

**V. Dreving,
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81, Germany.**

Обращаемся также к подписчикам и друзьям «Вече» с настоятельной просьбой о поддержке посильными пожертвованиями, ставшими необходимыми для увеличения тиража альманаха, большое количество экземпляров которого раздаётся бесплатно соотечественникам. Напоминаем, что «Вече» не имеет абсолютно никакой финансовой поддержки со стороны каких-либо официальных инстанций или фондов, в течение 10 лет существует на основе самокупаемости, то есть на средства подписчиков и отдельных частных жертвователей, а так же за счёт вкладываемого в него огромного бесплатного труда русских патриотов.

Д. Балашов

За Державу обидно!

События несутся с головокружительной быстротой. То, что казалось невероятницей, бредом казалось ещё год назад, уже произошло. Великая Россия, многонациональное государство, славное историей и героизмом своих сынов, единственное в мире, создавшее замечательную культуру, признанную всем человечеством и оплодотворившую мир, разваливается. Уже недалёк, буквально висит над нами, взрыв, грозящий утопить в бедствиях смуты всё, что ещё осталось дельного и честного в стране, как и саму державу увести в пропасть небытия. Уже и Солженицын заклинает „отпустить на волю“ республики, многие из которых до сих пор ещё сами этой „воли“ не хотят.

Под злорадный вой и гогот хулителей и клеветников России, идеологов „третьей волны“ и иже с ними, распадается „последняя империя“ („империя“, кстати, не последняя! Пестрота национального состава в Штатах или в Индии не меньшая, чем у нас!) рушится „тюрьма народов“ (и плевать, что Россия, подчёркиваю, Россия, а не СССР, тюрьмой народов никогда не была, а СССР стал всеобщей тюрьмой, одним сплошным „лагерем“ для всех, но в наибольшей и наигорчайшей степени для народа русского!). Неужели и верно, колосс оказался на глиняных ногах?

Развал происходит столь быстро, что ошалелая заграница ещё не может понять всей катастрофы, ещё медлит признать новоявленные „государства“, что ни день отпочковывающиеся от гниющего тела коммунистического исполина. Чудовищность происходящего как будто доходит до многих, даже враждебные нам вчера правительства не спешат признать „выделившихся“, а те ведущие государства капиталистического (читай – нормального) мира, с которыми мы десятилетиями вели идеологическую войну, спешат наперегонки к нам на помощь с продовольствием, лекарствами, технической и иной благодетелью, спешат как к целому, как к единому российскому государству... Но распад идёт, и главная причина его – не мифический гнёт России, не приверженность русских к рабству и тирании, как пытаются утверждать новоявленные пророки, а коммунизм, та самая большевистская „единственно правильная“ идеология, которой нас учили, напихивали до самых ушей, до макушки, в которую мы все когда-то свято верили, а многие верят и до сих пор! Беда наша – в тех самых принципах социализма, которые и сейчас ещё поднимаются на щит и нашими и зарубежными идеологами.

Хулители русского народа правы в одном: за действия правительства и правящей партии, хочешь – не хочешь, приходится отвечать и расплачиваться всему народу и, поскольку великая Россия держалась преимущественно на русских, то и отвечать приходилось, в основном, народу русскому, независимо от того, что ведущие партийные идеологи были кем угодно – евреями, в основном, потом кавказцами, прибалтами и меньше всего русскими. Ленин сам не скрывал факта именно завоевания коммунистами России, все основные устои которой были последовательно сокрушены и уничтожены (органы власти, крестьянство, интеллигенция, церковь, торговля, промышленность и т. д.). Сейчас думаешь с горечью, видя гнусную распродажу оставшегося: стоило ли завоевывать такую страну, чтобы столь бездарно её потерять?

Я плохо разбираюсь в хитросплетениях союзных дого-

воров, в отъёмах и уводах чужого добра на „границах“ в духе бессмертного Остапа Бендера, или, точнее, в духе той самой большевистской экспроприации, при которой, как всегда, виноват тот, кто заработал и купил, а прав тот, кто отобрал и пропил; плохо слежу, и не ведаю иногда, кто тут прав и кто виноват, а просто – за державу обидно!

Да, большевики завоевали нашу страну, и сейчас торопливо распродают, но мы-то никуда не делись! И деться нам некуда, нас всех, русичей, сто миллионов, никакая Австралия или, там, Канада не подымет! Хотя, увлекаясь воображением, как славно бы уехать всем нам на ..., а они пусть сидят у своих „морей“, атомных реакторов, пока не сдохнут... Увы! Не быть тому! Ведь следом поедут, сволочи, в ту же Австралию, и, ступивши на землю обетованную, тотчас создадут свою скинию завета – ячейку РКП (б), ну, а за нею, атомный реактор поставят, начнут осушать пустыню, что-то куда-то поворачивать, отыщут классовых врагов, изгубят всю землю, так и пойдёт...

Подумаем, однако, кому это нужно и к чему может привести всё человечество распад России? И какая участь уготована народам нашей страны после таковой катастрофы? И какова грядёт судьба победителей? Должны же мы, наконец, научиться думать хоть на день, хоть на год вперёд! Или, как тот самый Павка Корчагин, будем, по-прежнему, в декабре героически думать о дровах и совершать нелепые подвиги по преодолению (точнее – по углублению и развитию) собственной бесхозяйственности?

Ответственным товарищам, виноват, господам из зарубежья, следует твёрдо знать, что подобно тому, как действия того же Минводхоза, как взрыв того же Чернобыля и всех следующих за ним, отразятся катастрофически на судьбе всей планеты, так и гибель Великороссии грозит вызвать глобальные и катастрофические изменения в нашем едва-едва налаженном мире.

Впрочем, любая современная проблема не может быть уяснена, ежели не коснуться прошлого, ежели не спросить: а как это получилось? Каково было историческое развитие, и в чём оно оказалось искажено, а, следова-

тельно, каковы причины современного кризиса, чем и как их следует лечить, чтобы вместо излечения не углубить болезнь?

Взглянём на землю наших пращуров с высоты, как умели глядеть герои древнего эпоса, разом обозревавшие и льды „дышущего моря“ и ковыльные степи юга России: узрим Ледовитый океан; тундры в небесных пятнах чистых озёр; бесконечную шубу хвойных лесов, сквозь которую тусклыми полосами стали и серебра текут великие реки, пересекающие всхолмленную огромную равнину; там, далее, степи, волнующие ветром, точно море, и, на рубеже земли, хребты гор и пески пустынь. Здесь, омываемая морями, в ожерелье Карпат, гор Кавказа, Памира и Алтая лежала страна, прекрасная настолько, что за неё стоило сражаться и умирать, страна, которую прадеды украшали храмами и городами, – подумайте только: **украшена** городами была русская земля, а отнюдь не испорчена и не испоганена, как днесь! – исполнена „князьями грозными, боярами честными, вельможами гордыми“ – и люди, тогдашние, тоже являлись украшением своей земли!

А далее простирались иные земли, иные страны, быть может, не менее, или даже более прекрасные, ибо прекраснее всего и для всех – родина, земля отцов и могилы предков, земля, на которой ты возрос, трудился, и в которую, упокоясь, лёг, оставив на ней своё семя. И она была прекрасна, эта земля, тысячи лет, вплоть до наших дней, и только теперь, на исходе XX-го века, её изгадило и испачкало то, что мы называем цивилизацией и прогрессом.

Через эту землю, по великим степям от границ Китая и до Дунайской долины пролегал великий шёлковый путь, шли купеческие караваны, поматывая головами, двигались верблюды, везли из Китая в тюках шёлк-сырец, чай и бесценный фарфор – товары далёких сказочных земель. Сюда вливались пути из Индии и Персии. Шёлковый путь оканчивался в Византии. В свою очередь, с Запада сюда проникали парча и оружие, бархат и серебро.

Отсюда же вывозили шкуры, скот и рабов. Шёл непрерывный ток, не останавливаясь, текли ручьи многообразных культур, и разноликие народы вторгались сюда, в эти просторы, спешили создать свои цивилизации, установить свою власть, и исчезали в безмерности пространств и времени. Удержать, закрепить за собою эти земли удавалось немногим завоевателям, точнее сказать – никому. Земля эта ждала и требовала своих, тех, кто не со стороны, из Китая ли, Персии или с Запада пришли, но создались и выросли тут, и только такие могли вжиться в эту трудную землю, которая была и непроходной (тайга!) и суровой. Ледяные ветра „Дышущего моря“, не отгороженные горными цепями, свободно вливались в эти равнины, и только густая шуба лесов не позволяла вымерзнуть земле, превращаясь в пустыню. Население тут было и должно было быть редким, приходилось так! И, значит, удержать, обиходить эту землю становилось необычайно трудно – трудно собрать, воссоединить разрозненные силы, отстоять, воспретить тому, чтобы земля эта обратилась в проходной двор кочующих завоевателей, в кладовую бесхозного и бесхозно расхищаемого добра. Нужны были мужество, воля, высокая и мудрая культура, умение сживаться с тьмой разных народов и племён, разбросанных по этой земле. Надобны были воля и власть, дабы противустать многочисленным и сильным соседям, с трёх сторон окружившим эту землю. И первыми, кто дерзнул проложить очерк того, что, много спустя, стало Великой Россией, стали скифы, арии-кочевники, чьи могилы и памятные знаки раскиданы по всей этой земле, от центральной Монголии, где до сих пор высятся памятные стеллы скифов XI-IX веков до нашей эры, и до Прибалтики, в которой, на территории современной Эстонии, обнаруживаются круглые скифские могильники, остатки древних, изглаженных временем курганов. Скифы преодолевали горы Кавказа, вторгались в Малую Азию, – таков был размах этого многонационального государства, где самих скифов было, впрочем, меньшая часть, и среди них уже тогда были оседлые племена „ски-

фов-пахарей“ и „скифов-земледельцев“, под именем которых скрываются наши далёкие предки, предки восточных славян. Мы ниоткуда не пришли сюда, мы жили здесь. Но мы, в отличие от „царских скифов“, не кочевали, а пахали землю.

В последующие века славяне, „рекомая Русь“, воевали и дружили с сарматами, сменившими скифов в донских и приднепровских степях, ходили в походы вместе с Аттилой, знаменитым гуннским вождём, далеко на Запад, создали, наконец, самостоятельное государство на Днепре, киевский каганат, осаждали Византию, отбились от хазар, справились с варягами, через полтысячи лет приняли Крещение, и всё время, с гуннских, сарматских времён мешались с кочевниками. Торки, чёрные клобуки, печенеги, половцы, берендеи – кого только ни было! Все они оседали на землю, сливались с Русью, исчезали в ней без остатка, как те же берендеи и торки, или меря, мурома, весь и чудь, или, ещё в седые, древние века, самодийцы-савиры, пришедшие на Днепр из Сибири, и здесь, обрусев, ставшие „северянами“ (от них пошла Черниговская Русь), те самые савиры, упоминаемые Геродотом, по имени которых названа Сибирь. У русских, живущих под Ростовом Великим или Переяславлем, до сих пор часты типичные мерянские лица, что отнюдь не мешает им быть самыми взаправдашними русичами.

И во все протекающие века не было вожаемого покоя: то с Запада, то с юга, то с Востока устремлялись сюда завоеватели, и – отступали. Землю эту, отстояв, обхаживали, всё-таки, мы, исконные насельники Руси Великой, или Святой Руси, или, позже, Великоруссии, которая стала союзом или содружеством народов по-сути уже три тысячи лет назад. Дело в том, что всякие хозяева со стороны относились (всегда относились!) к этой земле и народам её лишь как к источнику грабежа, не исключая и последнее, коммунистическое правление, с его всемирными идеалами социализма и конкретной практикой безобразного и разнузданного грабежа. Землю надо любить. Особенно такую, трудную землю. Да, впрочем, какую

землю не надобно любить? Нелюбовь всегда и всюду оставляла после себя пустыни!

В сегодняшнем нашем историческом воображении установилась традиция рассматривать историю Московской Руси как постоянную борьбу с кочевниками, с враждебным Востоком, ради союза с культурным Западом. На самом деле всё было почти наоборот. Самая напряжённая борьба уготована была нам именно на Западе: с Орденом, Литвою, Польшей, Германией, наконец. И только успехи русского оружия самого конца XVIII-го века позволили нам окончить вековой спор, вернув в лоно русской государственности земли, отторгнутые от тела Великоруссии ещё в XIV - XV веках. Угроза идеологического поглощения шла также отсюда, с Запада. Здесь пытались сокрушить православие, здесь насаждалось униатство, поскольку не получилось прямого обращения русичей в католичество. Отсюда шли обычаи и нравы, чуждые духу нации и духу национального и сословного содружества, чем была сильна и чем держалась многонациональная Россия. С Запада явился к нам и марксизм. На Востоке всё было иначе. Татары не покушались на наши обычаи и веру, на наш духовный мир, не налагали руку на церковь, освободив её даже от выплаты дани. При всех и всевозможных военных конфликтах здесь творился симбиоз, сращение, при котором русские, одолев Орду на Куликовом поле и в последующих боевых схватках, сделались наследниками улуса Джучи, и почти без боя присоединили огромную Сибирь, то есть оказались не столько захватчиками, сколько наследниками монгольской державы. Характерно, что подчинив Казань, Московское правительство, вместо того, чтобы завалить город трупами (примеры чего были неисчислимы окрест - и на Ближнем Востоке, где хозяйничал Тамерлан, и на Дальнем, в истребительных войнах Китая, да и в Европе, хватало подобных решений, припомним уничтожение альбигойцев на юге Франции), вместо того мы тотчас уравнили татар в правах с русскими, наделивши ханов и беков соответственно русскими титулами князей и дворян. Да, впрочем,

удивительного в том, учитывая нашу древнюю историю, было мало. Около трети русских дворянских родов татарского происхождения, около трети – славянского, русского, и более трети – литовского. Так создавалась великая страна!

Один и тот же энергетический подъём, „пассионарный толчок“, поднял из праха Литву и Московскую Русь. И Литва, менее, чем за столетие, захватила всю территорию собственно Киевской Руси. Витовт и Ягайло сделали роковую ошибку, не принявши православия. Подарив приобретённые земли Польше, Литва потеряла всё, в том числе и значительную часть своей энергии, переместившейся вместе с литовскими выходцами, в пределы Московского государства. Не забудем, что литовских-то выходцев среди русских дворян и больше всего!

И прав, трижды прав был Пушкин, написавший: „славянские ль ручьи сольются в русском море, оно ль иссякнет, – вот вопрос!“ И, добавим, далеко не только и не одни славянские ручьи. Разве можно исключить из русской истории и культуры, например, Юсупова, создателя Эрмитажа? И, спросим, не имеют ли татары столько же прав на Анну Ахматову, как и русские? А кем мы назовём Гоголя? Украинцем или русским, ежели он тот и другой! И ежели само название Русь родилось именно в Поднепровье, и долгое время (до XIII-го столетия) применялось исключительно к Руси Киевской, меж тем как Владимирская Русь звалась Залесьем или Украиной? И кто, чей полководец Багратион? Шестьдесят миллионов человек живут в СССР на „чужих“ территориях (а ежели мы учтём автономные образования и округа, то и вдвое больше). Но почему, откуда „на чужих“? С каких это пор Заонежье, скажем, или Восточная Прибалтика стали чужими для русских, живущих тут, порою, аж с десятого века?

К проблеме этих „границ“ мы ещё вернёмся, а пока скажем, что в нашем общем отечестве и законы (Российской империи) были общими. У нас для всех наций были приняты единые правовые нормы, была равная оплата за равный труд, без национальной дискриминации,

хоть в Петербурге, хоть в Баку. У нас уважались все национальные религии (то есть национальные культуры), наконец, в высших учебных заведениях царской России была процентная норма представительства (от общего количества населения данной нации), открывавшая всем народам Великороссии путь к высшему образованию и, следовательно, к занятию постов в высшем эшелоне власти. Не было бы этого взаимовыгодного единства, Россия не состоялась бы, или развалилась на части ещё в 1917 году.

Включение в состав СССР Прибалтики, Молдавии, Закарпатья – это не завоевание, но возвращение России её утраченных в 1917-ом году исторических границ. Хорошо это или плохо – поговорим ниже. Строго говоря, ежели есть настоятельная нужда в отъединении, она должна быть удовлетворена. То, что Финляндия получила независимость, можно только приветствовать. Но не будь она до того в составе России, Финляндии не было бы и сейчас. Она бы осталась бедной шведской провинцией, и только. Лишь успехи русского оружия, а впоследствии – умеренность наших политических запросов позволили финнам стать на ноги. Сего тоже забывать не след. С поляками нас разделяет вековой спор, проигранный Польшей, и католичество. Польша исторически оказалась передовым восточным бастионом католического мира, и заплатила за этот свой жребий достаточно высокую цену. Но, впрочем, это уже национальные польские, а не наши дела, и их мы касаться не будем.

Коммунисты, решая национальный вопрос, изрезали землю России на почти произвольные куски, резали прямо по живому, выкроив из тела единого организма территории, которые называли республиками, а затем ещё разделили народы на полноправные (союзные) и неполноправные (автономные) и совсем уже бесправные национальные округа и земли народов Севера и Сибири, про которых забыли настолько прочно, что, планируя Обское море на территории Ханты-Мансийского национального округа, даже не сообщили аборигенам, что их попросту

решили утопить. Наконец, и в этих условных границах, тиранический сталинский режим занялся переселением целых народов, изгоняемых с мест своего обитания. Вот три основы всех (подчёркиваю, всех!) современных национальных конфликтов. То есть, национальная вражда в СССР содеяна советской властью, и отнюдь не коренится в каких-то исторических условиях сложения нашего государства, обозванного „тюрьмой народов“, что ложь, ибо Россия никогда не была колониальной империей. А вот СССР стал-таки тюрьмой, ибо сам по себе коммунизм, это учение, требующее обратить всех людей в рабов, выделив из них класс новых господ – партийно-бюрократическую верхушку. Люди отторгаются от земли, от собственности, от церкви, от национальных традиций, чем обрекаются заранее на самое примитивное животное существование. Высших духовных целей эта система не приемлет нацело, ежели не считать таковой целью мечту о мировой революции, и о превращении всего мира в один громадный лагерь. Кстати, коммунизм мы давно построили, ещё в 1930-х годах, (отсчёт надо вести с коллективизации) и уже более полустолетия живём в нём. Разумеется, учение коммунизма одинаково чуждо всем национальным культурам. Поэтому, возможно, и руководящая верхушка партии сложилась из людей, чуждых России, в основном, на 90%, из евреев, затем кавказцев, прибалтов (латышские стрелки!), но, заметим, чуждых, в значительной степени, и своим нациям. Лев Троцкий отнюдь не хотел считать себя евреем, хотя и был им, а Лазарь Каганович недавно печатно отверг страшное для него обвинение в русском (?) национализме, ибо он „был и остается интернационалистом“. Кстати, именно поэтому нельзя сводить эффект революции к национальному завоеванию России евреями. Допустим, что велел Троцкий. Но расстреливал-то и раскулачивал, то есть грабил, русский Петров русского Сидорова! Не все и не всякие приказы совестливому человеку допустимо исполнять. А приказ солдатам, скажем, расстреливать своих же крестьян, ошалевших от голода, равен при-

казу изменить Родине. Мы должны не столько искать виноватых вне себя (они есть, разумеется, и их надо судить), но объединяться вновь в нацию, точнее, в союз наций, перестать злобствовать на своего же брата во Христе! На злобе не выстроишь ничего, кроме всеобщей гибели. Не злобствовать и на мусульманина-татарина или буддиста-бурята, а понять, что мы – одно, исторически одно, и тогда никакие тайные силы зла нас не возьмут и не поколеблют. А иначе – иначе бесполезно всё! Станем вновь христианами, и вспомним слова Нагорной проповеди! Нам надо бороться не друг с другом, а с коммунистической идеологией внутри нас, с тем её главным постулатом: установкою на грабёж, на то, чтобы выстроить всех в одну линию. В этом наша главная беда! Не дать землю крестьянину, не вернуть Церкви отобранных у неё имуществ и храмов, не дать воли труженику паче всего! Нежно любимы нашей властью почему-то лишь деятели теневой экономики и спекулянты.

Сталинское заигрывание с интеллигенцией окраин, все рассуждения о культуре национальной по форме и социалистической по содержанию были ложью, ибо требовалось построить новый мир из одинаковых людей-рабов, а совсем не содружество неповторимых национальных культур, и диктат русского языка, например, вовсе не был способом руссификации окраин (нас-то самих деятельно американизировали, и американизируют, приобщают к року, сексу, прочей псевдокультуре до сих пор!). Попросту, вненациональной советской бюрократии было удобно общаться и вести переписку на одном каком-нибудь языке. Ну, а культурные ориентиры искались, естественно, за рубежом, в неодоленных капиталистических заграницах! Психология „победившего раба“ не изменилась за все протекшие тысячелетия. Раб будет искать себе господина и, одновременно, ненавидеть его.

Отмена процентной нормы привела к тому, что высшее образование стало уделом тех, кто пришёл к власти и имел деньги. Равенство кончилось, хотя кричали о равенстве. И сейчас русские по количеству людей с

высшим образованием на тысячу жителей, чуть ли не на последнем месте в стране.

Коммунистическое единство, без учёта национальных особенностей, озлобило всех, и никому не принесло добра. Давайте рассмотрим все нынешние национальные конфликты, и всё станет предельно ясно!

Результаты сталинского переселения народов известны всем. Кого-то вернули, однако крымские татары, турки-месхетинцы и немцы Поволжья так и не были возвращены на свою землю. Результаты можно не перечислять. Резня, возмущения, отток за границу едва ли не самой трудоспособной части населения страны. „Горячие точки“ в СССР все образовались именно там, где столкнулись интересы народов полныхправных и неполныхправных (союзных и автономных республик). И разумно поставить прежде всего вопрос именно об этом. Почему и чем армяне Карабаха хуже азербайджанцев? Почему абхазцы и осетины должны подчиняться Грузии? Чем виноваты гагаузы, или русско-украинское население левобережья Днестра? Чем виновато, наконец, русское население Прибалтики? Не будь этой ступенчатой советской иерархии, не было бы и названных конфликтов. Если уж говорить о демократии, то надобно считать всех людей равными друг другу и суверенными, и, по крайней мере, не мешать им жить. Скажем сразу, что все великодержавные претензии в республиках молчаливо исходят из признания справедливости нынешних национальных границ. Но почему? Почему, по какой причине молдаване решили давить гагаузов и русских? Почему наш президент Горбачев решился назвать русское население левобережья Днестра сепаратистами? Быть может, тогда уж расширить пределы самодельной Молдовы вообще до Днепра? Или им и того не хватит? Извиняюсь, я не о народе говорю, а о зарвавшихся доморощенных фюрерах. И кто стрелял? Кто отдавал приказ? Убили, кстати, как раз своего, молдаванина! Да так всегда и бывает!

Карабах организованно и спокойно попросил правительство исполнить своё же давнее решение о воссоеди-

нении армян Карабаха с армянами Армении в составе нашего общего государства. В чём усмотрели криминал? Почему ввели войска в Армению и вывели из Сумгаита, где, с благословения партии, устроена была армянская резня? До подобной мерзости, кажется, и при Сталине не доходили! Воистину – беспредел. Проведи плебисцит, удовлетвори требование народа, и дело с концом! Нет, мы изо всех сил стараемся избить дружественную нам Армению, изо всех сил разогреваем в Азербайджане воинствующий бандитизм, – зачем? Это политика, разумеется, но какая и в чью пользу? Что это против армян, против русских – ясно, но это, по-сути, и против Азербайджана (не нужна труженику любой страны чужая земля!). Кому-то нужен, однако, очень нужен развал страны! И характерно, что бегущих русских даже и беженцами не считают, им нет ни помощи, ни внимания. Под крики о русском засилье мы опять самые избитые парии в своей стране!

Как развивались события в Тбилиси? Обсуждался абхазский вопрос. Была демонстрация с требованиями давить, держать и не пущать абхазцев. (Достаточно мерзко уже это!). Но в Москву от грузинского первого секретаря летят иные телеграммы: видите ли, они – против русских! (Хотя о русских и речи нет). Язов роет землю, желая воевать. Наших ребят с палками шлют на „подавление“. Происходит безобразная свалка. Грузинский первый, потирая руки, в ту же ночь подаёт в отставку. И – дело сделано! Русские – захватчики и насильники, русские, заметьте, а не партийно-правительственный вненациональный аппарат! Гнев толпы обращён в нужную кому-то сторону, и на волне раздуваемого психоза происходит отделение Грузии от России. Видимо, теперь надо выслать всех торговцев-грузин с наших рынков домой, в Грузию, выселить туда же всю прижившуюся у нас грузинскую интеллигенцию, включая самого Шеварднадзе, закрыть границу, и – пущай они там продают друг другу незрелые мандарины... Так, что ли? А куда Багратиона денем, и с ним – славу наших побед? И что ещё будем делить? И чем,

какой бадьей, вычерпывать наш русско-грузинский идиотизм?

Да и с Прибалтикою всё очень, предельно просто! Люди измучились от нелепиц советского строя, люди хотят нормальной жизни, и просят права на хозяйственные реформы. Им этого права не дают. Ну, хоть в урезанном виде! Вам же лучше будет, поглядите, как получается! Нет, и нет. Ну и тут, когда до горлышка дошло – давай независимость! – А, наконец-то вы поняли, дорогие, чего от вас хотят! Вот она, независимость, на блюде подадим! И плевать на нерасторжимые хозяйственные связи, на трудную историю, на борьбу с немецкой, датской, шведской, польской агрессией, плевать на сорок процентов русского населения, (и нашему правительству особенно плевать!), давай, режь по живому! Люди устали от коммунистического бреда, а им подсовывают ненависть к России и искусно подогревают самоубийственный сепаратизм.

Позвольте прямой вопрос: почему никак нельзя (и на то брошены все силы армии, дипломатии, КГБ и проч.) позволить Карабаху отделиться от Азербайджана (ежели дело не в одном Алиеве!), и, одновременно, спокойно, без крику и шуму, можно отрезать Крым от России? Что это, ежели не геноцид русского населения, ежели не намеренный развал страны? Кто и о чём спрашивал население Крыма? И украинцы тут явно не при чём! Дело решалось в высоких сферах, келейно, без всякого опроса местного населения, с явной целью разделить, раздражить, противопоставить, ослабить бюджет РСФСР, уже и без того почти изнемогший... Ну, а чтобы и украинцы не слишком радовались, в Крыму затевается строительство атомной электростанции, то есть подготавливается свой, крымский Чернобыль!

Итак, потерявши сто миллионов в лагерях и искусственно устроенных голодовках, потеряв свыше сорока миллионов в гнусной войне, когда собственное правительство сделало всё возможное для разгрома своей же армии, мы оказываемся виноваты теперь в навязанном

нам большевистском режиме... Увы, виноваты! Виноваты, что допустили завоевание своей страны коммунистами!

Всё, что надо сделать, – это ликвидация диктата монополий, сокращение уровня эксплуатации в четыре-пять раз (в развитых странах фонд зарплаты – это 70% валового дохода, у нас – 17%), прекращение опасных и разорительных экспериментов над живыми людьми, деятельности Минводхоза, мелиораторов, атомного строительства, химии, сократить вдесятеро раздутый противу нормальных объёмов военный комплекс, удивительные расходы на бюрократию и т. п.; необходимо возвращение земли труженику, средств производства – рабочему и грамотному предпринимателю, восстановление национальных языков, церкви и проч., и проч., – вот далеко не полный перечень дел, которые только и можно сделать, ежели подходить к делу со всероссийским масштабом. И это значит, прежде всего, отказаться от коммунистической идеологии.

Но тогда зачем станем разваливать нашу, веками слававшуюся, страну? Нет, кого-то очень не устраивает подобная комбинация! Кому-то очень надобно грехи международного коммунизма переложить на плечи русского народа, а обновление страны подменить её политическим развалом! Или, к слову, восстановлением прежней диктатуры партии! Ну, да, впрочем, развал идёт уже семьдесят лет...

И ведь далеко не безвредны эти наши „границы“, проведенные по живому телу России! В Карелии на миллион русских приходится семьдесят тысяч карел, сосредоточенных, в основном, в Олонецком и Калевальском районах. Но во время войны финская сторона претендовала на всю эту территорию, явившуюся в 1920-х годах в результате простого сговора партийных функционеров. Причём, из тела собственно РСФСР можно вырезать любые куски, тот же Крым, к примеру, переданный Украине. Это как и почему? И почто тут никаких претензий и никаких обид? Ну, а завтра отрежут пол-Сибири, Камчатку? Ещё что-нибудь? О Курилах давно уже толк идёт, – не отдать ли их Японии! Воистину, налицо гигантская распродажа Рос-

сии, и никто – ничего! Ну, давайте вспоминать, что Крым отвоёван русским оружием, что город Тарту (Юрьев) основан ещё князем Ярославом, а Холм, и поныне оставшийся на территории Польши, творение Даниила Галицкого... Разве всё это существенно? Существенно то, что не окажись та же Эстония или Латвия на рубеже между Россией и Германией, и съели бы их те же орденские немцы без остатка. Существенны хозяйственные связи живущих ныне людей и их культурно-национальное мышление. В ином случае той же Прибалтике хватило бы (и хватало!) культурной автономии в составе Великороссии. До желания разрыва население Прибалтики надобно было довести. Кстати, успех короткого двадцатилетнего периода самостоятельности прибалтийских республик (до 1940 года) строился на двух факторах: на богатом русском промышленном потенциале, оставшемся от царских времён, и на голоде в послевоенной Германии (после первой мировой), при котором продовольствие из Прибалтики, имеющее высокую себестоимость, находило на Западе устойчивый рынок. Сейчас странам европейского содружества своего продовольствия девать некуда. Гораздо выгоднее было бы прибалтам оставаться в составе России, опираясь не её необъятный рынок и культурный потенциал, при соблюдении всех нормальных прав на хозяйственную, культурную и языковую самостоятельность. И за коммунизм именно русских ругать им тоже вряд ли стоит! Без латышских стрелков, как-никак, не состоялся бы и Октябрь! И Литву её великая, трагическая и непростая судьба сближает, всё-таки, с нами, а не с Германией!

Ну, а то, что творится в Молдове, непонятно вовсе. Кто там сепаратист, ежели Молдавии, как самостоятельного государства, никогда не было? Скажем прямо: пока народ добивается свободы – это демократия, когда он стремится подчинить себе другие народы – это фашизм. (Или коммунизм, тоталитаризм, – название несущественно). Не перескочили ли нынешние молдавские деятели с горбачёвской повады из одних саней в другие? Не забыли ли

они главных своих проблем? О земле, о национальной культуре, о Церкви, о виноградниках, наконец?

Обращаясь к Средней Азии, допустимо поставить вопрос в общей форме: ну, а ежели не было бы монокультуры хлопчатника, наглой и безграмотной деятельности Минводхоза, погубившего Арал и многое другое, издевательств над верующими и проч., и проч., включая коррупцию, связанную, как выясняется, с центральным московским партаппаратом, словом, не было бы всех, устроенных и здесь советских прелестей, – были бы современные возмущения и резня, или нет? И кому потребовалось разгонять комиссию Гдляна – Иванова, гасить узбекское дело, что за настойчивая нежность к ворам и казнокрадам?

Я уж не касаюсь дел сибирских, не касаюсь того, что большая часть нашей страны отводится под вредные химические производства и свалки радиоактивных отходов со всей Европы, чему опять же, из всех сил, споспешествует центральная партийная власть. Далеко не у меня одного неволею напрашивается горькое подозрение, что всё это неспроста, что кем-то, где-то поставлена задача полного уничтожения России, и наша нынешняя власть сию людоедскую задачу деятельно выполняет.

Ну вот, и подумаем теперь, помыслим – а что же будет потом? Ежели делам позволить идти, как они идут, то сперва, по-видимому, будут отданы Японии Курилы, затем Камчатка и Сахалин. Ну, а затем неизбежен уже станет отказ от Чукотки, всей Магаданской области и Приморья. Китай в то же время аннексирует Монголию и Сибирь, и двинет свои армии в Среднюю Азию и к Уралу. Разумеется, это будет отнюдь не нынешняя мирная Япония и не нынешний Китай. Агрессия потребует создания мощного военно-политического аппарата, наделённого диктаторскими полномочиями. Ну, а рост последнего неизбежно вызовет там и там (и в Японии, и в Китае) свертывание мирной промышленности, рост военной и, как следствие, общее снижение жизненного уровня, сопровождающееся падением демократии. Всё это не

вымысел, так бывает в подобных случаях всегда. Нечего и говорить, что „по дороге“, так сказать, погибнет, помимо русского населения Сибири, целый ряд народов, таких, как монголы, буряты, горно-алтайцы и проч. Они будут попросту уничтожены. Оставшиеся в живых начнут нудную и бесконечную партизанскую войну, что, в свою очередь, усилит военную промышленность и ухудшит жизненный уровень в странах-захватчиках.

В Средней Азии, ежели она не будет завоевана Китаем, возникнут межнациональные смуты, ежели найдётся нация-лидер с соответствующим руководителем, то может возникнуть военно-полицейское государство, типа империи Тамерлана, вынужденное вести постоянные войны на уничтожение, и именно потому крайне нестойкое и с таким низким жизненным уровнем масс, что даже то, что есть сегодня, покажется потерянными раем...

Кто захватит Кавказ? Скорее всего, Турция. Армянам не надо объяснять, к чему это приведёт, а грузины, которые не понимают, пусть, отложивши вражду, расспросят армян. В Турции, в свою очередь, начнут по-необходимости, производить „пушки вместо масла“, со всеми вытекающими из такой реконверсии последствиями. Но вряд ли и Азербайджану удастся порадоваться гибели двух христианских государств! Богаче он под Турцией не станет, ну а нефтяные богатства Баку у него и вовсе отберут, и воевать на Северном Кавказе придётся азербайджанцам в первых рядах, то есть, с наибольшим эффектом поражения...

И даже маленькая Финляндия, которой, допустим подарят Карелию, больше проиграет, чем выиграет на этом. Кольский полуостров возьмёт кто-нибудь другой. Возможно, коммунистический режим его просто отдаст в обмен на эфемерную западную помощь...

Итак, Россия вернётся к границам эпохи Ивана III. Останется на ограбленной, высосанной земле, с колхозами, химией, партийной властью, которую она тогда уже и вовсе не сумеет сбросить, разорённая, обессиленная, окруженная сильными и агрессивными соседями, сохра-

нившая внутри себя весь тот паразитарный механизм, который привёл её к уничтожению... И всё это не растянется, как крушение Римской империи, на три сотни лет, а произойдёт сразу, почти мгновенно. И наступит последний акт драмы: совокупный крестовый поход всех заинтересованных государств, и героическая или позорная гибель последних русичей.

Произойдёт гигантское „упрощение системы“. Вместо сотен народов, населявших некогда эту землю, останутся два-три. Культура окончательно погибнет под гнётом тоталитаризма. Добытые богатства (в основном, недорасработанное сырьё) пойдут на увеличение армий, а те отправятся воевать... Увлекаясь воображением, можно предвидеть схватки Японии и Китая, их обоих или порознь со Штатами, и проч. То есть, падение здравого смысла, упрощение и одичание охватит весь земной шар, станет распространяться как лейкемия или раковая опухоль с непредсказуемыми уже результатами для всей земли.

На это можно возразить, конечно: когда, мол, это ещё будет! Будет, непременно будет! Никаких оснований предположить иное развитие событий, при подобном раскладе, у нас решительно нет. И потому от нас, нынешних, нужны не слова, а дела, не рознь, а свободное единство. В наших общих интересах попытаться спасти единство страны. Пока не стало поздно! Пока мы ещё можем сломать всю тираническую машину коммунистической диктатуры и уцелеть, как государство, вернуться к нормальным способам ведения хозяйства, к нормальной экономике, и приняться за восстановление порушенной экологической среды, начать вновь украшать, а не уродовать землю, и заменить классовую и национальную ненависть, путь в никуда, идеями добра и гуманизма, единственно животворными идеями, как прояснело за две тысячи лет со дня распятия Иисуса Христа! И к этому рубежу, к возрождению, придём мы только в том случае, ежели не развалимся и сохраним свою, созданную столетиями подвигов и самоотверженного труда государственность.

Но, скажут, партия, как раз опираясь на эту государственность, и привела страну к разрухе, при которой мы сделались сырьевым придатком высокоразвитых стран! Да, и ещё раз да! Так нам и надо, всем вместе, свергнуть с себя это иго!

Последние опыты правительства с взвинчиванием цен, нелепыми налогами, дефицитом всего на свете и намеренным уничтожением продуктов питания, не оставляют, как кажется, никакой надежды на поумнение нынешних властей предрежащих. Власть, как и правящую (всё ещё!) партию, надо менять. Любыми средствами. И чем скорее, тем лучше. Иначе погубим страну и погибнем сами.

Новгород, 1991 г.

**Письма для редакции «Вече»
направлять по адресу:**

Frau V. Drewing
(für RNV e. V. und «Veche»)
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
W. - Germany

В. Богданов

Воскресная проповедь

Двадцать лет тому назад я много писал о необходимости этнического и нравственного возрождения тех людей, предки которых были русскими; писал о том, по какому руслу должно бы пойти возрождение народа. Мне удалось тогда переслать некоторые из этих рукописей с туристами на Запад. Тогда я ещё питал надежды, что всё это могло бы быть там напечатано. Однако, я получил возможность убедиться, что мировой центр идеологической мафии на Западе готовит для России „перестройку“, которая призвана не укрепить духовное и этническое сознание народа, не воскресить народ, а, наоборот, расщепить и атомизировать всё ещё существующие зёрна духовности, окончательно разрушить остатки этнического сознания народа и уничтожить остатки Потенциала Воли в нём. Поэтому любая философия, публицистика, литература, зовущие народ в Гору, укрепляющие его мужество, были нежелательны и опасны для тайного мирового Центра власти и мировой Кошечей делал всё возможное, чтобы уничтожить всё это уже на самых дальних подступах к гласности.

В тех своих статьях двадцатилетней давности я полагал, что в грядущем возрождении народа большую роль могла бы сыграть религия, даже та её чисто обрядовая сторона, которая ранее была тесно связана с бытом деревни. В одной из своих статей я высоко оценил передачу „Немецкой волны“ на немецком языке – *Das Wort zum Sonntag*“ (десятиминутная воскресная проповедь по радио). Когда же я вновь услышал такую же передачу по советскому телевидению, я понял, что в штабе Кощея внимательно знакомились с нашими рукописями и старались сделать их подсобным материалом для достижения корыстных целей...

Религия, и её обрядность, могут стать огнём очищающим, огнём согревающим и возрождающим народ. Но не следует забывать о том, что по приходе в мир Антихрист даже религию превращает в фарисейство, в средство укрепления своей власти над миром. В годы последние начинается тот массовый всплеск мирового фарисейства, тот разгул идеологии книжников, когда все волки в овечьей шкуре выступают уже под масками слуг Христа. Они первыми вывешивают на стенах своих столичных палат, между порнографическими картинками и портретами Хаммера и Киссинджера, православные иконы; они объявляют себя единственными носителями и защитниками православия в стране. Уничтожив в лагерях и иными способами всех своих потенциальных противников, убийцы могут вспомнить теперь заповедь „не убий“, если им мерещится возмездие за пролитую кровь. Развовав всю страну, воры начинают вспоминать заповедь „не укради“ (теперь они боятся, что их обворуют). Безнравственные и бессовестные политиканы стараются укрепить свою власть над страной и при помощи религии. Но становясь инструментом политиканов, религия перестаёт быть духовностью живой и горячей.

Если ранее, по народным слухам, в семинарию можно было попасть только при наличии отличной характеристики от ГБ, то сегодня, кажется, почти каждый священник, прежде чем получить людный приход, должен стать

шестёркой сионистов. Многие попы ударились в политиканство, пытаются создать и возглавить какие-то партии, начинают говорить от имени русского народа, сами не имея с ним ничего общего, кроме языка. И в то же время, Церковь совершенно пассивна в сфере общественной духовности, она не организует духовное возрождение народа, не даёт нравственной оценки всему происходящему в стране, не борется с наглым растлением молодёжи и вообще народа, не защищает интересы православия в стране. А ведь именно Церковь должна дать сегодня ясную отрицательную оценку тому попранию социальной справедливости, которое разливается мощным потоком по земле нашей. Именно Церковь должна была бы возглавить движение за восстановление Храма Христа Спасителя в Москве. Это Церковь, а не литературные журналы, должна была познакомить нас с патриархом Тихоном, Иоанном Кронштадтским. Православное мнение должно бы явно звучать в стране в оценке современной литературы и музыки с точки зрения религиозной духовности и нравственных норм. В общественной жизни страны официальная Церковь не защищает ту Духовность, которая на деле является и основой живого православия. Официальная Церковь становится Церковью мертвого догмата. Церковь молчит, когда московские „градостроители“ Лепский Виталий Иосифович, Новиков Феликс Аронович, Вайнштейн Татьяна Израилевна глумятся над русской духовностью и русским наследием, заставляя новгородцев построить на месте шести древнейших православных монастырей, на месте шести древнейших кладбищ города огромный комплекс для иностранных туристов с гостиницами, игровыми заведениями, ресторанами, кафе-шантанами, полупубличными домами и бассейнами... Патриархия не выступает в защиту народа против грубейшей колонизации его инородными силами, не выступает против издевательств над народом и идеалами его в печати и на телевидении. Официальная Церковь не нашла своего места в той духовной борьбе, в которой растлевается наследие народа и его облик. К сожалению,

почти все священники и иерархи наши выглядят непристойно жирными – и в этом смысле очень походят на некоторых „представителей демократии“ на верхах власти в Москве. А народ наш ещё вспоминает тех деревенских попов 18 - 19 веков, которые сами пахали землю и возделывали свой сад, которые делили с крестьянином все его тяготы и радости существования. Вспоминают в нашей округе сельского священника Модеста Белина, исчезнувшего в 1937 году вместе со многими деревенскими мужиками. Ещё и сегодня во многих мужицких избах округа можно увидеть книги с экслибрисом „Из книг Модеста Белина“. Этот протоиерей имел блестящее образование, знал несколько иностранных языков, в то же время он сумел стать близким крестьянству округа, сумел стать настоящим духовным руководителем его наиболее развитой части. Он находил нужные слова, чтобы толковать с мужиками о Достоевском и Гончарове, о Розанове и Бердяеве! Впрочем, между лучшими представителями русского дворянства и умудрённой книжностью частью крестьянства, никогда не было глубинных противоречий. Не случайно почти мистическое тяготение последнего царя и его семьи к русскому крестьянству. (Именно здесь и крылась возможность спасения России – но крестьянство и деревню оплевали, дискредитировали перед революцией, обвинив в „вонючей патриархальности“, „идиотизме деревенской жизни“ и „черносотенстве“. Мудрецы Кощея знали в чём ещё кроется сила России и Европы!

Мы видим, как вчерашние „емельяны ярославские“, вчерашние убийцы истинно верующих, сегодня мнут толпами около храмов и даже в храмах и, фарисейски осеняя себя крестом, рвутся попасть в объектив телекамеры. Религия становится средством убиения живой Духовности.

Террор, геноцид, постоянное идейно-психологическое давление и постоянное отравление „гласностью“ сделали своё дело: как этнос, народ наш находится при смерти. В нём появилось много безродцев, вырожденцев-уродцев, готовых за признание себя „демократом“ и „передовым“

служить любому хану, готовых предавать и продавать Родину и её богатства. У этих безродцев уже нет понятия о Родине, чести, долге, совести, верности, служении. Бывают годы, когда по каким-то причинам начинают массово вырождаться особи того или иного биологического вида. Грибники знают, что иногда в лесу вместо ожидаемого слоя настоящих белых, боровиков, – появляется массовый слой так называемых ложных белых: гриб симпатичен, выглядит „демократом“, по внешности почти не отличается от настоящего белого – но он розовеет на изломе и сильно ядовит...

Нечто подобное происходит сегодня и с народом нашим: мутанты набросились на него. Сегодня уже многие русские по паспорту куда более походят на Святополка Окаянного, на Тушинского Вора, на Троцкого и Зиновьева, чем на Михаила Черниговского, Пересвета, Сусанина, Минина, Достоевского, Столыпина, патриарха Тихона. Наблюдается резкое оскудение этнического чувства, чувства Родины. Но этническое чувство – это необходимое качество существования и проявления человеческой личности, это одна из предпосылок нравственности и даже талантливости человека. Этническое чувство, чувство эмоциональной любви к Родине – это одно из проявлений сложившейся души. Сегодня настойчиво пытаются разрушить в русском сознании эту живую любовь к Родине, подсовывая нам в качестве идеала, в качестве „самых лучших русских высшего сорта“, людей без живого этнического сознания...

Трава не может расти сверху вниз... Никакие „ДС“, „народные фронты“, „мемориалы“, никакие формальные и неформальные объединения, создаваемые в верхах не спасут народ наш, если в низах не появятся Сусанины, Минины, Пожарские, Евпатии Коловраты. Все партии, объединения, создаваемые сверху, все законы, принимаемые там – это лишь паутина Кощея, ибо всё это уже при рождении инспирировано им, организовано его штабом. Никакая болтовня в правительственных говорильнях не спасёт Россию и народ наш, пока мы сами не будем

спасать себя. На митингах и выборах опять не видно самостоятельного и разумного выбора, снова всё определяется той истерией „культовости“, которую мы сегодня вроде бы бешено разоблачаем в прошлом. Народ снова слепо верит речам и внешности, верит в „смелость“ и „оппозиционность“ людей, бесконечно мелькающих на экранах телевизоров. И пока эта истеричная „культовость“ нарастает, добра ждать не приходится. Тут и там мы слышим бесконечно повторяемый интеллигентами-„демократами“ лозунг: „Никогда больше!“ Повторим же и мы в клятве этот лозунг: „Никогда больше!“ Поклянёмся никогда больше не позволить распыть народ наш или то, что от него осталось!

Не ожидая возможности создать свою организацию, сегодня каждый из защитников Родины, каждый гражданин России должен на своём месте оказывать хотя бы пассивное сопротивление людям Кощея. Противопоставим их солидарности свою солидарность! Пусть Кощей ещё раз захлебнётся в нашей „косности“ и „патриархальности“. У нас нет возможности оказать организованное сопротивление через газеты и телевидение – так будем сопротивляться коварству Кощея по-партизански! Если каждый на своём месте окажет посильное сопротивление, Россия не погибнет. Пусть каждый, если к нему сверху дойдут приказы Кощея, начнёт так выполнять или не выполнять их, чтобы сила Кощея оскудевала. Пусть каждый из нас услышит голос России: „Савл, Савл, что ты гонишь меня?“

Молодой тополёк, вырванный из земли, отломленная ветка ивы, брошенная на обочину дороги, пускают корни, чтобы снова прирасти к родной почве. Вот это же остаётся сегодня и народу нашему, и всем нам. Каждый из нас должен воскресить свою душу и установить связи с духовностью народа, со своей Родиной. Да восстановит каждый из нас в собственной душе свой Храм Христа Спасителя! Но каким же должен стать сын своей Родины, чтобы воскресли Родина и Народ!

Начну с некоторых славных качеств, утраченных нами.

Ранее в новгородской деревне наивысшей похвалой мужику было: „Самостоятельный!“ Так пусть же каждый из нас возродит в себе эту самостоятельность! Будем искать в таких понятиях как „демократия“, „прогресс“, „передовой“, „новое мышление“, „перестройка“. „цивилизованные страны“, „научность“, „конвертируемая валюта“, „свободные зоны“, „гласность“ и т. д. их внутреннее содержание (если оно есть) – и не позволим словам получать магическую власть над нами! Не дадим сделать себя баранами в митинговой круговерти, не будем восторженно подвывать волкам в овечьей шкуре. Будем весьма критически относиться к нашим газетам, нашему телевидению, помня, что их „интересность“ создаётся их полной монополией на гласность, практическим непозволением их оппонентам писать так же интересно, но уже с другим освещением фактов. Будем всегда и везде сохранять свой собственный выбор и собственную волю. Не будем бояться штампов-кличек для отнятия самостоятельности у человека, таких как „черносотенец“, „охотнорядец“, „русопят“, „деревня“, „фашист“. Нельзя жить шестерою без царя в голове!

Из физики мы знаем, что существуют элементарные частицы материи (электроны, позитроны, протоны и т. д.) и существуют зёрна уже структурированной материи (атомы, молекулы). Так вот, характер воздействия внешнего Силового Поля на эти две группы частиц не одинаков. Элементарные частицы мечутся по силовым линиям Поля, как пушкинские бесы в метель. Атомы же и молекулы не теряют своей цельности и в постороннем Силовом Поле и отвечают на его воздействие лишь некоторой перестройкой своих электронных оболочек. В атомах и молекулах есть уже свое Внутреннее Поле (сравнимое с душой человека) – и поэтому атом не так легко поддаётся внешним воздействиям. Задача каждого человека – сформировать в себе такое же Внутреннее Силовое Поле души.

Говорят, что рак, отнесённый на 200 метров от реки, безошибочно находит дорогу к реке, если его выпустить.

Вот, такое „чувство Реки“, „чувство Рака“ вырабатывается и Внутренним Силовым Полем человека, его душой: это безошибочное сознание того, что полезно Родине и народу. И такое качество должно быть в каждом самостоятельном человеке! В прошлом нашего народа не счесть примеров самостоятельности и несгибаемости. Их можно было бы начать именами Олега и Святослава („Иду на вы“), именами всех этих Мстиславов Храбрых, Удалых, именами Ильи Муромца и Добрыни, Вольги и Святогора, именами Аввакума и его сподвижников.

Вторым качеством возрождённой души является этническое сознание, любовь к Родине. Без этнического сознания человеческая личность не существует. Говоря об этническом сознании, я не имею ввиду какую-то расовую предопределённость. Те русские, которые живут в Новгороде и позволяют глумиться над могилами своих предков – эти русские уже опаснее ордынцев, опаснее немецких оккупантов последней войны. Дело не в фамилиях и не в „чистоте крови“, а в отношении человека к земле, на которой он живёт. Вообще-то, этническое сознание – глубокое и многостороннее понятие. Упомяну лишь, что оно обычно, при нормальном развитии общества, включает в себя и так называемое „роевое сознание“, чувство полной сопричастности народу. Этническое нормальное сознание нередко проявляется и в так называемом „имперском сознании“, которое сегодня делают главной мишенью опозоривания. Возможно, главными носителями русского, российского этнического сознания были наши казаки. Русская нация и зародилась, как „речное казачество“, как сообщество воинов-земледельцев, осваивающих необжитые земли; как сообщество земледельцев, создающих культуру, идеалы, духовность и защищающих эту „душу“ народа.

Третьим качеством воскресшей души, качеством, необходимым для воскресения души, является яростное стремление к восстановлению Справедливости, к распространению в этом мире Справедливости, стремление найти и отстоять Правду; стремление найти Беловодье, Лукомо-

рье, Муравью. Яростное искание не какой-то корыстной и политиканской „гласности“, а именно полной Правды; вера в воздаяние, всем по делам их; вера в рано или поздно наступающее возмездие, вера в то, что кровь не остаётся неотмщённой, вера в конечное торжество Справедливости на земле. Живая вера в Бога, а не формальная обрядность перед телекамерой; осознание своей связи со всем живым и с Космосом, то есть состояние особой Сизигии по Соловьеву: личное чувство „сыновности“ сочетается с благостным восприятием „отцовства“ Божьего. Для воскрешения души нужно „познание Добра и Зла“, то есть высокая нравственная напряжённость души, способность к резкому разделению добра и зла, способность создавать Поле напряжения между ними и чувствовать эту напряжённость. Совесть, как проявление высокой напряжённости души, и мучительное раскаяние в собственной несправедливости, в собственных грехах (Раскаяние – любовь к Богу, по Киркегору). Как рыба, вынутая из воды, задыхается на суше, так и настоящий человек задыхается там, где нет Силового Поля борения Добра и Зла. В этом смысле преступник, совершающий свои преступления бездумно и беспечно, не осознающий своей вины – это уже и не человек. И в то же время разбойник, раскаявшийся искренно даже на кресте, „достоин царства небесного“. Главное в существовании души – это её напряжение, которое проявляется в муках совести, в раскаянии, в сострадании живому, в ощущении Сизигии с природой, Богом, всем живым и в осознании собственной смертности.

Четвёртое, нужное душе качество – это Память, проявляющаяся в разных формах (в том числе, и как „любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам“). Чтобы народ воскрес как народ, должна быть восстановлена его Память, народ должен снова прирасти к своим корням. Память – это не столько формальное знание истории, культуры, быта своего народа, сколько эмоциональное душевное восприятие всего этого и многого другого: родных песен, фольклора, обрядности, языка и т.д.

Сегодня Память – это и смена полярности Силового Поля в культуре и духовности, то есть отказ от поклонения Антихристу и его слугам, восстановление поклонения истинным ценностям народа.

В течение тысячи лет наши деревни были деревянными и часто горели. Первое, что спасали мужики во время таких страшных пожаров – это иконы собственной избы и иконы деревенской часовни. Жизнь в деревне начиналась с построения новой часовни и с восстановления в ней иконостаса, с восстановления божницы в избе. Вот и мы сегодня должны восстановить иконостас России – и не надо пугаться, если даже из редакций русских журналов нас обвиняют в том, что мы тяготеем к составлению „списков“ и „рядов“ имён. Сегодня надо составить наш иконостас, восстановить его. Надо чётко назвать лучших сынов России – и так же чётко назвать её палачей. Кто-то сильно боится этого!

Если человек сумеет приобрести названные качества, он приобретёт душу. И вместе с душой он несомненно приобретёт и талант, как следствие воскрешения души. Собственно талант – это и есть форма проявления сложившейся души...

В прошлом России есть множество святых и национальных героев, которые могут стать для нас примером для подражания, их биографии и память о них могут укрепить дух народа; на них мы можем опереться и сегодня. Ведь не случайно же русские воины в бою многие века считали, что им помогают князья Борис и Глеб; многие русские воины даже зрительно видели этих князей, как бы сходявших с неба на помощь к соплеменникам! Впрочем, в нашем этническом сознании вовсе не случаен и культ Богородицы (Россия – Дом Богородицы), культ Георгия Победоносца, культ покровителя моряков Николая Мирликийского, культ Софии („Где София, ту и Новгород“: София в Киеве, Новгороде, Полоцке, Вологде, Тобольске и т. д.).

Сегодня многие с полным правом утверждают, что нация генетически изуродована, что она лишена этническо-

го сознания, что талантливо мыслящих русских уже мало. Однако, как известно из Писания, ни один город не стоит без десяти праведников. И если мы внимательно поглядим вокруг себя, то мы увидим всё-таки много людей с воскрешённой душой, монго зёрен конденсации духовности и этнического сознания, с которых мы могли бы взять пример. Нам трудно увидеть этих людей, потому что они замалчиваются магнатами „гласности“. Каждый талант, укрепляющий Россию и народ, встречает бешеное противодействие...

В печати нашей бесконечно повторяются ругательства, обвинения и оскорбления деятелей „Памяти“, их бесконечно позорят: „черносотенцы“, „бандиты“, „люди с тупым взглядом“, „люди с пустыми глазами“, „с хищным оскалом“, „люди с жёлтыми зубами“, „дети Шарикова“ и т. д. Но ведь, если говорить правду, то все эти Васильевы и их парни – это те немногие, которые ещё сохранили эмоциональную теплоту любви к поруганной матери-Родине, которые, как стойкий деревенский сын в городе, ещё не стыдятся этой, оплёванной всеми, „деревенской бабки“. И если мы сами уже не в силах действительно любить и защищать Родину, то не позволим хотя бы позорить их (даже если их взгляды и не совпадают с нашими) тем, кто ныне уничтожает духовность и наследие народа нашего! Мы должны высоко оценивать любого самостоятельного думающего и творящего человека в России, любого, не потерявшего связь с народом, любого, не сдавшего!

Возрождение России не может начаться в Москве в Верховном Совете, в обществе „Мемориал“, в „межрегиональной группе“ или тех „народных фронтах“, цель которых – окончательное разложение и порабощение России. Жанна Д’Арк родилась не в Париже, Сусанин – это не Собчак; Лавр Корнилов не был членом всероссийских говорилен. Казачество, пожертвовавшее жизнью за сохранение России, жило не в столицах, а на окраинах земли нашей! „Начнём от поля, начнём от речки, начнём от дома, начнём от печки“! Сегодня каждый мужик в каждой

деревне ответственен за судьбы России! И если каждый на своём месте окажет честное сопротивление интерменам, Россия будет спасена... Если вы любите Россию, оказывайте пассивное сопротивление врагам Земли нашей, там, где это можно. Используйте любой случай, чтобы сказать правду и помочь уничтожаемым за неё. Не забудьте, что ваши предки создали это великое государство и завещали вам беречь его! Пока мы не сумеем противопоставить тайной солидарности врагов наших такую свою братскую солидарность, мы не выиграем бой за Россию. Если нужно, занимайте официальные должности, входите в русофобские организации – но действуйте и там, спасая Россию. Это Великое Сопротивление должно сказаться в каждой конторе, в каждом учреждении. Пора внести дух Родины, дух народа в академические учреждения, в литературу, науку, в официальную „культуру“. Действовать должен каждый – и первое, что должен сделать каждый – это воскресить собственную душу, приобрести чувство Родины и не бояться обвинений в „имперском сознании“, ибо враги земли нашей понимают под этим сознанием всего лишь нашу любовь к Родине. Спасаящий Россию должен стать сегодня настолько мудрым, чтобы без штабистов понимать, что полезно ей, понимать стратегические и тактические задачи „партизанского“ движения сегодня! Пусть каждый вложит свою лепту в народное дело, в дело спасения Родины! Каждый встаёт сам, не дожидаясь команды...

Несмотря на избрание священников депутатами, несмотря на частое мелькание церковных тем на телевидении, Церковь не играет почти никакой роли в спасении России. А между тем, каждый священник должен был бы стать духовным руководителем своего прихода – ранее так часто и бывало. Церковь в России всегда давала православную оценку всему происходящему в стране: в этом смысле Церковь нередко бывала действенной оппозицией правительству. Разумеется, сегодня уже почти никто из верующих не одобрил бы анафему Толстому – но сам принцип нравственной оценки литературы, музыки, кино,

телевидения разумен: при свободе мнений, при „полной гласности“ в стране должен быть слышен и голос Церкви. Церковь не должна забывать свою роль и по духовному сохранению суверенитета и целостности России, Церковь должна бы явно высказать своё отношение к распродаже России. Так же отчётливо, как она сделала это во время польской интервенции в Смутное время: тогда именно Церковь выступила инициатором спасения Руси!

Когда плоть человека изранена, то новой плотью затягивает раны не „из головы“: эта плоть растёт на местах внизу. Мы видели, как кусты и трава постепенно сгладили траншеи, рвы и воронки последней войны... Вот так же, конденсируясь снизу, покрывая страну сетью живых ядер конденсации народной духовности и этнического сознания, можно спасти Россию!

Итак, для спасения Родины нашей, каждый должен воскресить в себе душу живу, почувствовать себя частью народа. И необходимо покрыть страну сетью ячеек духовного возрождения, сетью зёрен конденсации народного духа. Необходимо размежеваться с интерменами, разделить с ними, создавать новые общины возрождения народа, подобно тому, как создавались монастыри, новые деревни в верховьях рек, в незаселённых местах; подобно тому, как вырастали казачьи станицы и казачьи войска. Вавилону столиц нужно противопоставить нечто здоровое и жизнеспособное. Необходимо мощное развертывание культа любви к России, культа чести, верности, долга, служения Родине.

Сегодня можно сколько угодно оплёвывать „Память“, пририсовывать ей свиное рыло или морду гориллы – но это именно „Память“ всё-таки заставила и некоторых „официальных интеллигентов“ вспомнить о судьбе России. Это именно „Память“ заставила прибегнуть к мимикрии даже многих интерменов.

Надо весьма внимательно изучить опыт евангельской Голгофы – ибо распятие Христа предвосхищает весь характер распятия России. Главные воновники той Голгофы –

члены синедриона, первосвященники, те, кто сплёл сеть заговора, и „дельцы гласности“, то есть те, кто бешено кричали: „Распни Его!“ И Пилат, и Иуда были лишь инструментом этих сил. Оба они, каждый по-своему, сочувствовали Христу.

Голгофа России растянулась по времени: фактически она началась уже в годы написания „Бесов“ Достоевским. И с тех пор Россия всё ещё стоит униженной, избитой и оскорбленной пред сонмищем глумящихся над ней первосвященников. Нам пришлось до предрассветного крика петуха пережить три Перестройки: 1917 - 1924, 1927 - 1933 и 1985 - 1990. Каждая из трёх Перестроек сопровождается бешеной активностью малого народа, истеричными воплями: „Распни Его!“ И в каждой из трёх Перестроек Россия – Петр отрекается от Него и от Себя, отрекается уже третий раз, оплёвывая устами „русских“ Яковлева, Курковой, Станкевича, Ананьева, Лихачева своё прошлое, свои идеалы, свою связь с Землей и Родиной. И множество уездных Петров подхватывают это отречение и оплёвывают всё родное... Но недалёк тот час, когда запоёт петух перед восходом Солнца. И те, из Петров, кто ещё не окончательно потерял свою душу, горько заплачут...

И распятую Россию, как и распятого Христа, лишь тайно жалеют и оплакивают какие-то Никодимы, жёны-мироносицы и разбойники на кресте! Лишь Пилат осмеливается сказать: „Се человек!“ Лишь Иуда в стане распятелей сумел понять весь ужас сотворённого, ужас грядущей расплаты.

Новгород, 1991 г.

К. Балков

Третья Россия *

Иной раз накатит давнее, спутает мысли, и вдруг откуда-то издалека донесутся голоса предков, а немного погодя вспомнится суровый наказ Создателя:

– Кто прольёт кровь человеческую, кровь того прольётся рукою человека.

И тяжело и горько делается на душе, лжепророки канули в Лету, а покаяние в устах власть предержащих звучит столь робко, что его даже не слышно. Предвижу возражение: мы каемся, на весь белый свет каемся. Но это верно лишь отчасти. Покуда мы каемся лишь в следствиях, даже не подвергая сомнению причины, их вызвавшие. Вот и бродят промеж нас, тревожа неприятностью и великою скорбью в глазах, тени тысяч и тысяч неоплаченных и оболганных воинов, сложивших головы за державную идею, безвинно убиенные насельники, сгинувшие на чужбине казаки и крестьяне, духовные светильники Русской земли. Сколько же лет понадобится для того, чтобы вернуть утраченное, через какие испытания ещё пройдем, прежде чем приблизимся к осознанию своего национального „я“, к той высокой и недостижимой покуда нравственности, которая была вполне обычна и естест-

* Из журнала «Собор» № 1, 1990 г. Издание „Православно-просветительского общества“ г. Улан-Удэ.

венна для наших предков?.. Не знаю, как Вы, дорогие читатели, а у меня такое чувство, что с каждым днём мы отдаляемся от неё всё дальше и дальше.

Народ без духовной опоры чем-то напоминает реку, которая вышла из берегов. Сумеем ли мы остановить и направить её в русло освящённой святою верою жизни, иль она сметёт последнее из того, что создавалось веками?.. Вряд ли кто-нибудь теперь сможет ответить на этот вопрос. Да и не надо, наверное, отвечать. Все мы в руках Господа, и только Он знает, что ждёт нас впереди. Думать иначе, значит, не верить в Бога. А ведь именно Вера, живая, исцеляющая, святая Вера помогала русскому народу выстоять в лихую годину. И что удивительно. Испытания часто подстерегали Россию на рубеже веков. Вспомним смуту. Поляки в Москве, шведы на Севере, по лесам бродят шиши, боярский царь Василий Шуйский пострижен в монахи. Вдобавок ко всему голод, заросшие быльем хлебные нивы, неубранные полусгнившие трупы на дорогах. Время хуже татарщины. Казалось, России вовек не подняться. Тень католического креста уже легла на православные Храмы. Но живой свет из лесов Радонежа, из осаждённой поляками обители преподобного Сергия проник на берега Волги, где собиралось христолюбивое воинство. Немного погодя Минин и Пожарский повели его на Москву. А ведь, если разобраться, кто шёл в тех рядах?.. Нижегородские рыбаки и мастеровые, крестьяне и священники. Разве умели они воевать? Конечно же, нет. А ведь у стен Москвы их поджидал сильный и коварный враг, некогда сокрушивший боярские полки. Но не оружием были сильны ополченцы. Кто знает, как бы сложилась дальнейшая судьба России, если бы не Божий Промысел. В критическую минуту решающей битвы, когда поляки уже одолевали, на помощь ополченцам пришли казаки Трубецкого – вольные дети Дикого Поля, которые до этого занимались лишь разбоем, и, конечно же, совсем не помышляли о спасении Отечества...

Нынче стало модным цитировать слова Анны Ахма-

товой о встрече в середине пятидесятих представителей России сидевшей и России садившей. И это было действительно так. Но, наряду с Россией сидевшей и Россией садившей, существовала и третья Россия, которая не садила и не сидела, а работала, голодала, рожала детей, защищала Отечество. В сущности, третья Россия всегда играла заглавную роль в судьбе государства. Подтвердим свое высказывание примером из Смутного времени. В 1606-м году сошлись в смертельной схватке державно-боярская Россия Василия Шуйского и ватажно-разбойная Русь Ивана Болотникова и Илейки Муромца. А итог плачевен – поляки в Москве. Тогда-то и приспело время третьей России, России Козьмы Минина, князя Пожарского и патриарха Филарета.

Сейчас третья Россия, когда с удивлением, когда с улыбкой, а когда – с досадой и раздражением смотрит на происходящие в стране события. И хотя она ещё не определилась в своём политическом выборе, по всему чувствуется, что ей уже изрядно поднадоели бесконечные парламентские дебаты. Третья Россия пришла в движение, и это пугает как радикалов, так и тех, кто отстаивает интересы партийно-бюрократического аппарата. Вот и появляются время от времени в печати статьи то об отечественном фашизме, надвигающихся еврейских погромах, рабской душе русского народа, а то и о его гордом величии и преданности социалистическим идеалам, демократической вакханалии и об исторической значимости трудов В. И. Ленина для нашего Отечества. Как бы ни разнились между собой эти наиболее влиятельные сейчас течения общественно-политической мысли, их объединяет страх перед третьей Россией, что всегда отличалась непредсказуемым нравом.

Но было бы ошибочным считать, что третья Россия является выразителем идей центра. Центр духовно размыт и вненационален, его представители больше заботятся о международном авторитете, чем о нуждах собственного Отечества, а третья Россия глубоко религиозна. Её основной принцип – Соборность, единение личностей

в Боге.

Правда, нынче сделалось модным обвинять Россию во всех смертных грехах. Какими только терминами ни оперируют главные обличители. Признаться, читать это сначала было обидно и горько, но по мере того, как открывались новые факты отечественной истории, на душе становилось спокойно. В XIX веке напористое либеральное направление, завладев прессой, клеймило позором всякого, кто придерживался других взглядов. Нечто подобное наблюдается и сейчас.

Соборный строй гораздо шире и полнее всякой демократии, так как соборность не только согласовывает волю большинства с волей меньшинства, но и расширяет это согласие во времени, то есть и на предыдущие поколения, политической волей которых никакой народ не должен пренебрегать.

Понятие Соборной монархии присуще только русской истории. Это положение как нельзя лучше выразил И. Аксаков: „Народу – сила мнения, а царю – сила власти“.

Отличительной характеристикой русской государственной идеи было сознание, что полноценность самой монархии достигается лишь, если она венчает собой органическую структуру всех общественно-политических учреждений. В сущности, третья Россия выступает за беспартийную демократию. Кое-кому это может показаться странным, но давайте вспомним историю казачества, которое умело гармонично сочетать авторитетную власть с выборным начальством по территориальному признаку, начиная со станиц.

Первые съезды народных депутатов показали всю несовершенство советской избирательной системы. Голос народа так и не был услышан. Могут возразить, люди сами выбирали своих депутатов. И это действительно так. Но если принять во внимание, что люди выбирали либо тех, кого им предлагали, а именно представителей партийно-бюрократического аппарата, либо, часто из чувства противоречия, тех, кто был им альтернативой, то станет ясно,

почему надежды и чаяния народа, его просьбы и наказы потонули на съездах в яростной фракционной борьбе. Впрочем, это вполне естественно и закономерно. Любая партия, любой политический блок, пусть даже самый радикальный, в первую голову заботятся о собственных групповых интересах. Вот почему люди сейчас начинают терять веру в Советы.

Понятие государственного мужа присуще лишь беспартийной демократии, проще говоря – Соборной монархии, которая выгодно отличается от социалистического тоталитаризма и буржуазной республики ещё и тем, что кроме самого широкого местного самоуправления, в её основе лежит сочетание светской и духовной власти, ибо царь есть помазанник Божий...

Такую систему Россия переняла от Византии, где все, независимо от вероисповедания и национальности, имели равное право голоса. Впору вспомнить классическое: „Первый Рим пал, Второй пал, Третий – Москва, а Четвёртому не бывать“.

Октябрьская революция разрушила Третий Рим. Но неужели Великая Россия уже никогда не возродится?.. А впрочем, зачем загадывать. Время всё равно рассудит по-своему.

Одни теперь горько оплакивают Россию, другие – с яростью необычайной призывают к разрушению народной нравственности и общественной морали, вернее того, что от них ещё осталось, уцелело чудом после революционных бурь. Но где праведники, где истинные патриоты России, те, кто во имя её спасения готовы работать не покладая рук? Они есть, но голос их, голос народного сердца и разума заглушает бесноватый хор новоявленных самозванцев, призывающих к раскрепощению личности. Воистину, Сатана коварен и многолик.

Свобода... свобода... Как долго мы ждали её и как не хотим, как боимся теперь признать, что Человек не может быть до конца свободен. Его главными ограничителями являются Бог, Совесть, Нравственность. Если же Человек не верит в Бога, приглушает Совесть, отказы-

вается от нравственного образа жизни, то это уже не Человек, а так – перекаати-поле...

Воображение часто уносит в прошлое, в год 1918-й, когда под бравурные революционные марши прозвучало хоть и скорбное, но преисполненное истинной веры и надежды на лучший для родного Отечества исход:

- Великая Россия погибла, но Святая Русь стала ещё крепче.

Эти слова приобретают теперь особенный смысл. Тысячи священников погибли, но не отказались от Веры, как не отказались от неё и миллионы российских крестьян, вымостивших своими костями все грандиозные каналы нового государства. А ведь кровь праведников не проливается напрасно. Однако не к мщению, а к духовному единению, неустанной работе во благо Отечества вызывает она, наполняя горним светом возрождённые из пепла святыни.

Сейчас трудно сказать, кто явится собирателем русских земель... Петроград уже давно принадлежит Европе, а Москва отгородилась железным занавесом от коренной России. Только и притягивает сейчас к обеим столицам, что общерусские святыни. Их бы облагородить, привести в подобающий для общения с Богом вид, но другое у нас на уме, ходим с сумой по миру, кланчим деньги, надеясь завалить колбасой прилавки всех отечественных магазинов. Презрев собственный исторический опыт, мы потеряли гордость, и теперь целиком уповаем на помощь со стороны. Но ведь не сегодня сказано:

- Как ни красно чужое море, как ни тепла чужая даль, не им размыкать наше горе, развеять русскую печаль...

И лишь Лавра, безумно-родная и близкая обитель, преподобного Сергия, без усталости трудится во имя спасения Отечества. Лавра нынче – это сердце Русской земли...

В каждом городе должны быть свой Храм Христа Спасителя, своя маленькая Лавра, где человек общался бы с Богом, учился бы любви и милосердию, ибо только любовь к России способна возродить её, и лишь милосердие делает нас духовно богаче и чище.

М. Хлебников

Два костромских памятника

Историческое сознание не может быть полноценным, если оно свободно принимает или отменяет прошлое ради выгод сегодняшнего дня или политической конъюнктуры „текущего момента“. Увы, нас часто отстраняли от нашего „тёмного“ прошлого ради неизвестного „светлого“ будущего.

Памятники – это овеществлённая память. С легкостью сбрасывая их с пьедесталов, были созданы другие, которым мы теперь не желаем поклоняться.

Хочу рассказать о двух памятниках: и тот, и другой возводились на народные средства, и о том и другом было мало известно.

Памятник Ивану Сусанину – герою земли Русской.

В многотрудной истории России были такие события, от исхода которых зависел весь последующий путь её развития. К разряду таких, несомненно относятся события 1613 года. Кратко напомним их. Перед воцарением Михаила Фёдоровича Романова Русское государство пережило неслыханную смуту. Внешние и внутренние враги России расшатали её устои, и страна была на краю

гибели. Москва, а вслед за нею и другие города присягнули польскому королю Владиславу. Московский Кремль был занят поляками. Здесь, в числе других знатных людей томился в неволе и будущий избранник русской земли, юный боярин Михаил Фёдорович Романов. Получив свободу после сдачи поляками Кремля князю Пожарскому, боярин Михаил Фёдорович вместе со своей матерью удалился в её родовую вотчину, село Домнино, что в 67 верстах от города Костромы. 21 февраля 1613 года на Земском Соборе в Москве от всех сословий русской земли он был избран на царство. Прослышав об этом, поляки решили погубить его. Отряд их был уже близок к цели своего следования, но, не дойдя всего трёх вёрст до усадьбы Романовых, поляки встретили крестьянина Ивана Сусанина, которому приказали проводить их в усадьбу. Отведя врагов в обратную от села Домнина сторону, он, наконец, привёл их в Исуповское болото. Тут поляки, поняв обман, предали своего проводника мученической смерти...

Между тем Романовы во-время извещённые Сусаниным через его зятя Богдана Сабинаина о грозящей опасности, поспешили уехать в Коломну, где и нашли безопасный приют за стенами Ипатьевского монастыря. Здесь 14 марта 1613 года Михаил Фёдорович, с благословения матери, изъявил своё согласие вступить на московский престол.

В честь этого важнейшего для России события был поставлен памятник Ивану Сусанину посредине центральной площади Костромы, получившей от него своё название – Сусанинская. Памятник был воздвигнут по проекту ректора Императорской Академии художеств Демут-Малиновского и открыт 14 марта 1851 года.

Он представлял собой гранитный пьедестал с водружённой на нём колонной, увенчанной бронзовым бюстом царя Михаила Фёдоровича. У подножия колонны – коленопреклонённая фигура Сусанина, молящегося о спасении царя, рядом с ним свитки царских грамот. Под бюстом были помещены Российский Государственный герб и

Памятник Ивану Сусанину на Сусанинской
площади в Костроме.

герб города Костромы. На передней части пьедестала – горельефная сцена убиения поляками Ивана Сусанина.

Памятник Российским Государям и Отечеству

В 1903 году возникла идея о сооружении в городе Костроме памятника в честь 300-летия царствования Романовых на Российском престоле и был открыт сбор пожертвований. Но затем началась русско-японская война, которая затормозила дело. Лишь в 1909 году был образован Особый Комитет по сбору пожертвований на памятник в Костроме.

За год было собрано 100.000 рублей. Местная городская Дума предложила соорудить памятник на площади близ Успенского кафедрального собора, где более 300 лет тому назад располагался Костромской кремль.

Рассмотрев представленные проекты, костромское губернское собрание решительно высказалось за проект академика скульптуры Адамсона, так как он по своему замыслу вполне соответствовал высокой патриотической идее. После этого Комитет безотлагательно приступил к работам по возведению памятника. Было отпущено 5.000 пудов бронзы, а также был разрешён бесплатный провоз по железной дороге от Санкт-Петербурга до Костромы всех гранитных и бронзовых частей памятника.

Памятник представлял из себя грандиозный пьедестал в 18,5 сажени (сажень – 2,13 м). Сквозная верхняя часть пьедестала заканчивалась шатровым покрытием. Всё сооружение завершалось двуглавым орлом. Памятник имел два главных фаса, соответствующих требованиям места, и две главные группы фигур. Первую группу составляло изображение родоначальника Романовых, около которого были поставлены фигуры предводителей русского ополчения – князя Пожарского и гражданина Минина. У подножия изображён костромской крестьянин Иван Сусанин. Стоящая женская фигура в древнерусском одеянии – аллегорическое изображение России, благодарной своему верному сыну Сусанину за его подвиг. На противопо-

Таким был бы будущий памятник в честь
300-летия Дома Романовых.

ложной стороне были изображены сияющая царевна Софья и царь Иоанн Алексеевич. Затем на фоне морского вида с обрисовывающимся вдали кораблем, выступает фигура преобразователя России – Петра Великого.

Нижняя часть пьедестала украшена барельефами, изображавшими призвание Михаила Фёдоровича на царство, освобождение крестьян от крепостной зависимости, Полтавскую баталию, Бородинскую битву и осаду Севастополя. Ко дню закладки памятника пьедестал был уже возведён над землей до уровня первой площадки и облицован финляндским голлеусским гранитом.

Во время празднования 300-летия Дома Романовых, на второй день прибытия Императора Николая II в Кострому, крестный ход направился из Успенского кафедрального собора на место закладки памятника. Для города наступили полные исторического значения минуты – момент закладки памятника династии Романовых, памятника 300-летнему периоду развития Русского государства.

Председатель Особого Комитета по сооружению памятника и костромской губернатор приподнесли Императору Николаю II юбилейные рубли, которые были опущены на место закладки. После этого архиепископ Тихон окропил святой водой закладную доску и покрыл ею чашу с юбилейными рублями. Рабочие, во главе с главным подрядчиком Трофимовым, тотчас же залили доску бетоном.

*

В 1914 году началась первая мировая война, которая притормозила возведение памятника. К октябрю 1917 года, отлитые фирмой „Верфель“ бронзовые фигуры, не были установлены на свои места и лежали на земле. После преступного расстрела царской семьи вышел ленинский декрет, согласно которому все памятники, запечатлявшие монарха, подлежали уничтожению. Более того, сам термин „русская история“ был объявлен контрреволюционным.

19 сентября 1918 года разобрали памятник Ивану Суса-

Деталь памятника 300-летия династии,
в центре молодой Михаил Романов.

нину, и Сусанинская площадь в Костроме в этом же году была переименована в площадь Революции. Что касается второго памятника, то он, естественно, так и не был закончен. Бронзовые фигуры были отправлены на переплавку, а постамент был приспособлен под памятник Ленину, который был с помпой открыт в 1927 году. Так Кострома приобрела один из самых высоких памятников вождю мирового пролетариата.

Моё поколение, сидя в убогих коммуналках, бездумно зубрило науку о том, что не далее как в 80-х годах нынешнего столетия, нас ждёт „коммунистическое завтра“. Не являются ли негативные стороны нашей жизни – и экономические, и политические, и нравственные, – которым мы все сегодня свидетели, следствием пренебрежения многовековым опытом страны?

Кострома, 1991 г.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ СЛОВО“
объявляет подписку на книгу**

**РОССИЯ и ЕВРОПА
опыт соборного анализа**

В издании впервые собраны вместе важнейшие тексты и фрагменты из программных, но „забытых“ работ по отечественной философии, истории и геополитике: М. Ломоносова, А. Хомякова, И. Киреевского, Ф. Тютчева, Ф. Достоевского, Н. Данилевского, Н. Федорова, К. Леонтьева, Вл. Соловьева, В. Розанова, Дм. Мережковского, В. Иванова, Н. Трубецкого, И. Ильина, Г. Федотова, Н. Бердяева, А. Лосева и др.

Хрестоматийную часть существенно дополняют труды представителей нового поколения мыслителей, развивающих отечественную традицию: „Открытие прикрытого“, „Россия и Европа: истина и свобода“, „Мучительная встреча. Европейская функция в отражении русского лика“, „Метаисторические судьбы России и Европы“, „Современное славянское язычество“, „Орфей и Садко“, „Этнокультурная идентичность во всех возможных мирах“, „Восток, Россия и Европа“, „Имперостроительство и сакральный опыт“, „К предыстории идеи 'третьего Рима'“, „Прошлое и настоящее теории Данилевского“, „Чаяния православного рыцарства“, „Монархический путь: не влево, не вправо, а вверх“, „Брестская уния и язвы русской Церкви наших дней“. „Западники и почвенники сегодня“, „Европейский процесс в СССР: геополитический аспект“.

Издание оформлено на высоком полиграфическом уровне. Тираж ограничен. Цена: 21 рубль без стоимости пересылки. Оптовым заказчикам скидка.

**Заявки и квитанции о почтовом переводе
принимаются по адресу:**

**125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5 а,
Издательство „РУССКОЕ СЛОВО“.**

**Оплата почтовым переводом на счёт № 1608814
МФО 211899 Московского межрегионального
коммерческого банка**

Цена книги за рубежом 20 ам. долларов.

**Заказы за рубежом направлять
в редакцию или представительствам «ВЕЧЕ».**

Срок получения книги: конец 1991 года.

**Продажу книги в государственных и коммерческих
магазинах по объявленной цене не гарантируем**

М. Назаров

Мир, в котором оказалась русская эмиграция...

Продолжаем печатание глав книги М. Назарова „Миссия русской эмиграции“ (выйдет в издательстве „Столица“). В книге рассматриваются разные аспекты этой миссии:

1. сохранение в зарубежье „малой“ России: „быть в меру возможностей как бы ‘блоком памяти’ своей нации“;

2. миссия политическая: „оказание помощи тем силам на родине, которые сопротивлялись коммунистическому эксперименту“;

3. миссия творческая: „осмысление трагического опыта революции как опыта всемирного; осознание того, на что способен человек в разных общественных системах; раскрытие нового уровня ‘русской идеи’ – как синтеза общечеловеческого опыта“. В этом историософский смысл существования русского зарубежья – не только для России.

В предыдущей главе (см. «Вече» № 41) было описано становление и политический спектр первой эмиграции. Помещаемое ниже (в журнальном варианте) продолжение можно было бы назвать и так: „Чего боялись правые...“

Ред.

Без этого будет непонятна не только позиция правых, но и миссия всего русского зарубежья: она определилась как уникальностью ситуации на родине, где происходило небывалое искоренение русской национальной традиции, так и состоянием мира, в котором эмиграции пришлось существовать. И здесь невозможно обойти затронутую

тему „жидо-масонского заговора“, споры о котором типичны не только для русской эмиграции, но и для всей переломной эпохи XIX - XX веков.

В крайне правых кругах программой этого заговора считаются „Протоколы сионских мудрецов“. Основное утверждение состоит в том, что евреи, будучи сами немногочисленны, используют тайную масонскую организацию как инструмент для целенаправленного разложения христианского мира его же руками, с целью установления своего мирового господства – чем объясняется и революция в России, и власть большевиков. Чтобы отделить здесь факты от домыслов, лучше всего обратиться к масонским и еврейским источникам.

Исследователь Я. Кац в работе „Евреи и масоны в Европе 1723 - 1939“ отмечает, что обвинения в стремлении евреев и масонов к мировому господству, „находили симпатии и поддержку в широких кругах ещё до того, как они оказались объединены в один лозунг. Слухи, что 'таинственные мудрецы' контролируют и эксплуатируют рядовой состав масонства для своих собственных целей, циркулировали почти с самого появления этого движения. Вера в эти домыслы особенно широко распространилась после Французской революции, когда многие противники масонов обвиняли их в её организации. Наиболее известное литературное изложение этих взглядов – работа иезуита Огюстэна Баррюэля 'Mémoires pour servir à l'histoire du Jacobinisme'...“¹⁾

Считая, что эти домыслы могли приобрести такую живучесть лишь при наличии каких-то реальных оснований, Кац пытается искать разгадку этого соединения евреев и масонов – в совпадении ряда социально-политических причин. Мы расширим поиск этих причин, учтя также особенности самих масонов и евреев.

Масонство возникло как организация тайная – не в том смысле, что она скрывает факт своего существования, а в том, что скрывает свои цели. Во всяком случае, провозглашённое „материальное и моральное улучшение чело-

вечества“ утаивать не было необходимости, и принесение масонской клятвы с угрозой мести за её нарушение – представляло предполагать наличие иных целей или методов, которых не одобрило бы окружение. То есть уже сама секретность вызывала подозрение.

Тайные организации существовали всегда – людям свойственно объединять усилия для достижения поставленных задач. Поэтому сами масоны прослеживают свои истоки в глубокой древности. Нам достаточно уделить внимание современному масонству (ордену „вольных каменщиков“), которое сформировалось в Англии в конце XVII века в идейном пространстве между религиозной Реформацией и антирелигиозным гуманистическим Просвещением – как неоязыческая религия разума, стремившаяся к объединению человечества; к построению „величественного Храма“ нового мирового порядка (в этом и заключается параллель со строителями-„каменщиками“).

Масонская энциклопедия считает, что сначала масонство имело христианские черты и лишь позже Андерсон, автор Книги уставов 1723 г., „изменил прежний христианский характер в пользу ‘религии, которая объединяет всех людей’“²⁾ – то есть в пользу принципов Ветхого Завета. Это изменение, как и упоминание Ноевых законов в Книге уставов в 1738 г., было сделано, чтобы открыть доступ в масонство именно евреям-иудеям, ибо для объединения различных христианских учений не было необходимости прибегать к законам Ноя: Новый завет подошёл бы больше.³⁾

Этим в основном и объясняется обилие еврейской символики в масонстве вплоть до еврейского летоисчисления (от сотворения мира, а не от Рождества Христова), на что всегда обращали внимание правые круги. Как можно видеть, это не было выражением еврейского возглавления лож, а исходило из мировоззренческого – библейского – базиса масонства. Хотя нельзя не отметить, что само оформление в Англии современного масонства совпало с весьма активным возвращением туда (после изгна-

ния) евреев при Кромвеле. И, возможно, ориентация масонского Устава на еврейство возникла не без того же влияния, какое, по мнению другого еврейского исследователя, было оказано евреями на средневековые ереси и Реформацию в целом: „почти все реформаторы христианства имели по крайней мере одного друга или учителя-еврея, все важнейшие движения реформации в своих истоках обращались к миру еврейской Библии“. ⁴⁾

Как бы то ни было, „масонство стало своего рода секулярной церковью, в которой могли свободно участвовать евреи“ ⁵⁾ – отмечает иерусалимская „Encyclopaedia Judaica“.

Нужно сказать, что в то время еврейство в целях самосохранения замыкалось в добровольном гетто, уход из которого был связан с проклятием и отлучением от еврейства (как поступили со Спинозой), поэтому уходить решались немногие. Да и в христианском окружении для некрещённых евреев не было места: они ещё нигде не имели равноправия. Только в масонских ложах они могли чувствовать себя свободно, не порывая с еврейской общиной: ложи стали первой „территорией“, на которой исчезали сословные и религиозные перегородки; в ложах евреи приобретали деловые „контакты в кругах, которых не могли бы достичь другим способом“, – отмечает Кац. Эта социальная функция лож способствовала их быстрому распространению и сильному стремлению еврейства в масонство во всех развитых странах.

Только в Германии это долго затруднялось – поскольку немецкие масоны упорнее других держались за внешнюю христианскую символику, которая для иудеев была неприемлема. Имелись и прямые ограничения на приём нехристиан (это противоречило масонским принципам, из-за чего ещё в конце XIX века заграничные ложи рвали отношения с немецкими „братьями“). Но даже в Германии (в ложах, связанных с заграницей) к началу XIX века евреи в масонстве „были широко представлены старыми, знатными фамилиями: Адлеры, Шпейеры, Райсы и Зихели. Даже самые богатые и наиболее влиятельные франк-

фуртские фамилии входили сюда: Эллисоны, Ханау, Гольдшмидты и Ротшильды“. В начале XIX в. в наиболее солидной, франкфуртской еврейской общине масонами было „подавляющее большинство её руководства“. ⁶⁾

С точки зрения евреев, как пишет „Универсальный масонский словарь“, „кажется, не было никакой несовместимости между иудаизмом и масонством. В самом деле, ни в законе Моисея, ни в еврейских традициях, ни в повседневной практике с самой строго-формалистической её стороны – нет ничего такого, что могло бы вызвать малейшее сомнение у еврея против того, чтобы стать масоном“. ⁷⁾ Оговорка „кажется“ здесь, очевидно, относится к строго ортодоксальному еврейству, которое смешиваться с неевреями всё-таки не желало и признавало лишь чисто еврейские ложи (их тоже возникло немало). Но, например, раввин-реформатор Г. Соломон считал „масонство более еврейским движением, чем христианским... и выводил его родословную скорее от еврейства, чем от христианства“. ⁸⁾

В XIX в. „масонство приобрело уверенный и признанный статус в группе, образовывавшей центральную опору всего общества. В этом и заключается ключ к пониманию того, почему евреи толпами так страстно стремились в масонство в XIX веке... С тех пор, как масонские ложи стали символом социальной элиты, запрет на приём евреев в эти организации означал отказ им в привилегии, которую они сами считали себя в праве получить... Отсюда то негодование и гневные крики, с которыми евреи вели свою битву за вступление в ложи“ ⁹⁾ в Германии, – пишет Кац.

Борьба за столь желанное вхождение в масонство воспринималась евреями как составная часть общей „социальной битвы“ за свою эмансипацию. Это совпало с разложением гетто: возник новый тип еврея, „даже не испытывавшего отвращения к христианскому содержанию в масонских ритуалах“, – продолжает Кац. Эти евреи „старались внести свет в гнетущую атмосферу своего иудаизма и смягчить чувство изоляции, овладевшее ими, как толь-

ко начало смягчаться отвращение к близкому контакту с христианским окружением. Этот тип еврея появляется позже снова, как носитель идеологии, иногда оправдывающей игнорирование религиозных различий, иногда аннулирующий саму проблему и значение религии.

Однако, этот распространенный тип еврея не был единственным, взиравшим на масонство. С другой стороны, появились евреи, верные своей религии, которые надеялись, что логи придут к чисто логическому завершению своих признанных принципов и исключат христианское содержание и символику из ордена¹⁰⁾.

Таким образом, в Германии борьба евреев за вхождение в масонство стала частью борьбы внутри самого масонства, „где имелось два фланга: христианский и гуманистический... и позиция растущего числа евреев во внутримасонских разногласиях была на стороне гуманистов“¹¹⁾. Эта борьба демонстрирует суть влияния евреев на масонство в целом, что в других странах произошло без особого сопротивления.

Постепенно ложи стали для евреев не только „отдушной“ в стенах гетто, дававшей глоток свежего воздуха, но и – в соответствии с реформаторскими целями масонства – инструментом политической борьбы за обретение равноправия в государственных масштабах. Неудивительно, что в Европе евреи впервые добились этого в 1792 г., после Французской революции, на результаты которой масоны оказали большое влияние („Свобода, равенство, братство“).

Мистические течения масонства представляли собой сложную смесь оккультизма, астрологии, алхимии, каббалы (в этом ещё один источник еврейской символики в масонстве) – дополняемые наивной верой в способности человеческого разума постичь конечные тайны Вселенной, обуздать силы природы. Всё это руководилось просвещенческим пафосом „свободного искания истины“ вне „сковывающих церковных догм“. „Свобода мысли для большинства масонов конца XIX и первой половины XX в. означала освобождение от любой религиозной ве-

ры, а наиболее решительное меньшинство масонов никогда не скрывало желания просто разрушить традиционные религии“¹²⁾ – для „устроения блага человечества“. Это решительное меньшинство и определило внешний облик масонства, создав в его лоне могущественный отряд для разрушения консервативных порядков: против монархий с их сословной структурой, против влияния Церкви – за всечеловеческую демократию.

Борьба за этот новый облик мира объединяла, впрочем, все разновидности масонства, от мистической до атеистической; разными были лишь средства – более или менее радикальные. Масонами были многие деятели буржуазных революций, видные либералы и реформаторы. И дело не только в том, сколько евреев было в масонских ложах, а в том, что совпадали *цели* масонства и еврейства, в свою очередь стремившегося сделать окружающий христианский мир более либеральным, менее чуждым себе.

Отождествлению масонства и еврейства особенно способствовало создание в 1843 г. в Нью-Йорке чрезвычайно активной впоследствии еврейской ложи Бнай Брит (Сыны Союза), хотя она имеет лишь внешнее сходство с масонскими. В ней тоже „каждый из 'братьев' клятвенно обязан вечно хранить в тайне формы деятельности ложи“; однако, в отличие от космополитического масонства, цели Бнай Брит подчеркнута национальные: „объединение еврейских мужчин... для достижения высоких целей человечества“, „укрепление духовного и нравственного характера соплеменников“, „не отказываясь от еврейства, и даже более того – в сохранении верности еврейству“¹³⁾, – пишет „Еврейская энциклопедия“. Однако „ничто не мешает масону быть членом ордена Бнай Брит и наоборот“¹⁴⁾, – добавляет масонский словарь. Такое совмещение тоже персонифицировалось в отдельных личностях: например, основателями ложи Бнай Брит в Германии были обыкновенные масоны-евреи, в Париже – тоже (эмигрант из России – Г. Слиозберг).

Дело Дрейфуса в конце XIX в. – наглядный пример того, с какой силой этот масонско-еврейский союз про-

являлся на практике.¹⁵⁾ Победа „дрейфусаров“ и ряд шумных скандалов в связи с незаконными действиями масонов по усилению своей власти во Франции (например, в 1901 - 1904 гг.: масонская система шпионажа и картотека для контроля офицерского состава армии; циркуляры по проверке мировоззрения чинов полиции) – всё это сильно испугало правые круги в Европе. Тем более, что и сами масоны уже не особенно скрывали своих целей.

В 1902 г. один из масонских вождей во Франции заявлял: „Весь смысл существования масонства... в борьбе против тиранического общества прошлого... Для этого масоны борются в первых рядах, для этого более 250 масонов, облечённых доверием республиканской партии, заседают в Сенате и Палате депутатов... Ибо масонство есть только организованная фракция республиканской партии, борющаяся против католической церкви – организованной фракции партии Старого Порядка...“¹⁶⁾. А в 1904 г. глава Совета Ордена, Лафер, объявил: „Мы не просто антиклерикальны, мы противники всех догм и всех религий... Действительная цель, которую мы преследуем, крушение всех догм и всех Церквей“¹⁷⁾.

Причем, как констатирует авторитетный французский историк масонства П. Шевалье, именно „Дело Дрейфуса... направленное против союза армии и духовенства, дало огромный импульс к завершению антиклерикальной программы“¹⁸⁾. Это произошло в начале XX века, когда масонство укрепилось у власти, и не только во Франции.

Разумеется, не всё масонство было столь агрессивно-атеистическим: между масонскими послушаниями возникли разногласия по поводу признания или непризнания существования Бога. Не всегда оно было и антимонархическим: во многих странах оно просто вобрало в себя королевские династии, не уничтожая монархий, а преобразовав их в своём демократическом духе. Как писал в «Возрождении» Л. Любимов, вышедший из масонства, но сохранивший к нему некоторую лояльность:

„Конечно, было бы ошибочно утверждать, что английские ложи не имеют никакого политического или общест-

венного значения, но значение это совсем иное, чем во Франции. Английское масонство есть как бы одно из выражений английской великодержавности – и это особенно ощутимо в колониях, где ложь вольных каменщиков – цитадель английского не только политического, но и культурного главенства... Английское масонство в общем составляет часть того великолепного здания, которое именуется Британской империей“¹⁹⁾. В это здание входят и такие масоны, как глава англиканской Церкви (архиепископ Кентерберийский).

К сожалению, здесь нет места для рассмотрения глубочайшей и интереснейшей проблемы: духовных истоков капитализма – плода протестантской Реформации, масонства и еврейского влияния (как оно отражено хотя бы у В. Зомбарта). Но смысл этой эволюции очевиден: уход из-под церковной опеки и от христианского миропонимания. Неудивительно, что ещё в 1738 г., в один год с введением в масонский Устав упоминания о Ноевых законах, глава католической Церкви папа Климент XII запретил христианам вступать в масонство под угрозой отлучения; этот запрет повторялся множество раз и формально не отменён до сих пор.

К тому же, политически наиболее активным было масонство антихристианское, достигшее в Европе огромного политического влияния. П. Шевалье признаёт, что тезисы О. Кошэна, „который считал масонство одним из главных ответственных за революцию 1789 г.“, „содержат большую долю истины“; и что в 1871 г. „Большинство коммунаров были масонами и все имели социалистическую тенденцию“²⁰⁾. Это влияние бросалось в глаза и заставляло отождествлять с собою масонство как таковое.

Выше описано в основном масонское слагаемое теории о „жидо-масонском заговоре“. У еврейской стороны были свои особенности, тоже вызывавшие подозрения – с древнейших времён.

С. Лурье в известном исследовании „Антисемитизм в древнем мире“ показывает, что „...обычен в древней лите-

ратуре взгляд, по которому всемирное еврейство представляет собой, несмотря на свою скромную внешность, страшный 'всесильный кагал', стремящийся к покорению всего мира и фактически уже захвативший его в свои цепкие щупальцы. Впервые такой взгляд мы находим в I в. до Р. Х. у известного географа и историка Страбона: 'Еврейское племя сумело уже проникнуть во все государства, и нелегко найти такое место во всей вселенной, которое это племя не заняло бы и не подчинило бы своей власти' ²¹⁾. Известны подобные высказывания Цицерона, Сенеки, Тацита и других античных авторов.

Дело в том, что еврейское рассеяние началось ещё в дохристианскую эпоху, и уже тогда в окружающих странах жило больше евреев, чем в Палестине – причём везде на особом положении. Так, во времена Птолемеев в Египте, как отмечает „Еврейская энциклопедия“: „Они пользуются многими юридическими привилегиями, напр., правом не принимать никакого участия в государственном культе; полной внутренней автономией; им принадлежат многие экономические преимущества, напр., монополия в торговле папирусом, откуп на некоторые денежные пошлины; в различных спекулятивных отраслях торговли и государственного хозяйства они играют преобладающую роль, этим ещё больше питая враждебное к себе отношение других“ ²²⁾.

С. Лурье приходит к выводу, что „Постоянной причиной, вызывавшей антисемитизм, ...была та особенность еврейского народа, вследствие которой он, не имея ни своей территории, ни своего языка и будучи разбросан по всему миру, тем не менее (принимая живейшее участие в жизни новой родины и отнюдь ни от кого не обособляясь) оставался национально-государственным организмом“. „Государство без территории“ ²³⁾ – такова его характеристика еврейства в рассеянии.

В целях самосохранения в чужих национальных организациях, еврейская диаспора стремилась „повлиять на общественное мнение так, чтобы создать нейтральные и дружественные группы“, которые могли бы „вести в са-

мых высших кругах античного общества пропаганду широчайшей терпимости по отношению к евреям“. (Вспомним в этой связи ещё раз роль евреев в ересях и в Реформации, а из исследования Каца очевидно, что в Новое время еврейство видело одну из таких дружественных групп в масонстве).

„Естественно, ...что эта еврейская пропаганда усиливала антисемитизм в националистически настроенных, верных традиции кругах“, ибо эта агитация, а также стремление евреев к самозащите через уничтожение сословных перегородок и через пропаганду демократичности „как ничто другое способствовало разрушению традиционного уклада“ коренного населения. Это усугублялось тем, что евреи, в тех же целях самосохранения, стремились соблюдать местный закон „лишь постольку, поскольку он не противоречит... положениям еврейского закона“, и „при борьбе двух государств или двух партий внутри государства... симпатизировать и по возможности содействовать стороне, более сочувственно относящейся к евреям“, – пишет Лурье: „...евреи, становясь на сторону той или иной партии, считались прежде всего со своими национальными, т. е. еврейскими интересами“, ставя их „выше государственного патриотизма“²⁴⁾.

Описывая эти черты еврейства, С. Лурье, к сожалению, не ставит вопрос – почему оно такое и не придаёт значения еврейской религии. Тогда как именно она была причиной гордого отмежевания евреев от окружения. Как отмечает „Еврейская энциклопедия“, „...с древнейших эпох своей истории иудеи хранят сознание того, что только еврейский народ знает истинного единого Бога и является его избранником: из этого сознания вытекает гордое презрение к окружающим язычникам“²⁵⁾ (оно наглядно отражено и в Талмуде).

В этой связи А. Кестлер отмечал, что еврейская религия содержит также элемент расизма: „...слово 'гой' соответствует... греческому 'варвар'... Оно указывает не на религиозное, а на племенное этническое различие. Несмотря на отдельные – и не очень настойчивые – призывы отно-

ситься хорошо и к 'чужакам' в Израиле, о 'гое' в Ветхом завете говорится всегда с примесью неприязни, презрения и жалости, точно к нему вообще не применимы общечеловеческие стандарты" (а в некоторых местах прямо предписывается двойная мораль в отношении к своим и к чужим). Разумеется, религия, „вызывающая секулярные претензии на расовую исключительность, не может не вызывать секулярные же враждебные реакции“²⁶⁾.

Эти реакции были заметны даже в масонской среде: главной причиной, почему немецкие „вольные каменщики“ считали евреев непригодными для масонских принципов „равенства и братства“ – было указание на еврейскую религию, „запрещающую евреям смешиваться с обществом гоев“; к тому же „они всё еще ждут земного Мессию, обещанного только им одним, богоизбранному народу“²⁷⁾.

Этот мессианский фактор особенно важен для понимания рассматриваемой темы. Ибо по сравнению с подозрениями в отношении масонства, „домыслы, будто евреи жаждут власти над миром, питались из более глубокого исторического истока. Этот исток – еврейская вера в мессию, который соберёт еврейский народ на его древней родине и в соответствии с распространённой концепцией, установит еврейское господство над всеми другими народами мира. Еврейский мессианизм привлекал внимание христианского мира с древнейших времён...“²⁸⁾, – отмечает Кац.

К тому же эти обетования выражены в Ветхом Завете в весьма неприглядных выражениях: „И истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, даст тебе, да не пощадит их глаз твой...“ (Втор. 7:16); „Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои и цари их – служить тебе... чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся“ (Исаия. 60:10-12)...

С распространением христианства взаимоотношения между евреями и окружающим миром наиболее обостри-

лись. Евреи с самого начала не приняли вселенский мессианизм Христа, продолжая ждать своего национального мессию. Возникшее христианство уже одним своим существованием воспринималось евреями как бросаемое им обвинение в распятии Сына Божия – и в целях самооправдания они тем более упорствовали в отрицании божественности Христа. А поскольку христианство считало ветхозаветный мессианизм исполненным и упразднённым, евреи видели в этом прямую угрозу своему самосохранению и не упускали возможности борьбы против этой угрозы (например, распространением ересей). Христиане, со своей стороны, применяли такой аргумент, как инквизиция...

Во всём этом, учитывая международные связи еврейской диаспоры, уже можно видеть достаточно причин для появления подозрений о еврейском мировом заговоре. Такое впечатление усугублялось, если учесть, что еврейство имело конкретный могущественный инструмент влияния – деньги.

С. Рот, главный редактор иерусалимской „Encyclopaedia Judaica“, отмечает „расцвет еврейского господства в финансовом мире“ к XII в., объясняя это устрожением церковного запрета для христиан на занятие ростовщичеством, почему евреи и „нашли лазейку в этом, самом презируемом и непопулярном занятии“; от него „к XIII в. зависело большинство евреев в католических странах“²⁹). Это объяснение не выдерживает критики, ибо то же свойство прослеживается у еврейства опять-таки с древнейших времён.

Ж. Аттали, президент Европейского банка реконструкции и развития, отмечает особое еврейское „чутьё“, благодаря которому с самого возникновения торговли „еврейские общины селятся вдоль силовых линий денег“. „Уже в III в. еврейские общины сильно рассеиваются по миру, обеспечивая торговые связи от севера Германии до юга Марокко, от Италии до Индии и, быть может, даже до Японии и Кореи“. И обладая наилучшей информацией –

становятся советниками монархов, влиятельными людьми. Возникает „почти абсолютное, но совершенно ненамеренное, тысячелетнее господство евреев в международных финансах“, длившееся до XI - XII вв. И в дальнейшем, хотя они больше не являются единственными финансистами, „их власть остается могущественной“³⁰⁾, – считает Аттали.

Так, в XIX веке „...английские Ротшильды устанавливают мировые цены на золото и финансируют большинство европейских правительств“³¹⁾. Как писал в том же XIX веке наш умнейший юдофил В. Соловьев, „иудейство не только пользуется терпимостью, но и успело занять господствующее положение в наиболее передовых нациях“, где „финансы и большая часть периодической печати находятся в руках евреев (прямо или косвенно)“³²⁾. А внук раввина Маркс делал из этого факта вывод, что именно евреи – носители капиталистической эксплуатации в мире („К еврейскому вопросу“)... Еще до К. Маркса, повлияв на него, отождествил еврейство с капитализмом один из основоположников сионизма М. Гесс („О капитале“, 1845).

В это же время быстро разлагается гетто. Известная еврейская публицистка Х. Арендт описывает, какими социально-психологическими сдвигами это сопровождается в эмансипированной части еврейства:

„Превращение Ротшильдов в международных банкиров и их неожиданное возвышение над остальными еврейскими банкирскими домами изменило всю структуру еврейского государственного бизнеса... Это дало новый стимул для объединения евреев как группы, причём международной группы.

Исключительное положение дома Ротшильдов оказалось объединяющим фактором в тот момент, когда религиозно-духовная традиция перестала объединять евреев. Для неевреев имя Ротшильда стало символом международного характера евреев в мире наций и национальных государств. Никакая пропаганда не могла бы создать символ, более удобный, чем создала сама действительность“.

„...еврейский банковский капитал стал международным, объединился посредством перекрестных браков, и возникла настоящая международная каста. Возникновение этой касты не ускользнуло от внимания нееврейских наблюдателей“. Члены этой касты „управляли еврейской общиной, не принадлежа к ней социально и географически. Но они не принадлежали и к нееврейской общине... Эта изоляция и независимость укрепляли в них ощущение силы и гордости“³³⁾.

Х. Арендт, как и С. Лурье, также не придаёт должного значения религиозному аспекту иудаизма, что делает её исследование весьма поверхностным. Она, кажется, преувеличивает и степень отхода касты еврейских банкиров от иудейской традиции (Ж. Аттали в книге о Варбургах отмечает противоположное). Но и она не отрицает значения еврейского мессианизма в социальной плоскости, отмечая происходившую его трансформацию:

„Главной особенностью секуляризации евреев оказалось отделение концепции избранности от мессианской идеи. Без мессианской идеи представление об избранности евреев превратилось в фантастическую иллюзию особой интеллигентности, достоинств, здоровья, выживаемости еврейской расы, в представление, что евреи будто бы соль земли.

Именно в процессе секуляризации родился вполне реальный еврейский шовинизм... С этого момента старая религиозная концепция избранности перестаёт быть сущностью иудаизма и становится сущностью еврейства“³⁴⁾, – считает Х. Арендт, приводя пример Дизраэли.

И здесь сделаем то же важное замечание, что выше сказано о масонах. Не все евреи, конечно, были банкирами; огромная часть еврейского народа веками влачила в гетто жалкое существование. Не все евреи (в этом прав автор «Страны и мира»³⁵⁾) выбирают из Библии цитированные выше места: выход из гетто часто был связан именно с отказом от шовинистического мессианизма; возник даже реформированный иудаизм, утверждающий, что „законы справедливости и правды признаются высшими законами

для всех людей, без различия расы и веры, и соблюдение их возможно для всех... Неевреи могут достигнуть столь же совершенной праведности, как и евреи... В современных синагогах слова 'Возлюби ближнего своего, как самого себя' относятся ко всем людям"³⁶⁾.

Но не эти бедные и умеренные слои еврейства бросались в глаза правому лагерю, а активные и влиятельные: финансисты, владельцы средств информации, политики – особенно те представители сионизма, которые наиболее важными местами в Ветхом Завете считали всё-таки обетования, подобные приведенным выше... С такими людьми христианское окружение отождествляло цели всего еврейства (впрочем, и о других народах судят по поведению их лидеров и по их священным книгам).

...Таким образом, в возникновении теории „жидомасонского заговора“ произошло совпадение как описанных свойств масонства и еврейства, так и их интересов на разных уровнях: социальном, политическом, мировоззренческом. Разумеется, не все евреи и не все масоны участвовали в этом совпадении. Но в зоне совпадения образовалось активное ядро, которое и послужило прообразом рассматриваемой теории заговора.

Наиболее впечатляюще это совпадение символизируют такие еврейские лидеры (упоминаемые в масонских энциклопедиях в числе высокопоставленных „братьев“) – как, например, многие из клана Ротшильдов, вождь Всемирного Еврейского Союза А. Кремье; еврейские лидеры в Великобритании – барон М. Монтефиоре, в Италии – Э. Натан и другие (многие из них занимали также важные политические посты в странах своего проживания).

Я. Кац в своей книге рассматривает в основном такие слагаемые теории „заговора“, как социальные проблемы борьбы за еврейское равноправие. Страх общества перед еврейским мессианизмом отмечен как бы пунктиром, как „предрассудок“. Совершенно не отмечает Кац того, о чем говорится в упомянутых работах С. Лурье, А. Кестлера, Ж. Аттали, Х. Арендт, К. Маркса, М. Гесса и др. (разу-

меется, все они тоже допускают много поверхностных суждений и представляют интерес только в частностях). К тому же, концентрируясь на нетипичной ситуации в Германии, Кац оставляет в стороне огромное влияние масонства в других странах, в том числе деятельность „Великого Востока“.

Но и то немногое, что Кац отмечает, приводит его к выводу, на примере Франции: в процессе секуляризации „в глубоком расколе французского общества евреи и масоны четко и очевидно оказались на одной стороне – в секулярном лагере... Враждебность против евреев в социальном и политическом плане смешивалась со старыми теологическими протестами в христианской традиции, преобладающей в католической Франции, по отношению к еврейским надеждам на мировое господство в мессианской эре... Когда число евреев в ложах увеличилось и стало ясно, что многие из них получили ключевые функции, произошло в некоторой степени наложение обеих групп. Требовалось лишь небольшое умственное усилие – чтобы соединить их – учитывая их социальную близость, вызванную не случайными обстоятельствами, а ставшую выражением их исторического и идеологического подobia“³⁷⁾.

Как мы видим, еврейский исследователь подтверждает общность социальных, политических и идеологических целей еврейства и масонства. Он прямо связывает проблему эмансипации евреев с необходимостью дехристианизации как общества, так и самого масонства (его освобождения от остатков христианской символики); с этой целью „евреи вели свою битву внутри масонства всеми средствами убеждения, бывшими в их власти“. Только Кац не называет это „заговором“, считая подобную борьбу за дехристианизацию мира – „не подрывом существующего порядка“³⁸⁾, а развитием „прогресса“...

Он даже наивно полагает, что Церковь выступала против масонства лишь из боязни „соперника, который намеревался достичь той же духовной цели другими средствами“³⁹⁾. То есть, Кац странным образом не понимает,

что в глазах христиан и „консерваторов“ эта „прогрессивная“ борьба еврейства и масонства выглядела именно заговором с прямо противоположной духовной целью.

Итак, теория о „жидо-масонском заговоре“ имела в Западной Европе широкое хождение уже в XIX веке. И для этого – как ни называть этот союз и как к нему ни относиться – имелись основания. Они-то и оказались отражены, по-видимому, в *художественной* форме – и в так называемых „Протоколах сионских мудрецов“ (в том, что это никакие не „протоколы“, сегодня трудно сомневаться ⁴⁰⁾), и в романе „Конигсби“ (1844) будущего британского премьера Б. Дизраэли, о котором Х. Арендт пишет:

„... он рисует фантастическую картину, где еврейские деньги возводят на престол и свергают монархов, создают и разрушают империи, управляют международной дипломатией... Основанием для этих фантазий было существование хорошо налаженной банковской сети. Она и послужила Дизраэли прообразом тайного еврейского общества, правящего миром. Хорошо известно, что вера в еврейский заговор была одним из главных сюжетов антисемитской публицистики. Весьма многозначительно выглядит то, что Дизраэли, руководимый прямо противоположными мотивами, и в те времена, когда никто ещё не помышлял о тайных обществах, нарисовал в своём воображении такую же картину“ ⁴¹⁾.

Мнение исследовательницы, что в те времена „никто не помышлял о тайных обществах“, конечно, не соответствует истине (масонские источники отмечают, что и Дизраэли был масоном). Но это не обесценивает её процитированного вклада в анализ рассматриваемой теории заговора.

„Вот еще характерный пассаж из Дизраэли: ‘...страшная революция, на пороге которой стоит Германия... готовится под покровительством евреев; во главе коммунистов и социалистов стоят евреи. Народ Бога ведёт дела с атеистами; самые искусные накопители богатства вступают в союз с коммунистами: особая и избранная раса

обменивается рукопожатиями с самым низменным плебсом Европы. И всё потому, что они хотят разрушить неблагодарный христианский мир, который обязан евреям всем, включая его имя, и чью тиранию евреи не намерены больше терпеть'. В воображении Дизраэли мир превращался в еврейский мир", – пишет Х. Арендт и замечает: „Всё, что говорил позднее о евреях Гитлер, содержится в этих фантазиях“⁴²⁾.

То есть, „Протоколы сионских мудрецов“ не были „программой жидо-масонского заговора“, по которой развивался мир. Здесь была обратная причинность: мир в XIX веке находился в похожем состоянии, которое и отразили в духе своеобразной антиутопии как „Протоколы“, так и роман Дизраэли. (И в собирательном образе „Большого Брата“ у Орвелла можно видеть отражение масонского термина). Поэтому вера в истинность „Протоколов“ живёт несмотря ни на какие доказательства их неаутентичности как документа.

Бессмысленно сводить дискуссию к утверждению или опровержению подлинности „Протоколов“; важно понять исторические реалии, которые послужили прообразом для этих текстов. А их совпадения с реальностью только этим не ограничивались. Как раз дальше самое главное только и начинается, имея уже непосредственное отношение к появлению русской эмиграции...

*

Первая мировая война и её результаты дали ещё большую пищу для страхов перед „жидо-масонским заговором“, и уже не только правому лагерю, но и широким слоям западного общества. Трудно сказать, насколько масонство и еврейство „управляли“ событиями: катаклизмы такого масштаба никогда не происходят точно по плану. Войны и революции не организуются на голом месте; они возможны лишь при наличии взрывчатых причин. Но, имея достаточные средства влияния, эти причины можно устранять или обострять.

Так, масоны верно нащупали „спусковой механизм“ войны: противоречия между Россией и Центральными державами (Германией и Австро-Венгрией) в отношении к балканским славянам. В суде над убийцами в Сараеве наследника австро-венгерского престола выяснилось, что масоны дали для этого оружие и согласовали дату покушения⁴³⁾. Но этот акт, развязавший войну, был бы бесполезен, если бы не было многих других обстоятельств.

Нужно сразу признать: никто не виноват в российской катастрофе больше нас самих. Мы не рассмотрели опасностей, не противостояли им, дали себя соблазнить на гибельные пути. Заслужили „по грехам нашим“ – так говорили наши предки даже после нашествия татар. Но позволительно разобраться и в том, кто и как в очередной раз воспользовался нашими грехами.

В анализе любых явлений следует различать второстепенные и главные факторы. Поэтому, нисколько не забывая, что существуют разные евреи и разные масоны, к таким определяющим факторам в Первой мировой войне можно отнести именно поведение верхов тех и других – хотя бы потому, что они оказались в числе победителей и большую долю ответственности за происшедшее, несомненно, несут. Приведём лишь факты, имеющие отношение к России.

К началу XX века масонских лож в России не было. Их весьма успешное проникновение через „окно“, прорубленное Петром, было пресечено в 1822 г. Александром I. С тех пор масонство в России было запрещено (особенно после восстания декабристов, созревшего в масонских ложах) и в XIX веке известны лишь отдельные вступления русских в заграничные ложи (например, масоном был член 1-го Интернационала Бакунин⁴⁴⁾). В отличие от своих западно-европейских родственников, российские монархи более строго относились к христианскому смыслу царского служения, да и призвание православной России ощущалось ими на ином пути.

Однако в то же время, как отмечает П. Шевалье, „за исключением российского самодержавия, масонство мог-

ло себя поздравить с признанием и принятием на всей планете. Даже католические страны южной Европы, Португалия, Испания, Италия, где преследования не пощажали орден, ...в 1914 г. увидели расцвет Великого Востока и Высшего Совета“. Понятно, что „белое пятно“ России на масонской карте мира не могло не привлечь внимания зарубежных масонов. А их активность как раз в эту эпоху была поразительна – особенно это характерно для французского атеистического масонства, с которым было связано русское: „после революции 1905 г. масонство смогло привить ложи и на русской земле...“⁴⁵⁾. Причем, имеется прямое свидетельство⁴⁶⁾ одного из воссоздателей русского масонства, что основные его очаги в России восходят к тому самому Гроссмейстеру Лаферу, который объявил в 1904 г. целью масонства „крушение всех догм и всех Церквей“.

Ещё более возмутительным „белым пятном“ Россия была в глазах международного еврейства: Российская империя, где к тому времени находилась основная часть еврейского народа (более 5 миллионов), оставалась практически единственным (за исключением небольшой Румынии) государством, в котором существовали ограничения для евреев по религиозному признаку. Поэтому именно в России наиболее обострились описанные проблемы взаимоотношений между еврейством и христианским окружением, при поддержке из-за границы.

Борьба международного еврейства за равноправие единоверцев в России началась в конце XIX в. и усилилась во время русско-японской войны. А. В. Давыдов (масон 33°), в своё время имевший доступ к секретным документам русского Министерства финансов, отмечает безуспешные попытки царского правительства „прийти к соглашению с международным еврейством на предмет прекращения революционной деятельности евреев“. Причём банкир „Шифф признал, что через него поступают средства для русского революционного движения“⁴⁷⁾. С. Ю. Витте упоминает в мемуарах, как при подписании мирного договора в Портсмуте еврейская делегация (с участием

Я. Шиффа – „главы финансового еврейского мира в Америке“ и Краусса – главы ложи Бнай Брит) требовала равноправия евреям, и когда Витте пытался объяснить, что для этого понадобится ещё много лет – последовали угрозы ⁴⁸⁾.

Экономическая сторона этой борьбы была, возможно, ещё более важной: России были закрыты зарубежные кредиты, в то время как Япония имела неограниченный кредит и смогла вести войну гораздо дольше, чем рассчитывало русское командование. „Encyclopaedia Judaica“ объясняет, почему: Шифф, „Чрезвычайно разгневанный антисемитской политикой царского режима в России, с радостью поддержал японские военные усилия. Он последовательно отказывался участвовать в займах России и использовал своё влияние для удержания других фирм от размещения русских займов, в то же время оказывая финансовую поддержку группам самообороны русского еврейства. Шифф продолжал эту политику во время Первой мировой войны, смягчившись лишь после падения царизма в 1917 г. В это время он оказал поддержку солидным кредитом правительству Керенского“ ⁴⁹⁾.

Что здесь понимается под „группами самообороны“, уточняет издание нью-йоркской еврейской общины: „Шифф никогда не упускал случая использовать своё влияние в высших интересах своего народа. Он финансировал противников самодержавной России...“ ⁵⁰⁾.

О том, как финансовое господство еврейства проявилось в Первой мировой войне – даёт представление приводимая А. Солженицыным (в сжатом виде) стенограмма обсуждения русским правительством в августе 1916 г. еврейского ультиматума об отмене ограничений евреям: „...повсюду на Западе (и от внутренних банков тоже) тотчас были обрезаны кредиты России на ведение войны, недвусмысленно закрыты все источники, без которых Россия не могла воевать и недели. Наиболее ощутительно это сказалось в Соединённых Штатах, ставших банкиром воюющей Европы“. Кривошеин предлагал просить международное еврейство об ответных услугах: „окажите воз-

действие на печать, зависящую от еврейского капитала (это равносильно всей печати), в смысле перемены её революционного тона... Сазонов: Союзники тоже зависят от еврейского капитала и ответят нам указанием прежде всего примириться с евреями. Щербатов: Мы попали в заколдованный круг. Мы бессильны: деньги в еврейских руках, и без них мы не найдём ни копейки...“⁵¹⁾.

Это уже был выход событий на прямую дорогу к Февралю. Поскольку в подготовке Февральской революции интересы масонства и еврейства совпадали, неудивительно, что её финансировали и Я. Шифф, и Великий Надзиратель Великой Ложи Англии, видный политик и банкир лорд Мильнер⁵²⁾. (Говоря об активности Мильнера в Петрограде накануне Февраля, ирландский представитель в британском парламенте прямо заявил: „наши лидеры... послали лорда Мильнера в Петроград, чтобы подготовить эту революцию, которая уничтожила самодержавие в стране-союзнице“⁵³⁾.) Своя причина для поддержки революционеров была у Германии и Австро-Венгрии: ставка на разложение воевавшей против них русской армии, но и здесь, по всей видимости, помогали еврейские банкиры, в том числе родственники и компаньоны Шиффа – Варбурги⁵⁴⁾.

В 1917 г. из масонов состояли⁵⁵⁾:

– и ядро *еврейских политических организаций, действовавших в Петрограде* (ключевой фигурой был А. И. Браудо – „дипломатический представитель русского еврейства“, поддерживавший тайные связи с важнейшими еврейскими зарубежными центрами⁵⁶⁾; а также Л. М. Брамсон, М. М. Винавер, Я. Г. Фрумкин и О. О. Грузенберг – защитник Бейлиса, и др.);

– и *Временное правительство* (масонами было подавляющее большинство его членов во всех составах);

– и *первое руководство Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов* (масонами были все три члена президиума – Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенский, М. И. Скобелев и два из четырёх секретарей – К. А. Гвоздев, Н. Д. Соколов).

Сразу же после образования Временное правительство начало разработку декрета о равноправии евреев „в постоянном контакте с беспрерывно заседавшим Политическим Бюро“, то есть еврейским центром, – пишет его член Я. Г. Фрумкин. Но „бюро высказалось за то, чтобы не издано было специального декрета о равноправии евреев – были голоса и за такое решение – а чтобы декрет носил общий характер и отменял все существующие вероисповедные и национальные ограничения“. После публикации декрета еврейское Политическое бюро отправилось с депутацией к главе Временного правительства кн. Львову и в Совет рабочих и солдатских депутатов – „но не с тем, чтобы выразить благодарность, а с тем, чтобы поздравить Временное правительство и Совет с изданием этого декрета. Так гласило постановление политического бюро“ ⁵⁷⁾.

То есть, Февраль был их совместной победой, в которой большевики практически не участвовали (лишь иронию судьбы можно видеть с том, что приходу Ленина к власти в Октябре косвенно помогли те же масоны Антанты, требовавшие от Временного правительства продолжения войны любой ценой – чем и привели его к краху).

Таким образом, во время Первой мировой войны у России не оказалось в мире друзей, и в то же время, будучи необычным, чужеродным „белым пятном“ на карте мира, она притягивала к себе все противодействующие силы: еврейство, масонство, военных противников (Германию и Австро-Венгрию), социалистов, сепаратистов... В западных кругах, помимо политических интересов, существовали и экономические: одна шестая суши с её природными богатствами была заманчивым призом для „сильных мира сего“. В этом сложении самых разных враждебных сил и их интересов и состоял план ⁵⁸⁾, предложенный Гельфандом-Парвусом германскому правительству.

Дело усугублялось тем – и в этом заключался наш главный грех – что наиболее активная часть российской интеллигенции была не мудрым водителем нации, а проводником разрушительных идей, слепым инструментом враждебных сил. Никакой глава государства не смог

бы этому натиску противостоять политически. Поэтому вряд ли оправданно объяснять катастрофу непроведением реформ – в этом, конечно, тоже была причина, но пассивная, а не активная. Когда нужный реформатор появлялся – Александр II, Столыпин – его убивали представители тех же самых „прогрессивных“ кругов, ибо реформы препятствовали их стремлению к „великим потрясениям“. Особенно это касается периода столыпинских реформ, которым противодействовали и либеральные, и революционные партии – от кадетов до большевиков. Поэтому также не имеет смысла всё сводить к „отсутствию политических способностей“ у Николая II.

Свои решения Государь принимал вовсе не под чьими-то влияниями (это сильно преувеличено его противниками). Он был человеком мягким, но не слабым, а скорее даже непоколебимым – там, где ему не позволяли поступить иначе его нравственные принципы. Он не был способен на расчётливый компромисс и интригу. В политике, как и в жизни, он руководствовался чистой совестью, но этот метод не всегда приносил ожидаемые плоды. Характерна инициатива Николая II по созыву первой в истории конференции по разоружению в Гааге в 1899 г. – она, конечно, была обречена на неуспех в мире, в котором назревала схватка за глобальный контроль...

Даже сдержанный Г. Катков, проводя верную параллель с образом князя Мышкина, отметил в личности императора „некий элемент святости“, веру „в некую как бы волшебную и неизбежную победу справедливых решений просто в силу их справедливости. А это ошибка, так же, как ошибочно верить, что правда восторжествует среди людей просто потому, что она – правда. Это ложное толкование христианской этики есть корень 'нравственного разоружения'...“. Отсюда, по мнению Каткова, и „общественные беды“ России⁵⁹⁾.

Но такой упрёк в „разоружении“ можно сделать многим святым и самому Христу... Вряд ли это уместно, ибо победное значение святости действует на духовном, а не на политическом уровне. И оно становится очевидным не

сразу. Возможно, на этом уровне для России было бы гораздо хуже не иметь такого Государя... Поэтому возмём для оценки российской ситуации иную точку отсчёта: окружающий мир находился в некоем вопиющем противоречии с такого рода честной политикой, и в лице своего искреннего монарха Россия оказалась ещё одним „белым пятном“ на карте мира. Оно притягивало к себе все враждебные силы; в него летела всевозможная грязь и клевета (достаточно просмотреть американскую и русскую либеральную печать того времени). В этой беззащитности можно видеть роковую неизбежность революции: честные политические шаги русского царя, продиктованные побуждениями его христианской совести, вели лишь к ускорению катастрофы.

Так, он не мог оставить на произвол судьбы славянскую Сербию – и этим (точным был выстрел в Сараево) дал втянуть себя в войну против монархической Германии, с которой у России геополитические интересы „нигде не сталкиваются“ – так писал П. Н. Дурново в Докладной записке Государю в феврале 1914 г., предостерегая против англо-французской ориентации. Но именно к этой ориентации издавна толкала пресса, дипломатия (почти все послы – в масонских списках Берберовой) и „прогрессивная общественность“, продемонстрировавшая в начале войны „патриотический подъём“.

Конечно, защитить Сербию было необходимо и вина Германии за начало войны неоспорима. Однако, эта враждебность нагнеталась давно. Как отмечает даже У. Лакер, „Пресса в России, как и в Германии сыграла главную роль в ухудшении отношений между обеими странами... Русские дипломаты в Берлине и немецкие дипломаты в русской столице должны были тратить значительную часть своего времени на опровержение или разъяснение газетных статей, ... никогда и нигде пресса не имела столь отрицательного воздействия на внешнюю политику, как в России“. Газеты публиковали и то, „что оплачивалось теми или иными закулисными фигурами“. „Можно быть почти уверенным, что без прессы Первой мировой войны

вообще бы не было“⁶⁰⁾. (Правда, Лакер здесь имеет в виду правую русскую прессу. Защищая интересы балканских славян, она, действительно, далеко не всегда учитывала мировую раскладку сил. Но антинемецкие настроения издавна культивировались и в более влиятельной „прогрессивной“ печати. То же было в Германии, где, как отмечает Лакер, „общественное мнение“ ещё в 1890 г. добилось серьёзного успеха в разрыве связей между русской и германской монархиями. Однако дальновидные представители именно правых кругов всегда выступали за союз России с Германией; среди либералов же сторонников такого союза практически не было).

Уже в ходе войны чувством долга была продиктована (оказавшаяся губительной для России) жертвенная верность Государя союзникам по Антанте, позже предавшим его.

А его непреклонное упорство в еврейском вопросе, возманившее против России мировое еврейство, объясняется не только стремлением ограничить нарастающее еврейское влияние в общественной и экономической жизни страны⁶¹⁾, но и тем, что Николай II не мог признать достойной равноправия религию с качествами, отмеченными выше А. Кестлером. Государь не мог нравственно принять и той релятивистской „февральской“ системы ценностей, которую России ультимативно навязывал окружающий мир. Компромисс царь ощущал как измену по отношению к своему долгу и к христианскому призванию России. Поэтому даже отречение царю представлялось предпочтительнее в ситуации, когда „кругом трусость, измена и обман“, – таковы были последние царские слова.

О глубине измены и общественного разложения свидетельствует то, что царя тогда предал почти весь высший генералитет (в том числе будущие основатели Белой армии ген. Алексеев и ген. Корнилов – последнему выпало объявить царской семье постановление Временного правительства о её аресте). Предали его даже члены династии: и тот великий князь, который впоследствии был изб-

ран „вождём“ на Зарубежном съезде (он потворствовал отречению в решающий момент); и другой великий князь, который позже, в эмиграции, принял титул Императора (1 марта 1917 г. он с красным бантом на груди явился в Государственную Думу и предоставил офицеров и матросов своего Гвардейского экипажа в распоряжение революционной власти...). Разумеется, позже всем им пришлось стыдиться за эти поступки и искупать свою вину, кто как мог...

Тогда могло быть два варианта освоения Западом российского „белого пятна“: его включение в общемировую систему целиком – или его расчленение на составные части и включение их по отдельности. История распорядилась иначе: ценою огромных жертв Россия, несмотря на свою национальную катастрофу, осталась „белым пятном“, за освоение которого внешний мир снова ведёт борьбу. Но те силы, которые подготовили Февральскую революцию, к жертвам и разрушениям периода коммунистической власти уже прямого отношения не имеют.

Это сохранение российского „белого пятна“ на карте современного мира можно объяснить лишь тем, что – хотя в большевистском руководстве и имелось очень много евреев – причины этому были другие и Октябрь имел уже другое идейное содержание, чем Февраль. Марксизм-ленинизм был не столько прагматически-политическим явлением, сколько утопической „религией“ с обратным знаком. Именно этой фанатичной „религиозностью“ можно объяснить невосприимчивость евреев-большевиков к западным либеральным влияниям. Их еврейство модифицировалось в особую, интернационалистическую ипостась (лишь изредка обнаруживая собственнно национальные черты: как, например, еврейский национал-большевизм Э. Багрицкого в поэме „Февраль“). А постепенное влияние русской почвы, соками которой режим был вынужден питаться, паразитируя на ней (это прекрасно почувствовал Сталин в борьбе за власть против Троцкого и его „старой гвардии“) – привело впоследствии

к вытеснению евреев из партруководства.

Но в 1920-е годы уникальную идеологию большевистского джина, выпущенного из бутылки Февралём, многие за границей недооценили: и международное еврейство, полагавшееся на кровную связь с евреями-интернационалистами (неоправдавшаяся ставка на Троцкого), и атеистическое масонство Великого Востока, угнездившееся в социал-демократических партиях и надеявшееся на идейную родственность с большевиками (не помогла и популярность в СССР масона-коммуниста Андре Марти). Недооценил марксистов-большевиков и правый фланг русской эмиграции, поначалу ничего, кроме этих двух видов родственности – с еврейством и масонством – в них не видевший.

Тем не менее, заблуждение, будто „жидо-масонский заговор“ продолжался в России и после захвата власти большевиками, можно понять на описанном историко-политическом фоне, учитывая перечисленные и новые факторы:

- Непропорционально большое участие евреев в революции ⁶²⁾, в советской администрации, в карательных органах, чем выше уровень – тем больше (причём политическое качество их должностей было гораздо важнее их количества); к тому же возглавили страну бывшие эмигранты, контакты которых с людьми типа Я. Шиффа и Гельфанда-Парвуса уже тогда были известны.

- Бросалась в глаза помощь большевикам со стороны западного капитала в целом, и особенно – американского (с большим участием еврейства и масонства) ⁶³⁾, эгоистически стремившегося с самого начала революции завоевать российский рынок независимо от режима, который в России установится. Этих взаимоотношений мы коснёмся в другой главе; здесь важно лишь отметить наличие этого фактора, который не мог остаться незамеченным.

- Огромное впечатление на эмиграцию произвело принятие коммунистами пятиконечной звезды – пентаграммы: она „относится к общепринятым символам масонства“, имеет связь с традицией каббалы и „восходит к

‘печати Соломона’, которой он отметил краеугольный камень своего Храма“⁶⁴⁾ – объясняет популярный масонский словарь. Государственные символы всегда принимаются продуманно – у большевиков же это произошло внезапно и без убедительных объяснений. Было ли это тактической приманкой для западных политиков – или просто недомыслием, стремлением выглядеть „прогрессивно“, иметь модный значок „как у людей“? Во всяком случае, для правого фланга эмиграции этот факт лежал в том же русле, что и использование в США той же пентаграммы в армии, еврейской звезды в государственной и полицейской символике, масонских знаков на американских долларах (правда, в США это было неудивительно).

– Был также очевиден союз масонов и коммунистов в Западной Европе, прежде всего во Франции в 1920 - 1930-е годы, когда они совместно противостояли „национально-клерикальной“, а затем „фашистской опасности“ (пики этого сотрудничества: победа „картеля левых сил“ в 1924 г., что привело к открытию советского посольства в Париже; „народный фронт“ в 1935 - 1939 гг.). Этот союз, как и существование масонов-коммунистов, давали правым кругам повод думать, что то же самое (если не большее) происходит и в СССР.

Чего не было: масонство там было запрещено вместе со всеми некоммунистическими течениями. В 1920-е годы не раз появлялись сообщения о преследовании масонов в советской России, например, в связи с деятельностью организации „АРА“, руководимой масоном Г. Гувером, будущим президентом США. „АРА“ (American Relief Administration) оказала немалую помощь голодающим в России, но она, очевидно, заботилась и об идейном окормлении: два сотрудника „АРА“ фигурируют в числе организаторов в 1923 г. ложи „Астрей“ в Петрограде, у которой было в подчинении ещё 6 лож⁶⁵⁾, раскрытых большевиками. В числе руководящих членов Всероссийского Комитета помощи голодающим (связанного с „АРА“) также были масоны: Е. Кускова, С. Прокопович,

М. Осоргин и др., арестованные и высланные за границу. Большевики видели в этом Комитете соперничающую – „буржуазную“ политическую структуру.

Сотрудничество, (экономическое, дипломатическое) между большевиками и „сильными мира сего“, особенно в годы нэпа, конечно, существовало – но при этом каждая сторона стремилась использовать другую в своих целях. Большевикам была нужна западная техника и дипломатическое признание, а западному капиталу – российские ценности и природные богатства. Возможно, в довольно пёстром советском руководстве поначалу оставался и какой-то узкий „смазочный“ слой между теми и другими, на основе прежних связей. Но достоверных сведений о принадлежности самих большевиков к масонству очень мало.

Е. Кукова утверждала, что в числе масонов „знала двух *виднейших* большевиков. Н. В. Вольский писал, что масоном был большевик С. П. Середа, будущий нарком земледелия. Секретарь (т. е. глава) масонского Верховного Совета с 1916 г. меньшевик А. Я. Гальпери указал на известного масона-большевика И. И. Степанова-Скворцова, будущего наркома финансов, и на посещение масонских собраний М. Горьким. Собранный эти показания меньшевик Б. Николаевский писал, что в масонскую организацию „входили и большевики, через их посредство масоны давали Ленину деньги (в 1914 г.)“. Об этой акции финансирования, „которая встретила положительное отношение Ленина“, писал также Г. Я. Аронсон (масон до 1914 г.) на основании опубликованного в СССР лишь в отрывках конспиративного письма большевика Н. П. Яковлева ⁶⁶⁾. Г. Катков также отмечает, что имевшие отношение к масонству большевики И. И. Скворцов-Степанов и Г. И. Петровский установили в 1914 г. „по-братски“ контакт с масоном А. И. Коноваловым для финансирования большевистской партии ⁶⁷⁾. Из книги Н. Берберовой узнаём, что М. Горький был близок к масонам – через масонку-жену Е. П. Пешкову и приёмного сына, видного французского масона З. А. Пешкова (брата Я. Свердлова).

Там же опубликовано свидетельство Е. Д. Кусковой, что Н. И. Бухарин, выступая в 1936 г. перед эмигрантами в Праге, сделал масонский знак – „давал знать аудитории, что есть связь между нею и им, что прошлая близость не умерла“⁶⁸⁾. В один из масонских словарей включён К. Радек, правда с оговоркой, что „его принадлежность к масонству, часто упоминаемая, никогда не была доказана“⁶⁹⁾.

Интересная фигура в этом отношении – Л. Троцкий. Он описывает, как во время заключения в Одессе в 1898 г. в течении целого года усердно изучал масонство, получал соответствующую литературу от друзей, „завёл себе для франк-масонства тетрадь в тысячу нумерованных страниц и мелким бисером записывал в неё выдержки из многочисленных книг... К концу моего пребывания в одесской тюрьме, толстая тетрадь... стала настоящим кладезем исторической эрудиции и философской глубины... Думаю, что это имело значение для всего моего дальнейшего идейного развития“⁷⁰⁾, – признаёт он. Ссылаясь на это, масонская энциклопедия отмечает, что и к большевизму Троцкий пришёл через масонство, но масоном не стал⁷¹⁾. (Тогда тем более интересно выяснить по советским архивам, почему, обладая „кладезем эрудиции“, основатель Красной армии выбрал её символом пентаграмму).

Проф. Н. Первушин пишет, что арестованного большевиками в 1920 г. бывшего министра Временного правительства Н. В. Некрасова (секретаря масонского Верховного Совета в 1910 - 1912 и 1916 гг.⁷²⁾) по чьей-то таинственной протекции „освободили и даже допустили к работе в Центральном союзе потребительских обществ в Москве, со значительным повышением по службе“. Даже в 1950-е годы Кускова отказала Первушину в опубликовании списка масонов, „так как в Советском Союзе остались члены этой группы и, в частности, в самых высших партийных кругах (!), и она не вправе поставить их жизнь под угрозу“⁷³⁾ (восклицательный знак Первушина).

Но даже из приведенных примеров следует лишь то, что оставшиеся в СССР масоны скрывали своё прошлое,

а не правили страной, иначе бы им никакие заграничные разоблачения не могли быть опасны. После уничтожения Сталиным старой „ленинской гвардии“ шансы на то, что на партийных верхах остались масоны, были практически сведены к нулю.

А что касается сотрудничества масонов и коммунистов за границей, даже такой критик масонства, как А. Костон, считает, что „коммунисты не поддерживают ложь, когда те находятся у власти, но они поддерживают масонов в тех странах, где те в меньшинстве, поскольку надеются пользоваться ими в своей борьбе против реакции“. Большевики „не собирались служить французским масонам, а пытались использовать их“ в своих политических целях: Троцкий надеялся, что приход к власти либералов-масонов „типа Керенского создаст чрезвычайно благоприятные условия для коммунистов“⁷⁴⁾. Тот же Троцкий в 1922 г. на IV Конгрессе Коминтерна отвергал масонство вполне искренне как явление буржуазное, каким оно в сущности и было. Поэтому и произошло совмещение обуржуазившейся части социалистических партий и атеистического масонства; последнее видело в этом способ влияния на рабочие массы для удержания их от крайностей – что понимали большевики, стремившиеся как раз к этим крайностям.

Однако, в отличие от советской России, победа еврейско-масонского союза в Западной Европе была очевидна и впечатляюща. Результаты Первой мировой войны говорили сами за себя: падение трёх консервативных европейских монархий (в глазах союзников монархическая „Россия попала как бы в разряд побеждённых стран“, так как „Мировая война... имела демократическую идеологию“⁷⁵⁾. – П. Б. Струве); приход к власти правительств масонской ориентации в Германии, в государствах, возникших на месте Австро-Венгрии и в отделившихся частях бывшей Российской империи; провозглашение „еврейского национального очага“ в Палестине. Да и сами победители не скрывали своего торжества, о чём свидетельст-

вует итоговая Парижская (Версальская) конференция 1919 - 1920 гг., проведенная под руководством масонов и еврейских организаций. Об этой конференции стоит привести несколько цитат из еврейских энциклопедий.

Вот, например, организаторы и участники этой конференции со стороны США: член Верховного суда Л. Брандейс (он же президент Мировой организации сионистов) был председателем американской Комиссии „по сбору материалов для переговоров о мире“ ⁷⁶⁾. Другая энциклопедия отдаёт должное „Американскому еврейскому конгрессу, разработавшему предложения для Парижской мирной конференции 1919. Члены Американского еврейского комитета Дж. Мак, Л. Маршалл и С. Адлер участвовали в конференции и в значительной степени благодаря их деятельности и связям евреям были предоставлены права“, которых они хотели. Б. Барух, председатель Комитета военной промышленности США, сначала был „фактически ответственным за мобилизацию американского военного хозяйства“, а затем „работал в Высшем экономическом совете Версальской конференции и был личным экономическим советником президента Вильсона“ ⁷⁷⁾. Во время войны банковская группа Шиффа кредитовала и Антанту, и Германию; а братья Варбурги поделили сферы влияния, и в то время, как Пауль „имел решающее влияние на развитие американских финансов во время мировой войны“, Макс оказывал услуги Германии и затем участвовал в Парижской конференции с немецкой стороны „как специалист по вопросам репараций“ ⁷⁸⁾.

Одним из плодов этой конференции стала Лига Наций, которая „была, в сущности, масонским творением, и её первым президентом стал французский масон Леон Буржуа“ ⁷⁹⁾; гордостью за это „творение“ проникнуты многие масонские источники. Об этой первой попытке создать мировое правительство в немецкоязычной „Еврейской энциклопедии“ сказано:

„Лига Наций, созданная на мирной конференции 1919/1920 гг. ...соответствует древним еврейским пророческим устремлениям и поэтому стоит в определённой

духовной связи с учениями и воззрениями евреев... Кроме специальных вопросов... есть две области в которых судьба евреев формально связана с Лигой Наций: *создание еврейского национального очага в Палестине* и обеспечение прав меньшинств“⁸⁰⁾ (выделено в энциклопедии).

Причём, еврейский „национальный очаг“ в Палестине впервые был провозглашён в Декларации Бальфура (министр иностранных дел Великобритании, масон), при „непосредственном участии в её подготовке“ упомянутого члена Верховного суда США Л. Брандейса – это произошло в 1917 г., в одну неделю с Октябрьским переворотом в России...

Всё это вместе взятое – в том числе случайные совпадения – не могли не произвести впечатления. В 1920-е годы стала чрезвычайно популярной тема „мирового жидо-масонского заговора“, якобы целенаправленно действовавшего и на Западе, и в советской России. „Протоколы сионских мудрецов“ вышли на многих языках (даже на арабском и китайском); в Англии они были напечатаны в солидном издательстве и обсуждались в английском парламенте.

Обеспокоенная газета «Таймс» (владелец которой, лорд Нортклифф, был большим другом еврейства), сравнивая „пророческие предсказания“ „Протоколов“ с происходящим в России писала, что большевистские лидеры – „в большом проценте евреи, образ действий которых соответствует принципам 'Протоколов'“. От „этого жуткого сходства с событиями, развивающимися на наших глазах, „нельзя просто отмахнуться“. Утверждение, что „Протоколы“ сфабрикованы русскими реакционерами, „не затрагивает самой сути 'Протоколов'“; „необходимо объективное расследование“, иначе “это питает огульный антисемитизм“⁸¹⁾...

Только на этом фоне можно понять и последующее трагическое развитие в побеждённой и униженной Германии: это была реакция – конвульсивная, слепая, злая, перечеркнувшая собственные духовные ценности – реакция крайне правых сил на победу их противников в

Первой войне... И лишь ценою еще одной Мировой войны масонству в Европе удалось утвердиться окончательно, а евреюству – создать своё государство...

Их усилия и в промежутке между войнами добавляли новые факты в рассматриваемую теорию заговора. Тот шовинизм, который отметили А. Кестлер и Х. Арендт, приобрёл новые черты во многих лидерах политического сионизма, стремившихся повторить в Палестине ветхозаветные „войны Яхве“. В. Жаботинский прямо утверждал расовое превосходство евреев „детализированной расовой теорией, развитой им с ряде статей“ (например, „Раса“, 1913). Ш. Авинери обращает внимание, что „в год прихода нацистов к власти в Германии Жаботинский пишет в подобном же духе в брошюре под названием „Лекция по еврейской истории“, изданной организацией Бетар на идиш в Варшаве (1933)“⁸²⁾.

Заметим, что В. Жаботинский тогда же, в 1932 г., вступил в масонство, но пробыл в ложе недолго⁸³⁾. Видимо, потому, что свой собственный „орден“ – Бетар – увлекал его больше. В статье „Идея Бетара“ (1934) Жаботинский ставит этой военизированной еврейской организации такую цель: „...превратить Бетар в нечто вроде мирового организма, такого, который будет способен, по знаку из центра, в тот же миг осуществить, всеми десятками своих рук, одно и то же действие во всех городах и государствах“⁸⁴⁾.

Вторая мировая война даёт новые совпадения, впечатлившие сторонников „единой тайной руки“: союз демократий и тоталитарного СССР как в войне, так и в создании еврейского государства... Лишь испуг Сталина перед симпатиями собственных евреев к Израилю и начавшиеся антиеврейские чистки в советском руководстве в конце 1940-х годов заканчивают этот период совпадений, ставя всё на свои места: начинается холодная война... Удивительно, что Дуглас Рид и после этого, уже в подавлении Венгерской революции 1956 года, находил „продолжение еврейско-талмудистского руководства революцией в её центре в Москве“⁸⁵⁾.

В наши дни, ретроспективно, можно лучше понять происходившее в России в промежутке между Мировыми войнами, в том числе причины и движущие силы революции. Но в те годы часто приходилось судить по отвлекающим внимание внешним признакам, причём ни Запад (затушевывавший своё предательство России), ни большевики (приписавшие все революционные лавры себе) не были заинтересованы в объективном анализе происшедшего. (Возможно, именно этим объясняется замалчивание масонской темы в советской школе и историографии, что просто удивительно в сравнении со значением масонства в формировании западного общества).

Поскольку из этих событий вырастает вся история XX века вплоть до наших дней, то и сегодня мало кто заинтересован в объективном анализе. Это приводит, с одной стороны – к крайности чёрно-белых трактовок, с другой – к отметанию всей проблемы как „черносотенного мифа“. Поэтому даже на основании безупречных источников трудно писать на столь табуированную тему в столь телеграфном стиле – где каждый факт заслуживает отдельной книги. На эту психологическую трудность жалуются многие видные историки, обставляя даже несомненную информацию осторожными амортизаторами-извинениями. Тем же, кому всё это кажется „черносотенным мифом“, следует заглянуть хотя бы в указанные источники, в еврейские и масонские энциклопедии по всем затронутым темам, событиям, именам – сводя информацию воедино. Многое, конечно, ещё предстоит уточнить тем исследователям, которые (хочется надеяться) получают доступ к документам в архивах.

Приведенные примеры относятся к прошлому, но в них содержится постоянный психологический элемент: тайная организация масонов (в их числе длинная вереница президентов США) всегда будет вызывать подозрения, а еврейское влияние в мировой политике и прессе невозможно скрыть. Впечатляющих фактов много и в наши дни.

Однако примеры из прошлого к сегодняшней ситуации

не всегда применимы, так как после Второй мировой войны еврейско-масонский союз приобретает иной облик. Прежде всего это касается масонства, выполнившего свою политическую функцию „тарана старого мира“, достигшего своих целей – и, похоже, в немалой степени изменившегося под ответным воздействием того деидеологизированного общества, которое построили масоны. Они стали менее агрессивны во внутренней политике своих стран, ибо у них там уже нет серьёзных врагов. В атомизированной плюралистической демократии для правления необходимы не столько тайные общества, сколько деньги и средства информации, формирующие „общественное мнение“.

Границы же масонства как идейного явления размывались по мере того, как те „прогрессивные ценности“, за которые боролись все масонские течения, становились общепринятыми в либерально-демократическом мире: прежде всего это отказ от христианского понимания мира, от абсолютных религиозных критериев.

Поэтому сегодня анализ западного общества требует более широкого подхода, независимо от принадлежности его лидеров к масонству. Былую роль масонства, „передового отряда“, теперь играет „малый народ“ (о котором пишет И. Шафаревич). На Западе масоны – лишь часть его, а в СССР развитие в ту же сторону (нынешнее „западничество“) происходит и без принадлежности к масонству – под воздействием того же идейного поля.

Главное же, что часто упускается при анализе этой проблемы: рассматриваемый „заговор“ есть часть общего энтропийного процесса Нового времени, который и раньше не исчерпывался орденоскими или национальными рамками. Проблема заключается в дехристианизации мира, в его отпадении от Бога – в апостасии. В этом секулярном русле лежат и Реформация, и Просвещение, и масонство, и марксизм, и большевизм. И в этом духовном процессе виноваты не масоны или „малый народ“: они не только его участники, но и его продукт. Поэтому-то и соединялись в этом русле усилия всех этих течений: это

было естественным проявлением их духовного родства, сущность которого часто оставалась вне их сознания. В том числе – вне сознания всего еврейского народа, по-разному участвовавшего в этом процессе. Только в рамках христианской историософии можно понять судьбу евреев во всех её проявлениях, ставшую религиозной осью человеческой истории. Об этом, как и о современном состоянии обоих рассмотренных „слагаемых“, коротко скажем в последних главах книги (там же затронем ещё один впечатляющий аспект совпадения еврейской и масонской символики, завершающий эту тему на религиозном уровне).

Сейчас же отметим, что основной водораздел в спорах о теории „мирового заговора“ заключается в том, что считать здесь первичным: духовный процесс апостасии и саморазложения человечества, в котором возникают соответствующие деструктивные организации; или же тайные организации, которые вызывают этот процесс.

Очевидно, всё дело в том, где искать первоисточник зла, действующего в мире. С христианской точки зрения, это зло заключается не в человеке, а в более мощных силах, противоборствующих замыслу Божию о мире и воздействующих на человека, пользуясь его свободой воли.

В эмигрантских спорах о масонстве Н. Бердяев, беря для оценки правильный духовный масштаб, верно писал, что силы зла в мире могут „действовать разнообразными, не непременно организованными и централизованными путями“, то есть нельзя всё зло в мире сводить к политическому заговору. Он правильно упрекал правые круги, что они упрощают проблему, относя этот вопрос „целиком к сыскной части, к органам контрразведки“⁸⁶⁾. Но при этом он сам упускал из виду, что эта заговорщическая сторона тоже имеется, и не принимать её во внимание – тоже упрощение. Ведь невозможно отрицать, что единомышленникам свойственно образовывать организационные структуры. То есть, зло в мире может действовать именно разнообразными путями, в том числе и организо-

ванными (даже если члены таких организаций не осознают себя инструментами зла).

Здесь мы имеем два взаимосвязанных уровня – духовный и политический – питающих друг друга с той или иной степенью сознательности действий участников. Ключ к проблеме – в её рассмотрении на этих разных уровнях, которые не следует смешивать или сводить проблему только к одному из них. То есть, под влиянием сил зла, действующих в мире, происходит злоупотребление человечества своей свободой и бессознательное саморазложение общества. Но внутри этого процесса для какой-то части политиков ставка на свободу может быть инструментом сознательного разложения общества до атомизированного, духовно ослабленного состояния – для господства над ним.

Поскольку подобные организационные структуры действуют скрыто – трудно судить об их истинных замыслах и об истинном масштабе их влияния. Но существование их несомненно. Они хорошо просматриваются в отношении масонства и еврейских банкиров к России в годы революции – их целенаправленную координированную деятельность правый фланг имел все основания воспринимать как политический заговор. Левый фланг не в силах отрицать эти факты, ему лишь остаётся считать этот заговор „прогрессивным“...

В столь сложном мире пришлось русской эмиграции бороться за самосохранение. Значительная часть её – осознанно или интуитивно – пыталась понять и сохранить русское духовное призвание в чуждом окружении, где многие либералы (а не только масоны и еврейские финансисты) разделяли те же антихристианские идеи. Только, к сожалению, эта борьба нашими эмигрантами не всегда велась с должным пониманием её духовного масштаба. В следующей главе рассмотрим эту проблему во внутриэмигрантских рамках.

* * *

- 1 Katz J. Jews and Freemasons in Europe 1723-1939. Harvard University, Cambridge. 1970. P. 219-220.
- 2 Lennhoff E., Posner O. Internationales Freimaurerlexikon. Wien-München. 1932 (Nachdruck 1980). S. 790-791.
- 3 Гессен Ю. Евреи в масонстве. СПб. 1903. С. 2-7.
- 4 Аннотация издательства к исследованию: Louis Israel Newman. Jewish Influence On Christian Reform Movements. New York, Columbia University press. 1925.
- 5 Encyclopaedia Judaica. 1971. Jerusalem. Vol. 7. P. 123.
- 6 Katz J. Op. cit. P. 60, 92.
- 7 Dictionnaire universel de la franc-maçonnerie. Paris. 1974. P. 708.
- 8 Katz J. Op. cit. P. 221.
- 9 Ibid. P. 211-212.
- 10 Ibid. P. 202-203.
- 11 Ibid. P. 122-123.
- 12 Chevallier P. Histoire de la franc-maçonnerie française. Paris. 1975. P. 58, 56.
- 13 Jüdisches Lexikon. Berlin. 1929. Band 3. S. 1190, 1192, 1194.
- 14 Dictionnaire universel... P. 154.
- 15 См. соответствующую главу в: Chevallier P. Op. cit.
- 16 Hiram. La Franc-Maçonnerie // L'Acacia. 1902. X. P. 8. - Цит. по: Боровой А. Современное масонство на Западе // Масонство в его прошлом и настоящем. Москва. 1923. С. 18.
- 17 Chevallier P. Op. cit. P. 61.
- 18 Ibid. P. 71.
- 19 Любимов Л. О масонстве и его противниках // "Возрождение". Париж. 1934. 30 сент.
- 20 Chevallier P. Op. cit. P. 339, 411, 136.
- 21 Лурье С. Антисемитизм в древнем мире. Берлин. 1923. С. 207-209.
- 22 Еврейская энциклопедия. СПб. Т. 2. С. 641.
- 23 Лурье С. Указ. соч. С. 11, 207.
- 24 Там же. С. 146-148, 166-167, 77.
- 25 Еврейская энциклопедия. СПб. Т. 2. С. 640.
- 26 Кестлер А. Иуда на перепутье // "Время и мы". Израиль. 1978. № 33. С. 102.
- 27 Katz J. Op. cit. P. 76-77, 79-80, 84-85.
- 28 Ibid. P. 219-220.
- 29 Roth C. A Short History of the Jewish People. London. 1936. P. 202, 204, 207.
- 30 Attali Jacques. Un homme d'influence. Sir Siegmund Warburg. Paris. 1985. P. 23, 25.
- 31 Ibid. P. 48.
- 32 Соловьев В. Еврейство и христианский вопрос. 1884 // Соловьев В. Статьи о еврействе. Иерусалим. 1979. С. 8.
- 33 Арендт Х. Антисемитизм // "Синтаксис" № 26. Париж. С. 134, 146.
- 34 Там же. С. 152.

- 35 Кушнер Б. Не произноси ложного свидетельства // "Страна и мир". Мюнхен. 1989. № 2. С. 125.
- 36 "Еврейская энциклопедия". 1916. - Цит. по: Рид Д. Спор о Сионе. Иоганнесбург. 1986. С. 76.
- 37 Katz J. Op. cit. P. 224-225.
- 38 Ibid. P. 210, 115, 116, 124, 125, 205.
- 39 Ibid. P. 204.
- 40 См., напр., хоть и пропагандно упрощенную, но содержащую некоторые полезные сведения книгу о суде в Берне в 1934 г.: Бурцев Л. "Протоколы сионских мудрецов" доказанный подлог. Париж. 1938.
- 41 Арендт Х. Указ. соч. С. 152.
- 42 Там же. С. 153.
- 43 См.: Der Prozess gegen die Attentäter von Sarajewo // Archiv für Strafrecht und Strafprozeß. Berlin. 1917. Band 64. S. 385-418; 1918. Band 65. S. 7-137, см. там же S. 385-393.
- 44 Dictionnaire universel... P. 114.
- 45 Chevallier P. Op. cit. P. 217.
- 46 См.: Берберова Н. "Люди и ложь". Нью-Йорк. 1986. С. 188.
- 47 Давыдов А.В. Воспоминания. Париж. 1982. С. 223-226.
- 48 Витте С. Воспоминания. Москва. 1960. Т. 2. С. 439-440. - Ср.: B'nai B'rith News. May 1920. Nr. 9. Vol. XII // Netchvolodow A. L'Empereur Nicolas II et les juifs. Paris. 1924. P. 58.
- 49 Encyclopaedia Judaica. 1971. Jerusalem. Vol. 14. P. 960-961; Vol. 10. P. 1287; см. также: Cholly Knickerbocker // New York Journal-American. 1949. 3.ii.
- 50 The Jewish Communal Register of New York City 1917-1918. New York. P. 1018-1019 // Coston H. La haute finance et les revolutions. Paris. 1963. P. 119.
- 51 Солженицын А. Собр. соч. Париж. 1984. Т. 13. С. 263-267.
- 52 См.: Goulévitch A. Czarism and Revolution. Hawthorn, California. 1962. P. 230.
- 53 Parliamentary Debates. Hous of Commons. Vol. 91, Nr. 28. 1917, 22 March, col. 2081. - Цит. по: Алексеева И. Миссия Мильнера // "Вопросы истории". 1989. № 10. С. 145.
- 54 См.: Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Edited by Z.A.B. Zeman. London. 1958. P. 24, 63, 92; L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la Première guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères. Publiés par André Scherer et Jacques Grunewald. Paris. 1962. P. 137.
- 55 Чтобы это увидеть, нужно совместить данные хотя бы из двух работ: Берберова Н. Указ. соч.; Фрумкин Я. Из истории русского еврейства // Книга о русском еврействе (1860-1917). Нью-Йорк. 1960. Правда, нуждаются в уточнении даты вступления в масонство некоторых из членов Политического бюро.
- 56 Jüdisches Lexikon. Berlin. 1927. Band 1. S. 1149; Александр Исаевич Браудо. Очерки и воспоминания. Париж. 1937.
- 57 Фрумкин Я. Указ. соч. С. 107.

- 58 Текст см. в сборнике: *Germany and the Revolution...* P. 140-152.
- 59 Катков Г. Февральская революция. Париж. 1984. С. 349-352.
- 60 Laqueur W. *Deutschland und Russland*. Berlin. 1965. S. 57-59.
- 61 Дижур И. Евреи в экономической жизни России // Книга о русском еврействе (1860-1917). Нью-Йорк. 1960. С. 155-182.
- 62 См. сборник еврейских публицистов: "Россия и евреи". Берлин. 1923. (Репринт: Париж. 1978). А также: Бернштам М. Микроб коммунизма или тифозная вошь? // "Вестник РХД". Париж. 1980. № 131. С. 292-294.
- 63 См. книгу гуверского профессора: Sutton A.C. *Wall Street and the Bolshevik Revolution*. New Rochell, N.Y. 1974.
- 64 Lennhoff E., Posner O. Op. cit. S. 204, 483, 809, 1192-1193.
- 65 "Возрождение". Париж. 1926. 2 июля. С. 2; 3 июля. С. 1.
- 66 См.: Николаевский Б. Русские масоны и революция. Москва. 1990. С. 110, 113, 117, 67, 69, 60, 169-170; "Вопросы истории". Москва. 1957. № 3. С. 176; Аронсон Г. Масоны в русской политике // "Новое русское слово". Нью-Йорк. 1959. 8-12 окт.
- 67 Катков Г. Указ.соч. С. 214-215. Ср.: Старцев В. Российские масоны XX века // "Вопросы истории". 1989. № 6. С. 49.
- 68 Берберова Н. Указ. соч. С. 148, 98, 248.
- 69 Faucher J.-F. *Dictionnaire historique des francs-maçons*. Paris. 1988. P. 367-368.
- 70 Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин. 1930. 143-147.
- 71 Lennhoff E., Posner O. Op. cit. S. 204.
- 72 Николаевский Б. Указ. соч. С. 56; Ср.: Аврех А. Масоны и революция. Москва. 1990. С. 143.
- 73 Первушин Н. Русские масоны и революция // "Новое русское слово". 1986. 1 авг. С. 6.
- 74 Coston H. *La Republique du Grand Orient*. Paris. 1964. P. 110-111, 179-180.
- 75 Струве П. Размышления о русской революции. София. 1921. С. 9-10.
- 76 *Encyclopaedia Judaica*. Berlin. 1929. Band 4. S. 1010.
- 77 Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим. 1976. Т. 1. С. 108, 301.
- 78 *Jüdisches Lexikon*. Berlin. 1930. Band IV/2. S. 1331, 1329.
- 79 Mariel P. *Les Francs-Maçons en France*. Paris. 1969. P. 204.
- 80 *Jüdisches Lexikon*. Berlin. 1930. Band IV/2. S. 1225; Band I. S. 1137.
- 81 *The Times*. London. 1920. 8.V. P. 15.
- 82 Авинери Ш. Основные направления в еврейской политической мысли. Израиль. 1983. С. 237, 239.
- 83 Берберова Н. Указ. соч. С. 125-126.
- 84 Цит. по: Авинери Ш. Указ. соч. С. 245.
- 85 Рид Д. Указ. соч. С. 420.
- 86 Бердяев Н. Жозеф де Местр и масонство // "Путь". Париж. 1926. № 4. С. 183-187; переиздано: "Новый мир". Москва. 1990. № 1.

Сообщение редакции

Два года назад, В. Н. Тростников любезно согласился представлять редакцию «Вече» в Москве.

Предполагалось, что расширение гласности в стране создаст благоприятные условия для успешной деятельности Представительства редакции «Вече», в частности, откроет возможность тиражирования нашего журнала в России и решение вопроса массового распространения «Вече» путём подписки и розничной продажи. Однако практика показала, что без наличия крупных материальных средств, осуществить тиражирование «Вече» невозможно. Наряду с этим стало ясно, что из-за помех, вызываемых отсутствием нормальной почтовой и телефонной связи между Москвой и ФРГ, возникают почти непреодолимые препятствия на пути актуальной координации деятельности Представительства редакции и редакцией «Вече». В ряде случаев, Представительство редакции в Москве не могло, не по собственной вине, осуществлять свою функцию связующего звена между читателями в России и редакцией «Вече» в ФРГ. Появилась реальная опасность превращения Представительства редакции «Вече» в лишённую делового содержания фикцию. По этой причине принято решение упразднить наше Представительство в Москве.

Выражаю Виктору Николаевичу Тростникову, приложившему огромные усилия для создания работоспособного Представительства редакции «Вече» в Москве, глубочайшую благодарность за его бескорыстный труд. Надеюсь также, что и впредь В. Н. Тростников будет выступать со своими замечательными публикациями на страницах «Вече».

Главный редактор «Вече»
О. Красовский

В. Бондаренко

Архипелаг „Ди - пи“ Возвращение второй волны

Когда-то, лет десять назад, Владимир Солоухин сказал по „Голосу Америки“, что не существует эмигрантской литературы и советской литературы, а есть одна Великая русская литература, которая с великими трудностями продолжается в XX веке.

После этого заявления, Солоухина долго критиковали на собраниях, собирались даже принять более жёсткие меры...

Сегодня это стало аксиомой даже для советских литературоведов.

Мы читаем одновременно „Тихий Дон“ Михаила Шолохова и „Окаянные дни“ Ивана Бунина, „Солнце мёртвых“ Ивана Шмелёва и „Чевенгур“ Андрея Платонова.

Скоро читатели забудут, кто из поэтов начала века остался в России, кто жил в эмиграции. Андрей Белый и Марина Цветаева, Зинаида Гиппиус и Осип Мандельштам, Вячеслав Иванов и Анна Ахматова. Единая русская поэзия. Первая эмиграция в сознании культуры соединилась с литературой начала века и с нашими двадцатыми годами.

Последняя, третья эмиграция уже чаще бывает в Москве, чем в родных Брюсселях и Парижах. Впрочем, возвращаться не собираются. Понятный феномен, и объяснимый – жить на Западе в спокойных условиях и печататься миллионными тиражами, не вылезать из

экрана телевизора, греться в лучах славы – на бывшей родине.

Но странно, и спустя шесть лет перестройки, никто до сих пор не говорит о второй, послевоенной эмиграции, в том числе и о культуре, рождённой ею. Дотошные библиографы меня поправят. В журнале «Дружба народов» вышел прекрасный роман Николая Нарокова – „Мнимые величины“ – о трагедии тридцатых годов. В журналах и газетах появились подборки, на мой взгляд, наиболее талантливого поэта второй эмиграции Ивана Елагина. В журнале «Наш современник» с четвёртого номера 1991 года публикуется „Неугасимая лампада“ Бориса Ширяева. В журнале „Север“ печатаются произведения Геннадия Андреева и Леонида Ржевского...

Но всё это публикуется как бы в отрыве от знания о самих писателях. Выбирается или спокойная лирика Ивана Елагина, или ныне ставшая модной тема сталинских лагерей – романы Бориса Ширяева и Николая Нарокова, или произведения об эмигрантской жизни шестидесятых годов – роман „Две строчки времени“ Леонида Ржевского. Отдельные имена есть, а о культуре второй эмиграции, о трагических судьбах многих из её деятелей, о неизвестных страницах русской истории – ни слова.

Даже в журнале «Наш современник», в предисловии (и очень интересном) Олега Волкова – ничего не говорится об авторе. А учитывая даже снисходительный тон нашего старейшего и храбрейшего писателя Олега Волкова, подмечающего некую идиллию в изображении ранних Соловков, предполагаю, что редакция журнала дала текст романа Ширяева, ничего не говоря об авторе.

На мой взгляд, сегодня необходимо говорить полную правду, кто бы и как бы к ней ни относился. Скептикам и критикам второй эмиграции я бы посоветовал относиться к литературе, как их называли „дипийцев“, так же, как, зная позорные выступления Михаила Шолохова, мы не забываем о его огромном даре, как с негодованием относясь к чекистской деятельности Исаака Бабеля и Всеволода Иванова, к стихам, Эдуарда Багрицкого и Влади-

мира Маяковского, воспевающим палачей, мы признаем их литературные дарования. И если кому ещё трудно смириться с новыми трактовками второй мировой войны, владовского движения и великого англо-американского предательства, уже после войны насильно выдавшим в руки ГУЛАГа более двух миллионов человек, то смиритесь с крупными литературными дарованиями выходцев из второй волны эмиграции.

Не случайно, и в западных странах, и в центрах славистики, о литературе „Ди-пи“ не сказано почти ни слова. Опять отдельные имена, вырванные из контекста эпохи. Западный мир не уделил большого внимания книгам лорда Беттла „Последняя тайна“, Николая Толстого „Жертвы Ялты“. Книги писателей-дипийцев почти не переиздавались в крупнейших эмигрантских издательствах, почти все остались – в пятидесятых годах. Они не стали модными нигде. Но они существуют!

Ещё ничего не сказано о трагедии второй эмиграции. Ещё осталось последнее белое пятно на карте русской литературы XX века. Архипелаг „Ди-пи“ – послевоенные лагеря для перемещённых лиц. Этот архипелаг, благодаря ялтинским соглашениям, накоротко связан был с нашим отечественным ГУЛАГом. Английские солдаты штыками загоняли в вагоны, отправляли; на другом конце пути солдаты ГУЛАГа вскрывали вагоны. Архипелаг „Ди-пи“ знает свои трагические страницы – выдача казаков в Лиенце, самоубийства в Дахау, он знает своих мучителей, своих героев, своих художников, музыкантов, писателей, поэтов, учёных.

„Ди-пи“ – это первые английские буквы „перемещённые лица“ на английском языке. Их лагеря находились в Италии и Австрии, Франции и Бельгии, Канаде и США, и больше всего в Западной Германии. Населяли архипелаг „Ди-пи“ два потока людей – „остарбейтеры“, сотни тысяч молодых людей насильственно угнанных на работы в Германию, и военнопленные.

Не только солдаты из РОА, избежавшие насильственных выдач, но и многие из военнопленных и „остарбей-

теров“ не желали возвращаться под гнёт Сталинского режима, зная, что их ждут новые лагеря. По всей Европе рыскали абсолютно свободно особые команды из наших спецслужб. Людей агитировали, похищали, убивали.

Говоря о литературе „Ди-пи“ это всё надо обязательно знать, иначе не понять, почему все дипийцы писали под псевдонимами. Постоянное ожидание выдачи, жизнь с фальшивыми документами, с выдуманной биографией и привели к тому, что Тamarцев стал Борисом Башиловым, Марченко – Нароковым, Матвеев – Елагиным, Крачковский – Кленовским, Жабинский – Юрасовым, Акульшин – Берёзовым, Суражевский – Ржевским. За кого только не приходилось выдавать себя дипийцам – за турок, югославов, поляков, западных украинцев, даже за испанцев, вывезенных в СССР после победы Франко, лишь бы не попасть в лапы МВД.

Архипелаг Ди-пи зародился в первые же послевоенные месяцы. Будущим его исследователям будет трудно восстановить первый „героический период“ дипийской литературы. На плохой бумаге, в минимальном количестве экземпляров, уже в конце 1945 года стали выходить альманахи дипийцев. Копию одного из них мне любезно подарил известный художник второй волны Адам Русак. В его оформлении выходят журнал «Вече», многие сборники писателей-дипийцев. Его иконы и рисунки я видел в семьях многих русских эмигрантов в Германии и Франции. Им сотворено всё убранство Франкфуртской русской церкви – от иконостаса и алтаря до скамеек и светильников...

Этот сборник, подаренный Русаком, им и был оформлен. В сборнике стихи, может быть и не самого высокого качества, но предельно искренние – о германском плене, о ненависти к Сталину, о тревожной жизни в лагерях „Ди-пи“.

Среди поколения „Ди-пи“ почти не было известных писателей и поэтов уже публиковавшихся на родине. К немногим я отношу поэтов из разгромленной группы „Перевал“ Родиона Акульшина и Григория Глинку.

Родион Акульшин в эмиграции стал Берёзовым, написал интересную книгу воспоминаний, прославился на всю Америку „берёзовской болезнью“, о чём я сообщу ниже. Григорий Глинка выпустил интересный альманах „перевальцев“, стал активно работать в литературной критике эмигрантских изданий.

Выходили первые книги и публикации ещё на родине у молодых учёных Абдурахмана Авторханова и Николая Рутченко, стихи и рассказы у Бориса Башилова, Сергея Максимова, Владимира Юрасова. К дипийскому поколению можно отнести, с одной стороны, Ростислава Иванова-Разумника, известного критика двадцатых годов, прошедшего сталинские лагеря, в годы войны переехавшего в Германию, и в самом конце войны скончавшегося. Посмертно была издана его книга воспоминаний о страшных годах тюремного заключения.

С другой стороны, к ним примыкали и те одиночки, прорвавшиеся за границу с голосом правды в 20 - 30 годы, такие как Евгений Гагарин, автор первых книг о северных лагерях, сам выросший на русском Севере. Его лучшая хождественная книга „Возвращение корнета“ печатается сейчас в журнале «Слово». Сам Гагарин трагически погиб в Мюнхене в 1945 году.

Отношу к ним и Василия Криворотова, воевавшего с немцами в рядах американской армии и тоже попавшего в плен, где познакомился со многими советскими военнопленными. Позднее помогал многим избежать насильственной репатриации. Вырвались из России после лагерей ещё до войны братья Солоневичи и Виктор Серж. Вокруг Ивана Солоневича и его газеты «Наша страна» формируется в Аргентине один из центров второй волны эмиграции. Позднее начинает выходить альманах «Южный крест». Его ведущие авторы – Борис Башилов, Валентина Краснова, Февр и другие литераторы-дипийцы.

С 1946 года начинает выходить журнал «Грани» – ведущий орган второй эмиграции, в Мюнхене выпускаются альманахи «Мосты». Лидеры и вдохновители этих изданий: Сергей Максимов, Леонид Ржевский, Владимир

Юрасов, Борис Филиппов, Иван Елагин. Постепенно завязываются контакты с писателями первой эмиграции. Николай Нароков, Ольга Анстей, Иван Елагин, Борис Филиппов, Леонид Ржевский всё чаще печатаются в главных литературных органах эмиграции – в «Новом журнале» в США и в «Возрождении» в Париже.

Писатели-дипийцы, за редкими исключениями, следуют традиции русской реалистической школы – Толстого, Бунина и Чехова, почти не увлекаются модернизмом. Не случайно, и в эмиграции их поддерживали прежде всего писатели-реалисты – Иван Бунин, Иван Шмелёв, Борис Зайцев, Георгий Гребенщиков.

Иван Бунин, на похвалы скупой (недаром так хвалился Александр Твардовский благодарственными строчками Бунина в адрес „Василия Тёркина“), одобрительно отзывался о стихах Ивана Елагина и о романе Сергея Максимова „Денис Бушуев“ – „Это в традициях русского романа“, – писал И. Бунин.

И впрямь – перед нами галерея художественных образов, эпос послереволюционной жизни. Идёт коллективизация, рушатся судьбы людей, даже такая крепкая семья Бушуевых раскалывается, забирают в лагерь деда Бушуева, становится молодым советским литератором сам Денис Бушуев.

„Денис Бушуев“, как мне говорили многие, – был настольной книгой для молодой эмиграции пятидесятых годов. А ныне о романе многие не знают. Что случилось? Неужели неправ был И. Бунин? Неужели ошибался Б. Зайцев, когда писал предисловия к книгам Михаила Корякова и Бориса Башилова? „Вы – настоящий русак“ – писал о прозе Башилова Борис Зайцев. Может, в этом загвоздка?

Почему после пятидесятых годов, когда издательство им. Чехова впервые выпустило многие книги писателей дипийского поколения, их лучшие книги ни разу не переиздавались в эмиграции? „Денис Бушуев“ С. Максимова, „Неугасимая лампада“ Б. Ширяева, „Россия в концлагере“ И. Солоневича, „Мнимые величины“ Н. Наро-

кова, „Параллак“ В. Юрасова, „Между двух звёзд“ Л. Ржевского, „Атосса“ Н. Ульянова – весь этот золотой фонд второй волны не замечается эмигрантскими издательствами, хотя есть десятки гораздо менее значимых книг третьей эмиграции, уже переиздававшихся по три раза.

Тем приятнее осознавать, что мы сегодня, начиная публиковать дипийцев на родине – открываем их для всего мира.

Наконец-то встанут рядом на полках книги всех талантливых русских писателей, Николай Нароков рядом с Евгением Носовым, Борис Ширяев рядом с Шукшиным, Сергей Максимов – дипийский рядом с Сергеем Максимовым – сибирским.

Писатели-дипийцы рассказали равнодушному Западу правду о ГУЛАГе задолго до Солженицына, описали жестокость и суровость войны задолго до „Окопов Сталинграда“ В. Некрасова и всей нашей фронтовой прозы.

Правда о немецких концлагерях, известная нам по мужественным книгам Виталия Семина и Константина Воробьёва, сейчас углубляется, благодаря прозе Леонида Ржевского, Геннадия Андреева, Бориса Филиппова.

Выделим основные темы дипийской литературы:

Во-первых, это – темы их собственной жизни, это их трагический опыт. Прежде всего – опыт сталинских лагерей и тюрем. Рядом с „Архипелагом ГУЛАГ“ А. Солженицына, „Колымскими рассказами“ В. Шаламова, „Реквиемом“ Анны Ахматовой мы поставим „Мнимые величины“ Николая Нарокова, „Дело Тулаева“ Виктора Сержа, „Неугасимую лампаду“ Бориса Ширяева, „Соловецкие острова“ Геннадия Андреева, „Россию в концлагере“ Ивана Солоневича, рассказы „Тайга“ Сергея Максимова, „Из тьмы веков“ Владимира Бондаренко, „Завоеватели белых пятен“ М. Розанова – книги ужаса и скорби по погибающему народу.

И вновь удивимся тому, что Запад давно знал о злодеяниях сталинского режима. Знал и молчал. Знал и сотрудничал с режимом. Даже в годы так называемой „холод-

ной войны“, вся левая интеллигенция Запада поддерживала коммунистическую деспотию и отворачивалась от книг, подобных „Завоевателям белых пятен“ Розанова.

Конечно, по силе художественного обобщения, по яркости примеров и сравнений „Завоеватели белых пятен“ уступают солженицынскому „Архипелагу“, но с точки зрения документалистики, познания действительной правды – они равны. Кстати, и метод изложения схож, наверняка, прежде чем приступить к работе над „Архипелагом“ Солженицын читал книгу Розанова, как один из первоисточников.

Дипийские описания сталинских лагерей отличаются в выгодную сторону от вышедших у нас книг бывших узников, таких как „Крутой маршрут“ Е. Гинзбург, ещё и правильным пониманием лагерей, как порождения всей системы. Когда Е. Гинзбург и другие уверяют, что несмотря на все ужасы, они остаются стойкими коммунистами и верят в социализм, сводя всё к личным недостаткам Сталина, когда, как в „Детях Арбата“, плохому Сталину противопоставляется хороший Киров, остаётся недоумевать, почему эти последние произведения – Гинзбург, Рыбакова и т. д., переводятся на все языки мира, а гораздо более художественно и документально убедительные произведения писателей второй волны Западу неизвестны до сих пор.

В романе „Мнимые величины“ Нарокова, чекисты – по сути, главные герои. И они не так уж плохи, не злодеи с пороками на лице. Они любят, способны на жертвы, но они все – служат большевизму, они все – готовы решать задачи максимально быстрым способом. Они готовы и коммунистические идеи менять, кумиров свергать – во имя максимализма, большевизма, сатанизма. Не такие ли и сегодня рвутся у нас к власти, по-большевистски меняя идеи, хозяев, как бывший генерал КГБ Калугин, лишь бы не потерять власть? Все они служат мнимым величинам.

В „Деле Тулаева“ Виктора Сержа интересна другая версия – палачи и жертвы понимают неизбежность происходящего и во имя той партии, которой до конца служит и

Гинзбург, соглашаются с собственной гибелью. Мы – из железной когорты, говорит Сталину одна из его жертв, – но и ты из нашей когорты. Ты – один из нас. И чем дольше ты продержишься у власти, тем лучше для нашей идеи. Вот откуда – все добровольные признания показательных процессов. Они до конца – палачи и жертвы – служили одному делу.

Если о сталинских репрессиях писали не все литераторы второй волны (многие из них не успели ещё попасть в гулаговскую костеломку), то тему войны не обошёл ни один дипиец, они – поколение, рождённое войной.

Рядом с фронтовой прозой Василя Быкова и Виктора Астафьева, Дмитрия Гусарова и Юрия Бондарева, с поэзией Александра Твардовского и Виктора Кочеткова, Федора Сухова и Сергея Орлова мы поставим книги о войне – „Между двух звёзд“ Леонида Ржевского, „Параллак“ Владимира Юрасова, „Берлинский Кремль“ Григория Климова, „Солнце всё же светит“ Анатолия Дара, рассказы Виктора Свена, Геннадия Андреева, Владимира Бондаренко, единственного из литераторов второй волны прошедшего Карельский фронт и финский плен, книги стихов Ивана Елагина, Юрия Трубецкого, Олега Ильинского. Мы увидим другую правду о войне. Мы увидим незнакомую войну.

Интересно сравнить романы Юрия Бондарева „Игра“ и Леонида Ржевского „Между двух звёзд“. Начала – схожие – фронт, неразбериха первого года войны, попытка прорваться к своим, далее плен, который вовсе не виден у Бондарева и страшен, трагичен – у Ржевского. Герои остаются в Германии – и у Бондарева и у Ржевского. Но – проза Ржевского лишь высвечивает в послевоенном периоде героев – неубедительность Бондарева. Герой Бондарева женился на немке и потому там остался. Кто позволил? Англичане и американцы вместе с спецбригадами из „Смерша“ вытащили бы этого героя из тёплой постели и отправили в Сибирь. Как прошёл он своё „дипийство“? Как откупились, как обманули? Жил ведь и герой

Ржевского с немкой, но не так просто ему было избежать насильственной выдачи. Юрий Бондарев первым в советской прозе показал положительный образ героя из второй эмиграции, но будучи тоже приверженцем русской реалистической школы, он не сумел показать то, что сам не видел, не пережил.

Полезно сравнение „Блокадной книги“ Адамовича и Гранина с романом Анатолия Дара „Солнце всё же светит“, посвящённом трагическим дням ленинградской эпопеи.

Более контрастное сравнение, уже из „другой правды“. Герои Василя Быкова ставятся перед нравственным выбором – смерть или милосердие, умирающий лейтенант последней пулей хочет убить хотя бы немца-обозника, старика, мобилизованного по дополнительным призывам.

Герой рассказа Г. Андреева, партизан антикоммунистического отряда – тоже мучается – стрелять ли в одинокого бойца советской армии, разве он виновен в раскулачивании, в сталинской тирании?

Война. Впервые она будет показана и глазами власовцев. Смиримся ли мы с их правдой? Прежде чем рассказать о „их прозе“ – надо познакомиться и с их биографиями.

Борис Ширяев – приговаривался к смертной казни, заменена десятью годами лагерей. Сергей Максимов, Владимир Юрасов – молодые литераторы, начинали печататься в журналах – угодили в лагерь. Прошли сталинские застенки Николай Нароков, Абдурахман Авторханов, Николай Ульянов, Геннадий Андреев. За что им было любить своих мучителей?

Мы до сих пор называем их всех „изменниками Родины“, предателями, палачами. Но зададимся вопросом – мы что, народ изменников и палачей? Все пленные считались изменниками, и они знали об этом. В немецком плену погибло от голода, холода, болезней более 2 миллионов военнопленных. Для советской стороны – они были „изменниками“, для гитлеровцев „унтерменшами“, недочеловеками.

В разного рода соединениях и частях, от РОА до национальных батальонов, от „хиви“, до добровольных частей при немецкой армии, служило более миллиона наших соотечественников. Вот уж – откровенные „изменники“.

Но когда, на протяжении тысячелетней истории России, у нас находились миллионы изменников? На поле Куликовом? На Бородинском поле? Или на фронтах первой мировой войны? Никогда русский народ не числился народом предателей. Не пора ли честно и просто назвать эти события – **„продолжением гражданской войны“?**

А всех оппонентов, которые и сегодня числят дипийцев изменниками, я хочу спросить: Вы всерьёз считаете наш народ нацией изменников, готовых в любую минуту бежать на сторону врага? Любя свой народ, я так считать не могу. Может, ещё станет лишним доказательством нашего нерабства, доказательством массового сопротивления сталинизму – эта трагическая страница истории войны? „Против Сталина и Гитлера“ – не случайно назвал так свою книгу воспоминаний Штрик-Штрикфельд, и не случайно поддерживали власовское движение офицеры и генералы немецкой армии, позднее возглавившие заговор против Гитлера. Они видели сумасбродность и преступность проектов Гитлера и во имя интересов Германии делали ставку на союзную свободную Россию.

В любом случае, сегодня нужна правда об этих миллионах, * о массовых сопротивлениях репатриациям, о предательском поведении союзников, потакавших Сталину.

Я сейчас не собираюсь занимать какую-либо чёткую позицию, тем более, что коварство Гитлера оказалось сродни коварству Сталина. Борцов с большевизмом за свободную Россию Гитлер будто в насмешку отправил на

* В этом плане огромный вклад сделан А. И. Солженицыным, включившем в серию книг им выпускаемых и редактируемых – „Исследования новейшей русской истории“ (ИНРИ) – фундаментальную работу немецкого историка Й. Хофмана „История Власовской армии“. Книга эта на русском языке издана в 1990 году в Париже, издательством YMCA-PRESS. В «Вече» № 39 на неё помещена рецензия. *Ред.*

Запад воевать с союзниками. Они укрепляли Атлантический вал, служили в Норвегии, бороздили пески Африки в составе армии Роммеля. Части русских добровольцев сражались во Франции, отбиваясь от союзнического десанта, казаки воевали с партизанами в Югославии, бригада Каминского была брошена на подавление Варшавского восстания.

Это что – борьба за Россию? Разве с большевизмом боролись русские части, с отчаянием безнадежных, удерживая во Франции Шербург, давно покинутый немцами? Какой-то Брест наизнанку. Союзники, в конце концов взявшие Шербург, долго не могли понять, кто и почему против них так упорно сражался.

О Шербургском эпизоде мы можем прочитать в рассказах Г. Андреева, о казаках в Югославии – в рассказах Б. Ширяева, служившего в казачьих частях. В бригаде Каминского воевал Борис Башилов. И к тому же, именно в прозе дипийцев описана вся безнадежность попытки найти поддержку у немцев. Рассказы Анатолия Дарова, Бориса Филиппова, Бориса Ширяева на эту тему – пронизаны чувством отчаяния, одиночества, безнадежности. Об этом же стихи Ивана Елагина:

Мы живём зажатые стенами
В чёрные берлинские дворы,
Вечерами дьяволы над нами
Выбивают пыльные ковры...
Нас со всех сторон обдало дымом,
Дымом погибающих планет,
И глаза мы к небу не подыдем,
Потому что знаем: неба нет.

„Неба нет“ – это не атеистический мотив, это мотив отчаяния, тоски по небу Родины. В тоске по России писатели обращаются к исторической тематике – „Атосса“ Николая Ульянова, „Юность Колумба российского“ и „В моря и земли неизвестные“ Бориса Башилова, рассказы Николая Нарокова, Виктора Свена. Тоска соединялась с послевоенной неуверенностью, с уходами из лагерей „Дипи“, с укрывательством в лесах Баварии.

Пройдя советские и немецкие лагеря, многие не хотели идти по третьему кругу ада. Кто бросит в них камень? Они прекрасно знали, что их ждёт на родине. Они надеялись на великодушие Запада, верили обманным обещаниям.

История российского интеллигента, прошедшего всю войну, немецкий плен, и оставшегося на Западе – вот одна из главных тем дипийской литературы. Здесь и ширьевские книги „Ди-пи в Италии“ и „Я – человек русский“, автобиографическая проза Родиона Берёзова, „Освобождение души“ Михаила Корякова. Дипийство не прошло бесследно даже для таких утончённых поэтов, как Дмитрий Кленовский:

Все мы нынче, так или иначе,
Ранены стремительной судьбой.
Но пока один зовёт и плачет –
Говорит, к нему склоняясь, другой:
Брат! Да будет и тебе открыто:
Никакая рана не страшна,
Если бережно она обмыта,
Перевязана и прощена.

Александр Неймирок так и назвал своё стихотворение: „Ди-пи“:

Сиди, смотри из года в год,
Куда, в какую Гватемалу
Идёт бесплатный пароход...
Чужой язык. Слова на ветер.
Изо дня в день. Из часа в час.

Об угрюмом безнадёжье первых послевоенных лет пишет и Р. Берёзов:

Без родных, без средств, без языка...
Шумный город, все чужие лица.
Ветер. Дождь. Безвыходность. Тоска.

Когда десятки тысяч казаков, многих ещё из первой эмиграции, что вообще незаконно, из горного, далёкого Лиенца, штыками загоняли в эшелоны на отправку в Россию, многие кончали с собой. Этому посвящён цикл стихов Валентины Красновой „Лиенц“:

А над склонённую толпой,
Как символ скорби гробовой,
Струился чёрный флаг.
И говорил тот флаг без слов:
О твёрдой воле казаков
Здесь умереть в горах...

Подобная же Платлингская трагедия описана в романе „Параллак“ Владимира Юрасова. В альманахе «Южный крест» рассказана история о том, как один из дипийцев скрывавшийся от насильственной выдачи в лесах Баварии, нашёл там в дупле хорошо завернутую рукопись стихов на русском языке. Автор подписывалась „Мария С.“ Сейчас эти стихи публикуются в газете «День» и журнале «Слово».

А как романтична история, описанная в рассказе Виктора Свена, где герою помогает скрываться барон из обедневшего замка. Сколько рассказов, столько историй. Для того, чтобы остаться в Европе или уехать в Америку требовалось доказать, что ты родился не в России и подтвердить это признание под присягой. Всех остальных союзники безжалостно отправляли в Россию.

Может быть, в этом причина сознательной „приглушённости“ писателей второй волны – до сих пор. Война, показанная ими, не нужна ни Советам, ни Западу. Не хотят слышать правду о двух миллионах, отправленных в Россию. Не хотят слышать правду о своём равнодушии.

Уже в годы „холодной войны“ Родион Берёзов, поступив работать в престижный американский институт, признался, что он не Берёзов, а Акульшин, что родился он в России, но боясь насильственной выдачи, показал под присягой иное место рождения. Разразился всеамериканский скандал, и в пятидесятые годы сенаторам дела не было до того, почему американцы выдавали „дяде Джо“ рабочую силу для ГУЛАГа. Но этот русский обманул под присягой. Сенат потребовал насильственной депортации Берёзова. Вмешалась пресса, когда оказалось, что Берёзов не одинок. Этот феномен окрестили „берёзовской болезнью“. Берёзову удалось остаться в США.

Все эти художники и учёные, писатели и поэты, просто русские люди, когда-то угнанные насильно в Германию, взятые в плен на фронте, – сотни тысяч людей, ныне разбросанных по всему миру – от Австралии до Аргентины, от Канады до США, от Бельгии до Германии – не могли и не могут до сих пор приехать к себе на родину. Все они числятся „изменниками“, проходят чуть ли не по „растрельной“ статье, и сегодня их могут арестовать прямо в аэропорту. Может быть, пора в год пятидесятилетия начала войны объявить **Всеобщую Амнистию**, как было сделано с „афганцами“ – ведь амнистировали всех, в том числе тех, кто перешёл на сторону моджахедов. Большинство из дипийцев по всем законам ни в чём не виновны, скорее Родина перед ними повинна – пятнадцатилетними подростками, вывезенными в теплушках на работу в Германию, „остарбейтерами“, безжалостно наказываемыми за любую провинность – ведь это Родина не защитила их от плена, это наш солдат оставил сестру и невесту, младшего брата на „попечение“ оккупантам.

Даже те, кто виновен, давно понесли наказание перед Богом!

Ездит на Родину первая эмиграция, снуют туда-сюда „третьеволновники“, лишь перед дипийцами до сих пор заслон.

Не может поехать на могилу к матери известный публицист и издатель Олег Антонович Красовский, не может повидать родную Чечню Абдурахман Авторханов, мечтают о родных местах брюссельцы из Украины Евгений Древинский и Виталий Поповский, американцы Владимир Бондаренко и Григорий Климов, парижане Николай Рутченко и Юрий Жедилягин, жители Франкфурта-на-Майне Семён Мозговой и Владимир Флеров... Пусть приезжают не только книги, но и люди. Пусть художник Адам Русак исполнит свою мечту и напишет иконостас, оформит всё убранство в одной из возрождающихся церквей у себя на Родине. Пусть приедет с выставкой картин из Нью-Йорка дипиец Сергей Голлербах. Пусть выступит перед читателями на Родине Николай Моршен.

Пусть сбудутся мечты прекрасных русских поэтесс второй эмиграции – Аглаи Шишковой:

Родные угадывать шепоты
И слушать, как сердце стучит,
Как брагой вскипает, бродит в нём
Горячее слово – Родина!

Валентины Красновой:

Когда-то – да сбудется пусть –
Сердца снова счастье узнают.
И слово прекрасное – Русь
Над Родиной вновь засияет.

Они были необходимы Родине всегда. В нашей сегодняшней встрече на Родине с поколением „Ди-пи“ – признание их принадлежности к культуре родной земли. Об этом – проникновенные строки Ивана Елагина:

Не была моя жизнь неудачей,
Хоть не шёл я по красным коврам,
А шагал, как шарманщик бродячий,
По чужим незнакомым дворам...
Полетать мне по свету осколком,
Нагуляться мне по миру всласть,
Перед тем, как на русскую полку
Мне когда-нибудь звёздно упасть...

Они – часть нашей истории, часть нашей культуры, они – среди нас!

Кельн, 30 мая 1991 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Российского Национального Объединения в ФРГ

Верховный Совет Российской Федерации планирует провести с 19 по 31 августа с. г. в Москве Конгресс соотечественников, ставящий целью создание постоянно действующего Центра Российской культуры, который будет осуществлять широкую взаимосвязь с Российским Зарубежьем. Как отмечается в „Информационном сообщении о проведении Конгресса соотечественников“, он должен стать встречей „для тех, чьи предки давно покинули Родину или они сами были вынуждены оставить свою страну“, а председатель исполкома оргкомитета Конгресса М. Н. Толстой в своём Обращении к приглашаемым на Конгресс пишет: „Мы обращаемся к Вам с братским призывом объединить разбросанную по миру душу России, разбудить её национальное достоинство. Время возродить лучшие традиции Российской Государственности, объединить наши усилия во врачевании ран, нанесённых нашей культуре, традициям, совести за долгие годы Российской кровавой трагедии“. В предварительной документации Конгресса, рассылаемой различным кругам Российского Зарубежья исполкомом оргкомитета, много искренних, сердечных, тёплых слов, свидетельствующих о серьёзности намерений его инициаторов. Однако в этих словах отсутствует однозначное определение того, каким представляется организаторам Конгресса Российское Зарубежье, кто именно приглашается на Конгресс в Москву с

целью „напрячь ум и совесть для того, чтобы приблизить Возрождение России“, как пишет в своём Обращении председатель исполкома оргкомитета М. Н. Толстой.

Поэтому Российское Национальное Объединение считает необходимым отметить, что, объективно говоря, Российское Зарубежье представляет собой сообщество рассеянных по разным странам мира русских людей, не только „признающих Россию своей исконной Родиной или родиной своих предков“, как говорится в Обращении оргкомитета, но и сохраняющих в сердцах своих любовь к далёкой Отчизне, преданных историческим и бытовым традициям русского народа, болеющих его болями и радующихся его радостям, остающихся преданными тысячелетней христианской Православной Вере Святой Руси, построивших на чужбине тысячи православных храмов и духовно крепко связанных со своими православными приходами; гордящихся великими делами своих предков, но и искренне кающихся как за содеянные их предками, так и ими самими в прошлом грехи, за которые на протяжении десятилетий несёт Родина тяжелейшее наказание.

К этому Российскому Зарубежью принадлежат обитающие ныне за пределами России потомки участников братоубийственной гражданской войны, ушедших на чужбину (их самих, доживающих последние годы, осталось несколько десятков), а также те, ныне уже в преклонном возрасте, люди, которым посчастливилось бегством на Запад после окончания второй мировой войны избежать гебистской пули или многолетнего прозябания в ГУЛАГе, и, конечно, их дети и внуки, воспитанные в русском православном духе.

Российское Зарубежье постоянно получало пополнение, хотя весьма немногочисленное, за счёт тех русских людей, кому теми или иными путями удавалось бежать из страны, где осуществлялась безумно-пагубная идея построения коммунизма.

В Российском Зарубежье нашлись крупные творческие силы, внесшие огромный вклад в дело сохранения цен-

ностей русской науки, культуры, искусства, углубления и умножения их. В Зарубежье был накоплен значительный духовный и интеллектуальный потенциал, могущий быть использованным в процессе излечения Родины от чумы коммунистической идеологии.

Таково, говоря лишь очень коротко, Российское Зарубежье.

В последнее время делаются попытки пристегнуть к Российскому Зарубежью нечто, к нему не принадлежащее. Речь идёт о так называемой, в сущности самозванной, „третьей волне“ российской эмиграции, превратившейся, говоря образно, в делящийся уже третье десятилетие „прилив“ в западные страны переселенцев из России, принадлежащих в основном лишь к одной из этнических групп, составляющих российское население. В силу обстоятельств, среди этих переселенцев находятся и немногие русские люди: часть из них духовно и мировоззренчески примыкает к „третьей волне“, некоторые же, выехав из России, определили себя духовно принадлежащими к Российскому Зарубежью. У людей, составляющих так называемую „третью волну“, безусловно были веские причины, побудившие их покинуть Россию (официально – это, главным образом, стремление вернуться на родину своих предков, в Израиль), но эти причины не могут идти в сравнение с теми, что превратили миллионы русских людей после гражданской и второй мировой войны в беженцев. Самое же главное в том, что одни уносили с собой крупницы души России, а кто успевал и смог захватить с собою ещё и горсть родной земли в полотняной тряпичке, другие же, особенно их интеллектуальная элита, привезли с собой на Запад откровенную неприязнь к России, к русскому народу и стали в странах их нынешнего проживания носителями и распространителями русофобии.

Назвавшись „русскоязычными“ и тем демонстративно проведя чёткую разграничительную черту между собою и русскими людьми, те из переселенцев из России последних двух десятилетий, кто получил в ряде высших учеб-

ных заведений и университетов, в средствах массовой информации, в общественных организациях, в государственных и даже правительственных учреждениях западных стран различные, подчас руководящие должности, используют своё служебное положение для распространения домыслов о том, что якобы только русские, извратив коммунистическую идеологию, повинны во всех бедах, обрушившихся в нынешнем столетии на их Родину, и именно русский народ, отягощённый наследственно порочным сознанием и извращённым мышлением, представляет смертельную опасность для Запада. Та же анти-русская позиция отмечается и во всех „русскоязычных“ печатных органах, издаваемых за рубежом, при массивной финансовой поддержке соответствующих западных кругов, представителями „третьей волны“.

В то же время, как это ни парадоксально, интеллектуальная элита „русскоязычных“ и, так сказать, „примкнувшие к ним“, повсеместно пытаются выступать от имени Российского Зарубежья. Так, в последние годы, используя вызванную перестройкой и гласностью перемену политического ветра на Родине, „русскоязычная“ творческая элита проявляет активность в деле организации зарубежных встреч с живущими в России писателями и публицистами, даже с так называемыми „деревенщиками“, декларируя эти встречи как налаживание духовных связей между деятелями русской культуры и Российским Зарубежьем, самозванно выступая от имени последнего. Последний пример тому – недавняя „западно-восточная встреча“, состоявшаяся осенью 1990 года в Риме, на которую не был приглашён (как и на все предыдущие, впрочем) ни один представитель Российского Зарубежья, хотя посвящена она была обсуждению путей преодоления противоречий и разобщённости творческой интеллигенции на Родине и за рубежом.

Можно привести много других примеров, свидетельствующих о настойчивом стремлении деятелей „третьей волны“ оттереть в сторону Российское Зарубежье, подменить его собою, выступая самозванно от его имени. Соз-

даётся ложное представление, укрепляющееся множеством соответствующих публикаций в определённых органах советской печати, будто бы так называемая „третья волна“ – это и есть Российское Зарубежье, происходит подмена одного понятия другим, перенесение внимания с одной общественно-политической реальности на другую.

В преддверии созыва Конгресса соотечественников, в связи с вышесказанным, возникает опасение, что Конгресс этот может практически превратиться во встречу, НЕ служащую укреплению „связей между россиянами, живущими на территории России и за её пределами“, как это сказано в „Информационном сообщении“, а во встречу, служащую укреплению связей лишь между определёнными группами россиян. Говоря прямо и открыто, учитывая опыт последних лет, можно предполагать, что отличающаяся общественной и политической напористостью, интеллектуальная элита „третьей волны“ приложит максимум усилий для того, чтобы, так сказать, оседлать Конгресс соотечественников, превратить его в свою трибуну и использовать это российское мероприятие в своих интересах и целях. Обоснованность такого опасения подтверждается тем же „Информационным сообщением“, в котором указано, что намечено назначение председателем жюри конкурса на создание памятника жертвам гражданской войны – Эрнста Неизвестного.

Не только в Российском Зарубежье, но и в русских патриотических кругах на Родине по многим причинам эта кандидатура не может быть одобрена. Указание же на неё даёт повод для предположения, что существует замысел привлечь к решению важных, принципиальных русских вопросов и проблем на Конгрессе деятелей „третьей волны“, не имеющих никакого отношения к Российскому Зарубежью. В таком случае участие в Конгрессе представителей этого зарубежья представляется более, нежели проблематичным, ибо оно может превратиться в прикрытие действий противоречащих русским национальным интересам.

Поэтому мы обращаемся к устроителям Конгресса со-

отечественников с настоятельной просьбой уточнить и однозначно сказать, о каком Российском Зарубежье идёт речь в предварительной документации Конгресса, предусматривается ли участие в нём представителей русской эмиграции совместно с представителями „третьей волны“. Ответ на этот вопрос имеет существенное значение, ибо он позволит заранее определить не только направление работы Конгресса, но и его конечный результат, а следовательно, и принятие решения лицами на него приглашаемыми, об участии в нём.

**О. А. Красовский,
председатель Российского
Национального Объединения
в ФРГ**

15 мая 1991 г. МЮНХЕН

В. Астафьев

С карабином против прогресса

Прошлым летом я проплыл по Енисею от Красноярска до Диксона. Поездка на комфортабельном туристском корабле дивная, однако совершенно бездеятельная, и это не для меня. Но если нет дела ногам и рукам, глаза-то видят, ухо слышит, память работает.

И светло, и грустно было у меня на душе.

Первый раз в северную сторону я плыл на пароходе „Ян Рудзутак“, который и до того, и после переименовывался не раз, дни свои окончил под именем „Мария Ульянова“. Говорят, что какую-то часть пути по Енисею в проклятую царскую ссылку Ленин проделал на этом пароходе, в отдельной каюте, на корабельной койке с простынями. В годы великих строек на этом же судне, как свидетельствуют бывшие многочисленные советские невольники, и в частности старейший наш писатель Олег Волков, – „человеческий материал“, в том числе и политзаключённых, возили уже насыпью в железных трюмах, пропахших солёной рыбой, и, случалось, трусливый конвой до самой далёкой Дудинки, расположенной на высоком и воистину „диком берегу“, не выпускал подконвойных на воздух – круг замкнулся, но „Ульяновы“ везли нас в разные стороны.

В ту пору „Ян Рудзутак“ отапливался дровами, и был он весьма прожорлив; сутки шёл, полторы забивался дровами, так что времени полюбоваться природой и ознакомиться с жизнью северной стороны было вдосталь.

Увы, тогда в середине тридцатых годов северные енисейские земли выглядели более обжито и возбуждённо, нежели нынче. А вот горевать об этом или радоваться этому – я не знаю.

В последние годы, во времена величайших парадоксов или катаклизмов – одно из любимых ныне обиходных словечек – порой уже чёрное выглядит белым, безнравственное нравственным и наоборот. Не раз и не два за рубежом показывали мне магазины и музеи, забитые нашими духовными ценностями. В вашингтонской картинной галерее директорша крупнейшего нашего достопочтеннейшего музея показывала мне целые залы, заполненные бесценными русскими иконами, картинами, прикладными видами искусств и, горюя, заключила: „Плакать бы надо, а я хоть и не радуюсь, но мирюсь с этим – здесь всё это бесценное добро сохранится для человечества, а у нас? Вы бы заглянули в наши запасники...“

Вот и я, глядя на пустынные енисейские берега, на взлобки в устье звонких речек, украшенные завалившимися скелетами изб, заросших бурьяном, поражался ещё раз тому, как умело, можно сказать, роскошно ставились российскими переселенцами сёла и станки по Сибири. Мало им большой реки, непременно ещё в устье речки, а то и двух, шевелящих бурным устьем надменные воды Енисея отыщут, заселятся обязательно напротив островов с буйными выпасами, набитыми по обережью ягодниками, с песчаными и галечными приверхами и осерёдками для нагула рыбы, а за околицей села кедряки и боры, набитые орехом, ягодой, грибами, диким мясом и пушниной. Отчего, почему ушли с этих изобильно-сказочных мест в ад современных городов наши поселяне? Читайте газеты и книги „деревенщиков“-писателей – там есть ответ.

Однако же не бывает худа без добра, да и добра без

худа. Может, хоть таким вот, как всегда у нас, очень хитрым и сложным манером мы сохраним для потомков часть пашенной земли, тайги, тундры, реки, озера?

Не скрою, такие мысли приходили ко мне и в пустыне Гоби, роскошно, по-весеннему цветущей в сентябре, в обезголосевшем Северо-Западе России, в Эвенкии, простиравшейся от Енисея до Лены, и вот на родном Енисее, на всём почти трехтысячекилометровом его пространстве, от Монголии до Диксона. Что делать, если мы сами под себя гадим и скорее убегаем с загаженного места. Коли, как сказал Хольман фон Дитмар на Варшавском конгрессе сторонников мира: “Если б кто-то из космоса посетил нас, нам бы с трудом пришлось убедить пришельца в том, что человечество ещё не совсем спятило...”

Но это говорилось десять лет назад, и за это время человечество весьма и весьма преуспело в продвижении в сторону сумасшествия. Думаю, что в движении сем, не делающим чести существу под названием ЧЕЛОВЕК, мы, жители Великой, в убожество впавшей державы, по масштабам разрушения природы и самих себя занимаем отнюдь не почётное первое место, идём в авангарде, так сказать, движения к краху и полному банкротству.

Но чуден, всё ещё чуден Енисей летней порою! Есть по его течению места, когда сотни километров, словно на фантастической киноленте, сменяются виды один прекраснее другого: вот версту-другую, забредя в реку по грудь, стоят могучие утёсы, быками их здесь зовут, по утёсам где гривы леса, где отдельная сосёнка, частью корней, а то и одним корнем уцепившаяся за родной камень, и по каждой проточине, по каждому распаду ворохи кустарников акации, жимолости, таволожника; по всем утёсам кипень цветов примулы, жарков, лилий, орхидей, среди которых золотыми самородками светятся красодневы. Увидев эти красодневы в Колумбии, я, помнится, заорал от счастья, будто самое себе родное узрел, и всех заверял, что эти в желтый рупор кричащие цветы неведомым путём попали сюда из Сибири, и хотя меня заверяли, что, пожалуй, всё было наоборот, я упорно не согла-

шался с вескими доводами и со всякой ботанической наукой.

Сразу же за обвальными, реку стеснившими скалами – сосновый бор, прямо и плавно к реке подступающий, либо луг, просторно, в наклон, расцветшими волнами захлестнувший берег. Даже на Севере, в Заполярье, среди болотистой низменности, перебрасываясь с каменного высокого берега к наволошному, низкому, Енисей не утомителен, не однообразен. Он здесь, в северной-то вольности более тих, добродушен, светел и приветлив, так и зовёт он, манит взор заглянуть дальше, дальше, уплыть за край земли, за мерцающую кромку, где синими отводами светятся, но не сходятся берега, уходящие в небо, в просторы уже неземные.

И сколько бы ты ни плыл, ни ехал, в какую бы даль ни заглянул, меж камней и скал по оподолью берегов и лугов, по островам и косам валяется лес, превращённый в древесину. Валялась та древесина в тридцатые годы, валяется и поныне. Пассажиры и команды судов возмущаются, впадают в удручение, ведь нет бумаги, не из чего делать мебель, на юге десятки тысяч домов ждут „деревянную фурнитуру“, отапливаться нечем. Но они, проплывающие-то, видят лишь „свежѐ“, то есть древесину нынешнего поруба и сплава. Если же заглянуть за боровки берегов, в прибрежные заросли, в водяные отноги, в старые русла, высыхающие летами, там вы обнаружите залежи леса многолетней давности. Туда высокой весенней водой река стыдливо прячет грехи нашей родной лесопромышленности. И что интересно, там, в гнусом кипящем „зажердьѐ“, в захлѐстнутых пыреем и дудочником низинах можно повстречать внакрест, многослойно лежащие, уже догнивающие, и только-только заповревшие – сосну, ель, кедр в два-три обхвата объѐмом, а навстречу теплоходу, где и в обгон (попробуй, пойми логику и причудливость нашей экономической мысли!) прут на железных палубах тупорылые самоходки, пустотелый, в кулак толщиной пихтач, осину, вот уже и берѐзник потартали – повыпластали, погноили, пожгли, шелкопряду и разной

лесной твари стравили промышленные-то сибирские леса ретивые хозяева лесов и недр. Леса русские большей частью уже существуют только на старых картах и в отчётных бумагах наших доблестных руководителей страны и не менее доблестных лесопромышленников, ведущих нас всё быстрее и быстрее... – вот чуть не написал привычное – „в светлое будущее“, – да уже устала рука это писать, а глаз – читать.

Не раз и не два думалось: вот ежели бы всю древесину, брошенную и погубленную только по берегам Енисея, обратить в денежные купюры, мы бы, как в траве, по пояс в сотенных купюрах до самого Карского моря брели, в тех ещё, не обесцененных и не хитро обмененных сотенных. Кстати, и в Карском море, в проливе ледоколы часто пробивают путь не во льдах, а в брёвнах. И грех вроде бы так думать, но всё же и хорошо, и ладно, что ушли с берегов-то, побросали дома – современные насельники, лишнее не срубят, окончательно тайгу недопалят, рыбу аммоналом не доглушат, мелкой сетью не выгребут, зверя не порешат, может, чего и ребятишкам останется. Мы их и без того уж так ограбили, обобрали, что жить им дальше совсем нечем становится, жрать нечего. Мы-то хоть за границу ещё лесишко, пушнину, ту же рыбёшку да нефть и газ загоним, а им-то чем спастись, чего продавать, чего менять? Свои мозги и рабочие руки? Или уж на колени становиться и милостыню Христа ради просить? Да они сплошь уже безбожники ни во что не верят, в том числе не особенно надеются, что их от прогресса натерпевшиеся, в городах настрадавшиеся отцы и матери вернутся на сии берега поумневшими.

Поразбросавши добро, расторговавши ресурсы, потерявши себя на пути к мировому коммунизму, советский человек начал метаться, взыскивать сил небесных и чуда, и на хорошего царя надеяться, под шумок грабя ближних и потроша ближнее ради сиюминутных благ. Хорошо бы, чтобы они, эти блага, с неба свалились. Да закоптили мы и запакостили небо, сквозь промышленный дым и душевный мрак ни Божьего лика нам не видать, ни гласа небес-

ного не слышать. В пустыне живём, в бездуховной, бескормной, безводной, а пустыню ту сами творим...

Осенью прошлого же года я попал в таёжный уголок, который и для нашего, богатого, местами ещё и роскошного края – редкость.

Есть в Сибири приток Енисея под названием Сым. Река эта начинается с Приобской низменности, в Енисей впадает между крупными сёлами Ярцево и Кривляк, а навстречу ей, от Енисея к Оби неторопливо течёт братец Тым. На Тyme я не бывал, а на Сyme поосеневал уже дважды, и хотя удивить меня уже трудно, всё же подивился причудам и фантазии природы.

Сым то бурно в перекатах, то успокоенно, почти сонно в плёсах, течёт среди белых чистых песков. И все прилегающие к Сыму пространства состоят из этих вот песков и болот, образовавшихся по поймам иссякших рек и высохших озёр. С вертолёта очень хорошо видно, как тут трудно возникала и укреплялась жизнь. Леса, в основном сосновые, реденько стоят как бы во вскипевшей пене – это белые мхи, на сотни вёрст здесь покрывающие лесотундровые пространства. И лишь по берегам реки Сым, его притокам, по низинам старых русел и пойм, по сырым пластушинам бывших озёр смешанно стоят, украшая землю, смешанные леса, охваченные таким ярким буйством, что глаз от него не оторвёшь. Всё-всё, что происходило и происходит со здешней землёй, весь её путь в жизни, борьба за жизнь, очень нелёгкая, читается сверху будто по ученическому букварю. Лесок по берегам рек и в ближнем отдалении скособочен, полуободран, полусух, сосенки сплошь тихонькие, покрытые по стволам серыми лишаями, ещё в детстве впавшие в старушечий возраст, веток на них больше голых, чем с хвоею. Но они, эти старухи подросткового вида, стоят и веками несут нужную земле службу, закрепляют пески корешками, удерживают сыпучую почву, и, глядишь, меж ними возросли мхи, по мху ягодники, взнялась пышнотелая зелёная сосна, мятежно взнявшись надо всей мелкотой – царица здешних земель. Но и это диво ещё не самое дивное. На пес-

ках сыпучих случается многовёрстный бор из таких вот царниц. Просторно стоят чистые, жаровые сосны, одна другой пышнее, осанистей. Их не много по Сыму, таких вот достославных сосновых боров, как во сказочной светлице, бело и чисто поотдолью убранных ковром расстилающегося мха, а по нему, по мху-то, в середине лета будто насыпаны кем-то меж сосен белые грибы; к осени ближе – свадебным одеялом покрывается подножие сосен, алые боры задыхаются от зоревоего ягодного жара.

Вся лесная жизнь, птица, зверёк малый и большой – жмутся к бору, кормятся от него, им спасаются, люди строят, точнее строили жильё из сосняка, рубили бани, стойки для скота, пилили доски.

Но вот и промышленники добрались до сих ранимых мест, начали валить здешние боры на экспортную продукцию. Понятно, нужда заставила, острая потребность в первосортном лесе на Сым-то заготовителей загнала, в других, более доступных местах спелые леса сведены под корень, вредителям стравлены, сожжены, утоплены, брошены.

Во-он, под брюхом вертолёта оголённая белая жила – это проложенная лесозаготовителями дорога. Извилист, неверен, крючкотворен и губителен этот путь: едут машиной, куда ехать нельзя, гребут, чего трогать природой возбранено. В нём, в этом пути, как на военной кальке для стрельбы пушек на поражение, отчётливо прочерчена пагубная деятельность новоявленного, передового общества. Вперёд, вперёд, всё вдаль и вдаль, в темь лесов, в болота, в гиблую трясиину, хватай, гребь, шуруй кто во что горазд, потом разберёмся, что к чему, а пока все тут хозяева, всем надо план выполнять прокорма ради, и всем на землю эту, как и на все родные земли, наплевать. Ничья земля. Бросили её и она перестала быть родной. А эту вот, сымскую-то, безгласную-то, безлюдную-то и вовсе не жалко. Где её хозяева? Жили, говорят, тут какие-то бойё, да пропали, видать, спились, заблудились на вилючей дороге социализмы, идя ко всеобщему братству и просвещению.

И очень даже было удивительно, просто до слёз обидно и властям, и лесозаготовителям, и налётному люду, когда на порубежье Сымского бора, на берегу какой-то плёвой речушки Иштык встали с ружьями и карабинами какие-то людишки и прервали дальнейшее победоносное шествие нашей настырной лесопромышленности, ведущей кривую дорогу, в потайку вознамерившуюся строить мосты, опорные базы, лесопункты.

Живы, оказывается, косоглазики! И, мало того, стрелять ещё не разучились, и оборонять себя и свою землю готовы, раз никто их не обороняет, а все только преобразуют, светлое будущее сулят. Последнее время, правда, не сулят ни светлого будущего, ни продовольствия, ни школ, ни книг, ни табаку, ни пороху.

Удивились лесозаготовители, отступили. И тут-как-тут новые отряды строителей и покорителей, новые заботливые посланцы страны социализма – на этот раз разведчики недр. Они давно уж рыскают по Эвенкии и по прилегающим к ней окрестностям в поисках газа и нефти. Дело, видать, худо. Погублены огромные площади в Тюменской и Томской областях, истреблено, пролито, сожжено, продано – миллиарды тонн нефти и газа. Пропиты, прожраны, украдены миллиарды (!) вырученные за браконьерски, преступно, хищнически выхваченные богатства из российских недр. Сладко во гробе спят вожди мирового пролетариата, радетели и благодетели наши: Хрущев, Брежнев и примыкающие к ним, горько наше похмелье, отпелись мы жизнерадостно: „идём всё шире и свободней, растём всё дальше и смелей, живём мы весело сегодня, а завтра будет веселей“. Веселей уж дальше некуда. Особенно весело бывает, когда в Кремле присуствуешь на Съезде депутатов СССР, пуще того весело, когда смотришь по телевизору действо, именуемое Съездом российских парламентариев.

Не научились мы за семьдесят-то лет ни разумно заседать, всё за нас мудро думали и решали „тама“; ни полудски хозяйствовать, хотя признаться в этом стыдно и обидно; зато рвачествовать, браконьерить, самих себя

обжуживать так мы натерели, что уж могли бы в столице нашей Родины школу передового опыта всего честного мира открыть.

Но кто же признается, что вот на Сым, в эту ранимую, невинно чистую природу люди вламываются со злыми корыстными намерениями? Нет, как всегда у нас, только для того, чтобы облагодетельствовать, сделать нас ещё счастливей и богаче.

Но народ-то, народ-то уже во все эти словесные блага не верит, он уже наслушался сказочек. И сопротивляется, как может. Уметь-то ещё не умеет, организованной борьбе лишь учится, но для сопротивления внутренне созрел, вот и митингует, чаще, правда, „права качает“ на кухне, с женой вдвоём и шепотом – на всякий случай, но, как видите, иногда уж и из леса выходит, даже с ружьём.

На Сыме, на всём протяжении реки, а это семьсот с лишним километров, после всех социалистических преобразований, жестокой расправы над старообрядцами и преображением жизни малых народов, осталось одно лишь поселение – Сымская Фактория.

Живёт в посёлке 130 человек: кэто, эвенки, русские. Про население это на недавнем совещании, проходившем в Сымской Фактории, в присутствии заместителя председателя крайисполкома Абакумова и районного начальства, записано в протоколе вот что: „Социально-экономическое положение коренного населения территории Сымского сельсовета находится на низком уровне. Обеспеченность жилплощадью – 6 квадратных метров на человека, жильё ветхое. Объекты социальной сферы находятся в приспособленных старых помещениях, медицинское обслуживание населения неудовлетворительное, нет в продаже товаров первой необходимости“.

Ну, словом, если протокол этот продолжить – выйдет про всю Россию. Везде у нас ныне, как говорится, клин да яма. И судорожно, как всегда, ищутся методы спасения от прорух давних, и как бы вновь непонятным образом накопившихся, и неожиданно на наши буйны головы свалившихся. А они заложены в самой системе нашего хозяйство-

вания: под них подведены научные основы, теоретические и практические выкладки сделаны, планы составлены, виды на всеобщее процветание нарисованы, высоких слов океан потрачено, хлопок изведён на полотно для лозунгов. Что же – так вот запросто взять и попуститьсь всем этим багажом? Покаяться в банкротстве? Попросить у народа прощение и начать вместе с ним всё сначала?

Нет уж! Дудки! Совсем это не в духе коммунистической морали. Она всегда дерзновенно наступательна!

Вот и отыскиваются привычно и ловко новые мифические виновники, прежде враги народа, ныне демократы, пресса и какие-то силы, на которые нам намекают, но не говорят про них, должно быть испугать боятся, нервы и покой наш берегут радетели-отцы.

Енисейский район, на территории которого находится Сымский сельсовет, да и сам город Енисейск, – попали в очень крайнюю экономическую ситуацию. Возникший рядом, за рекою город Лесосибирск – прежнее название – Маклаково – корябало, видать, нежный слух преобразователей и покорителей Сибири народом данное историческое имя селения, они и подогнали его под привычное, стандартное. Есть уже в Красноярском крае, кроме Лесосибирска, Дивногорск, Сосновоборск, Снежнегорск – экая удалая фантазия! Экий вкус! Экая эстетика! Так вот, Лесосибирск с железной дорогой, мощной лесопромышленностью, не просто ушиб, но прошиб и без того впавший в запустение достопамятный город Енисейск, когда-то являвшийся центром Енисейской губернии.

Мало того, что в нём перестали существовать многие промышленные объекты, так обобрали город и в житейском смысле, взяли, например, и перевезли к соседям педагогический институт, который был тут не просто учебным заведением, но был временем утверждённой, к месту основанной научной организацией, духовным центром всего енисейского Севера, к которому, естественно, примыкали и исторический облик города с его, пусть и разрушенными храмами, монастырями, местами и домами, связанными с жизнью декабристов, промышленников,

купечеством. В Лесосибирске же институт стал просто ещё одним безликим пролетарским уч. заведением.

За последние десять-пятнадцать лет, несмотря на одностороннее преобразовательное движение, благодаря которому расцвела сажень, дымами, заражена радиацией и всяческой химической отравой моя родная сторона от дуром ломящейся в глубь Сибири тяжелой промышленности, в городе Енисейске сделано много для восстановления его исторического облика, да и быта горожан. Выглядевший будто после давнего, ещё в гражданскую войну происшедшего массированного артобстрела, пусть скромно, но город прибран, обихожен, хотя сделать здесь предстоит ещё очень и очень много. А где средства брать? Кто и чем платить будет? Коли „за красоту людей живущих, за красоту времён грядущих мы заплатили красотой“, – как с пафосом сказал поэт, тоже, кстати, сибирский родом.

Вот и ищут руководители района возможности пополнить бюджет города и района. Купчишки-меценаты, толстосумы-золотопромышленники, что радели о городе и чадах, его населяющих, благодаря революционному усердию перевелись, у других городов, в том числе и у краевого центра, свои заботы. И какие! Многие заботы края уж впору бедами бы назвать. Я это знаю, как давний, пусть и молчаливый, но зато внимательно слушающий депутат.

Районным властям вроде бы предоставлена самостоятельность, но очень напоминающая ту, когда ребёнку, научившемуся ходить, родители говорят: „Иди!“, а за пояс его – на всякий случай – держат; или, уча плавать, бросят в реку с наказом: „Выплывешь – хорошо, а не выплывешь...“.

Изначально не наученные мыслить и хозяйствовать самостоятельно местные власти из руководителей и направителей часто превращаются в мелких дельцов, а то и просто жуликов. Сейчас в районах края, особенно в лесных, действуют сотни каких-то пришлых контор, кооперативов, заготовительных организаций. Особенно

много их в лесу. Забравшись в тайгу заготавливать некондиционный лес, горельник, бурелом, они пластают кедрачи, забираются в лесопромышленные деляны, вырубают, точнее, истребляют деловую древесину под носом у лесопромышленных предприятий края, ибо приезжают с вином, с мешками денег; следом за добытчиками леса саранчой ползут по краю черненькие шустрые жуки с порнофильмами, с записями блажащих блатняков – новаторов от искусства, с ковриками на клеёнке, с медными брошками, излаженными под золото, с наркотиками, напитками, цветочками, тайными увеселениями, ну, словом, всё, как во времена Джека Лондона на Клондайке.

Мало нам киноваханалий на государственных экранах, так ныне запросто на дом доставляются увеселения, богатства и роскошная жизнь. Вот продуктов, правда, нету, очереди за ними всюду, и в месте ссылки Владимира Ильича, в селе Шушенском, тоже, а село, кстати, находится в благословенной Минусинской впадине, по солнечной активности и здоровому климату равной Кисловодской впадине, той самой, что слывет всесоюзной здравницей. Знал наш царь-батюшка, куда ссылать своих врагов, на ответную благодарность, видать надеялся, вот его и отблагодарили!

В дореволюционные времена и в двадцатые годы, когда были развязаны руки сибирским крестьянам, здесь, в минусинской стороне, выращивали фрукты, арбузы, хлеб, мясо, молоко не знали куда девать, плавил летом вниз по Енисею на плотках, зимою везли за многие сотни вёрст обозами на красноярский базар. Ныне в Шушенском жители первыми в крае начали получать по 400 граммов хлеба на едока. Меньше, чем в войну. Допреобразовывались! Метнули луч света из дореволюционной ссылки мятежного вождя, и озарил он нам все наши достижения и завоевания.

Я не знаю, есть ли в Енисейске и его окрестностях лесожучки с мешками денег, с бочками вина, но нефтегазоразведчики с обещаниями и посулами пожаловали. Мне довелось ходить по следам „передовых отрядов“ – развед-

чиков недр в Эвенкии. Не просто удручение, оторопь берёт при виде того погрома, который они оставили за собой. Видел и знаю об этом не я один. Зверопромысловики, работники енисейских контор и предприятий, жители пусть и отдалённых районов, ныне тоже радио слушают, где и телевизоры смотрят, газеты читают, общаются между собой. В охотничьей избушке, где мы собрались прошлой осенью, такие ли политические дебаты разгорались, что уж и базарному российскому съезду депутатов в зависть бы.

Одним словом, не веря в силу народную, да ещё такую малую, как на Сыме, забыв о том или сделав вид, будто не знают, что по постановлению Совмина за номером 126 и Сымский сельсовет считается национальным, значит, чтобы чего-нибудь тут, на его территории взять, изъять или делать – надо просить разрешение, тем более разрешение требуется, когда речь идёт о жизненно необходимых землях и угодьях – здесь, по Сыму и вдоль Сыма – основная база Ярцевского промхоза и лесосибирского рыбозавода по заготовке ягод, грибов, мяса сохатых и оленей, рыбы, пушнины. В случае положительных результатов с разведкой и строительства нефтепровода из фондов края изъято будет 6700 (!) квадратных километров тайги. Да ведь это пока всего лишь предварительные подсчёты, реальные будут выглядеть форменным разбоем, как это получилось с Великими гидростанциями на Енисее, сулившими сплошные выгоды и благоденствие сибирякам, на деле же обернувшимися климатическим бедствием, разорением края, гибелью природы и пашен, столь ныне нам необходимых для прокорма.

Вот и забеспокоились жители не только Енисейского, но и других прилегающих районов. Население крупных приенисейских сёл – Ярцево, Кривляк, Майское, Ворогово – выступило с решительным протестом против работы нефтегеологоразведчиков, требуют обсчитать, во что обойдётся и обернётся разведка, дать экономически обоснованные доводы и социальные гарантии защиты местного населения.

В Сымском сельсовете состоялась бурная сессия, не первая и не последняя, на которой присутствовали районные и краевые власти, а также начальник Илимпейской геофизической экспедиции Лапшин и главный инженер Дашкевич, в порядочности которых, как специалистов, я совершенно не сомневаюсь, но в гражданской их опрятности есть все основания сомневаться, и не у меня одного. Правда, выступили они на Сымской сессии очень человечно, я бы сказал, даже честно: „У нас, у геологов, есть что-то общее с вами – охотниками: ищем то, чего никто не потерял“, – говорил на сессии начальник экспедиции Лапшин, и далее, зная, что собрание ведаёт об уже многомиллионных затратах, убитых на предварительные разработки, прямо заявил, что каждая буровая обойдётся этой земле в 4-5 километров убыли, а всего надо развернуть двадцать скважин, что весь процесс продлится года два, но что-де так варварски вести буровые работы, как их вели в Тюменской и Томской областях, нельзя. „Мы обещаем другой подход, обеспечим строгий инженерный контроль“, и что „вы всегда можете проверить и остановить бурение“, но нефть и нефтепровод краю необходимы. Однако, пока все мы „делим шкуру неубитого медведя – ещё неизвестно, найдём мы тут что или не найдём“.

В Байкитском районе, как и в других районах Эвенкии, эта экспедиция ничего пока не нашла, землю же северную разгромила на многих обширных площадях. Есть и ещё один тяжкий, неискупимый грех за бравыми разведчиками – в крае они произвели более десятка атомных взрывов в глубоких разведочных скважинах и скрыли это от народа, населяющего Сибирь. Какие последствия будут от этой губительной, жульнической, преступной деятельности, ещё неизвестно.

Имел ли отношение к этим, тайно совершённым преступным работам начальник Илимпейской экспедиции товарищ Лапшин и главный инженер той же экспедиции, кандидат геолого-минералогических наук тов. Дашкевич, а также руководители Красногорьевской нефтегазораз-

дочной экспедиции, которой и поручены работы на Сыме? Если да, то их и на пушечный выстрел за обман и бесчестие нельзя к тайге подпускать. Стыдно им, должно быть, глядеть людям в глаза и лезть на трибуны с благостно-успокоительными заверениями, тем более что в то время, когда они их делали, на речку Иштык продолжали лететь и лететь вертолёты с оборудованием для буровой...

В большой статье, напечатанной в газете «Енисейская правда», которую хочется похвалить за её принципиальную, твёрдую и объективную позицию в этом, не вдруг возникшем конфликте, товарищ Дашкевич, как и его начальник Лапшин, тоже много говорят о пагубной деятельности тюменских и томских нефтянников, никто, дескать, и не собирается повторять их варварских методов, всё, дескать, тут, на Сыме будет „под жёстким контролем, но работы вести по-зарез необходимо, без нефти, без газа нам не жить, к лучине и бечеве возврата нет“, есть, мол, и в Сибири приятные исключения, например, строительство Академгородка в Новосибирске.

Не знаю, как товарищ Дашкевич, но ведаю, как далось строительство городка, где были сохранены деревья, рощи, флора и фауна, академику Лаврентьеву. Надев кирзовые сапоги, забросив все свои науки и семью, он, уже пожилой человек, ходил по строительным площадкам и начальников участков, прорабов, мастеров, привыкших работать удало и размашисто, гнал в бригадиры, каменичники, землекопы за погубленное, без надобности сваленное дерево. Какого напряжения, какой силы и упорства потребовала эта вынужденная деятельность от distinguished академика, замечательного человека. Может, он и не дожил свою жизнь из-за неё, не доработал в науке всего, им намеченного...

Готовы ли вы, товарищи Лапшин и Дашкевич, к лаврентьевскому самопожертвованию, к неусыпной хозяйственной деятельности на новоразведочных площадках? Я сомневаюсь. Много у меня и у всех жителей моего родного края оснований для подобного сомнения.

Вот в той же статье сами вы, товарищ Дашкевич, прямо говорите, что „за 35 лет работы я много насмотрелся, в том числе, как дремучая енисейская и ангарская тайга постепенно превращается в пустыню“, что принцип „сколько вырубил, столько посади“, торжествующий в цивилизованных странах, „у нас пока невыполним“, что кадры у нефтеразведчиков, да и в экспедициях состоят из временщиков, проживающих в западных и южных районах, для которых главное: „урвать, сорвать и слинять. Им наплевать на всё остальное... Построили посёлок геофизиков, вырубili всё до последнего прутика, потом построили дома, жильцы посёлка посадили вновь деревья и кустарники и тут же, кстати, саженцы эти съел скот“.

Да-а, прав геолог Дашкевич и все руководители края и районов – правы – если и дальше Сибирь будет осваиваться вахтовым методом, несмотря на всю её громадность и богатства, которые кой-кому всё ещё кажутся неисчерпаемыми и несметными, ей скорый придёт конец.

Месяца за два до поездки на Сым довелось мне побывать на реке Тынэп – это по сибирским масштабам совсем близко от Сыма – там нефтегазогеолого-разведчики „окоптуривали“ месторождение. Чего и сколько они нашли, пока не говорят, но, мол, „тут где ни копни – чего-нибудь да найдёшь“. Ребята, заполнившие вертолёт, да и несколько бабёнок с ними, показались мне знакомыми: причёски а ля петух, бороды пышны, руки и лица хотя и разъеденные гнусом, загорелы, свежи, рукава засучены, и по бицепсам видно, что они не только видели „Рембо“, но и кое-чему научились у этого супермена, борющегося за справедливость. Даже транзисторы, гитары и рюкзаки я уже где-то видел, но тут же понял – этих именно ребят с Тынэпа я нигде не встречал, просто в других местах, в других вертолётах, в поездках, на пристанях и по трактам кучно движутся точно такие же вот существа с равнодушно-напускными лицами, дремотно-утомлёнными глазами, с как бы уставшими от распирающей грудь, всё сокрушающей силы, которую и применить не на кого, кругом тля, мелкотня и сплошные ничтожества. Тренированные, хват-

кие руки снисходительно перебирают струны, из бороды уныло вещается что-то своедельное про тайгу, про километры, про ветры. Есть среди этих временщиков-суперменов вечные кочевники, возвращённые сов. индустрией, бездомные пропойцы, бродяги, бичи – их, малосильных, вялых, заискивающе-улыбчивых, держат на подхвате, едва достаивают кивка головы современные рыцари рубля с золотыми массивными перстнями на пальцах, с золотыми крестами на груди, с неприятием во взоре, этого, им всем подвластного общества, которое впору уж сокрушить, да шевелиться неохота и платят пока хорошо. Но в бороде-то прикус хищника едва скрыт, тигриная усмешка в волосах блуждает. Они накоротке общаются с пилотами, со всяким им ненужным начальством, со снаряжающими или встречающими вертолёт технарями, держатся кучно, гонят от себя бродяжек, говорят мало, пьют много, но не пьянеют.

Вечером я улетал из посёлка Бор с теми ребятами, что с Тынэпа, все они были модно, в дороге одеты, прибраны, подстрижены, умыты, наодеколонены. В самолёте расселись артельно, вели себя пристойно, хотя всё так же отчуждённо. Перед отлётом пили они из горла спирт, разведённый каким-то местным мутным напитком, и лишь один из них слабаком оказался, запросился с того напитка до ветру, но туалета в самолёте нет, связчики так гаркнули на соартельщика, что до самых Карпат или до приволжского нагорья ему более в туалет не захочется.

Новый тип рабочего родился, а мы и не заметили этого, проорали, провитийствовали, снова в дебатах на съездах, на цеховых собраниях, да в кухонных баталиях утопили. А жизнь-то идёт, бежит и рождает новые отношения в обществе, психологию, новые типы, сдвиги в сознании человека, меняет отношения в труде. Услышать бы нам всем ветрами истории несомое: „Узок их круг, страшно далеки от народа...“ не про велеречивую ли это, самое себя заморочившую, тонкую прослойку народа, называемую советской интеллигенцией, а может, и про товарищей коммунистов, так ретиво правивших нашей

жизнью?

Очень плавно, убаженно-грустно думается в осенней тайге, особенно под звук однотонно работающего мотора. Река Сым разворачивает и разворачивает поворот за поворотом, плёс за плёсом, перекат за перекатом, словно сказочную книгу с яркими иллюстрациями листает. И не хватает слов и всего человеческого восторга выразить восхищение гениальной работой художницы-природы. Дюны словно бы из просеянного сыпкого песка, мысы, выдавшиеся в реку, всё забористее и выше, всё длинней. Кажется, вот-вот соединятся песчаные косы с противоположным подмытым берегом, с яра которого стеной рухнули, но пытаются приподняться, выжить и в воде расти, прибрежные деревья, а соединившись затянут пески в петлю живую шею реки, удушат её, остановят. Соседняя, обрубленная река Кас уже не течёт летами, уже задушена, и многое в этой местности уже не живёт, лишь доживает.

Благо этих мест – обилие ягод – брусники, клюквы, смородины, голубики, черники, белых грибов, кедрового ореха – обернулось бедствием для Сыма. Летами и осенью бродяги всех морей и океанов, да и местные начальники, владеющие водной и воздушной техникой, валом валят сюда – урвать на ягодах, на грибах, на орехе шальную деньгу. Сплошь уже не берут, а гребут бруснику совками или какими-то самодельными комбайнами. Бьют орех всеми доступными средствами – с помощью связистских когтей, колотухой, шестом, где и бульдозером, лебёдкой, электропилой кедр валят, дошли уж технически образованные браконьеры и до электровибраторов. Килограмм кедровых орехов нынче на базаре двенадцать рублей – за один сезон можно на машину „набить“, золотом жену обвесить. Вот и бьют кто чем, кто как, прибрежные кедрачи сплошь израненные, больные, брусничные поляны повреждены, растоптаны, где и вовсе загублены. Ведь кустик брусники здесь в песке, словно в молоке купается, чуть потяни, дёрни – он с корешком выдёргивается. Рвач, сезонник, шарапник орудует в стране, ему главное – деньги, деньги, потом хоть трава не

расти. В Иркутской области, слышал я, подчистую, с корнем выдрана пользительная, целебная ягода – толокнянка, за которую назначена хорошая цена. Есть толокнянка и на Сыме, но слава Богу, мало и заготовку её здесь не ведут. Ещё здесь редкостная ягода есть, с нежным названием и ароматом – княженичка. В Финляндии её в компот на стакан по две ягодки кладут, ликёр очень дорогой из княженички делают. Вообще в Финляндии предпочитают есть своё: хлеб, мясо, рыбу, икру, ягоды. Ах, какие они компоты сотворяют из тех ягод, что мы топчем в лесу или квасим собранное. „Мы не так богаты, как вы, чтобы всё покупать“, – шутят соседи наши.

Много чего есть в сибирской тайге, в том числе и на белом Сыме. Сюда бы хозяина, радетеля, работника. Ярцевский промхоз – потребитель, но не охранитель, возможности его весьма и весьма ограничены, в особенности по части снабжения охотников-промысловиков. Но об этом отдельный разговор.

Так совпало, что заготовками в Союзе ныне правит бывший секретарь Красноярского крайкома Павел Стефанович Федирко, на протяжении пятнадцати лет царивший в крае, ударно „покорявший“ Сибирь. И он, и до него долго здесь командовавший товарищ Долгих, ноне находящийся на уютной цековской пенсии, да и до них, и после них „предстоящие“, много бед сибирской стороне причинили, недобрую память по себе здесь оставили. И вот бы им, не только во искупление грехов, но из любви к осчастливленному ими краю, и помочь бы таежникам, поспособствовать тому, чтобы богатства, здесь добываемые, попадали на прилавок и к заморенным, авитаминозным советским детям на стол. Тем более, что у товарища Федирко здесь не только „свои предприятия“ расположены, но и родные люди проживают, да и не только по родственным соображениям ему бы помочь, но и в благодарность за те умильные слёзы и рукоплескания, которыми местные партаппаратчики проводили его в столицу, на высокую должность. Невольно вспомнились мне на той прощальной краевой сессии, где рукоплескали

товарищи товарищу, ехидные слова Достоевского: „А вы наследственны от дядюшки ура кричать...“ Увы, относятся они ко всем нам, русским людям, а не только к красноярской руководящей братии, впавшей вдруг в сентиментальные чувства.

Когда я писал эти заметки, в Сымской Фактории собралась ещё одна сессия, вынесшая вопрос об организации на Сыме заповедного места или национального парка – и снова горячий разговор о хозяйски-бережном, заботливо-родственном отношении к дарам природы. Дары! Слово-то какое древнее и чудное. Только дары те уже не выдерживают нашего присутствия, а тут ещё закалённые в боях со своим народом большевики грозятся „выйти из окопов“, – порешат же, порушат всё окончательно, опыт разорения страны у них богатый, но только остаётся надежда, что не выйдут и никуда не пойдут, ибо привыкли к тому, чтоб ура кричать, вперёд звать, а в атаку чтобы шли, умирали и побеждали за них мы, простые советские люди. Нам надо самим выходить из окопов равнодушия, с умом и пользой хозяйствовать, беречь всё, что дарит нам природа – для людей и страны, в которой становится совсем нечего кушать, тут и коммунисты, и новоявленные революционеры сгодятся – порядок наводить, детей наших от лиха и глада охранить – всем работы и заботы хватит.

А пока в сымской тайге нет ни хозяина, ни защитника. В последние годы здесь идёт не только алчный налёт на дармовую добычу, но и творится браконьерский произвол. Оттесненные промышленным злом, нефтяным духом из тюменских и томских земель, бредут и бредут в тихую, пока ещё сравнительно мирную сымскую сторону северные олени – много ещё здесь съедобного, керосином не облитого, гусеницами не размиchanного, белого мха, грибов и всякой нужной животному пищи, не очень густо пока стреляют, не часто на вертолётах чиновники-хищники налетают. Но вон уже полезли, гремят железом буровики, гарью харкают машины, матерщиной оглашают чистые боры трудяги-временщики, из брюхатого верто-

лёта вываливаются разведчики недр. Там, где они проходят, ничего не растёт, не живёт, не плавает. А уж здесь, в этой сыпкой, нежной почве, среди чуткой и ранимой растительности, на белых этих берегах, они развернутся, они дадут!..

Вот почему, пока нервничают власти, симчане, не веря словам и заверениям разведчиков недр, а также и в спасительные миллиардные прибыли от продажи нефти, чистят карабины, снаряжают патроны, намереваясь встать заслоном на речке Иштык, как они уже вставали здесь перед лесозаготовителями, чтобы преградить дорогу нагло наступающему прогрессу.

Прямо грузинско-осетинский конфликт, да и только! Махонькая искорка – в необъятной глубине Сибирских руд, но из искры, как свидетельствует недавняя горькая история, может разгореться пламя.

Вот почему, я, старый солдат, много крови и смертей повидавший на своём, уже некоротком веку, готов схватиться за пока ещё холодные стволы карабинов, отвести руки от пусковых кнопок буровых, придержать замахнувшиеся на Сибирь топоры, погасить факелы и скважины, огне- и химическо-радиационную заразу изрыгающие, готов упасть на колени средь родной моей Сибири и криком кричать на всю страну: „Опамятуйтесь, люди добрые! У всех у нас есть дети, им дальше надо жить! Прежде чем что-то резать, взрывать, бурить, валить, дырывать, обдирать, изрыгать – не семь, а семьдесят раз отмерьте! Неужели всех нас ничему не научила наша прискорбная, страшная история? Неужели и в самом деле мы жили, живём и работаем только на износ, только на извод, на близкую погибель?!“

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на Австралию и Новую Зеландию

ALMANAC «VECHE»

**P. O. Box 312, Moonee-Ponds, 3039.
Vic, Australia.**

Tel. (03) 331-0265

**Просьба оформлять подписку на «Вече»
для Австралии и Новой Зеландии
через Генеральное Представительство.**

**Стоимость подписки на 1 год
(«Вече» и «Литературное приложение»)
40 американских долларов**

**Доплата за пересылку
воздушной почтой 14 ам. долларов.**

**Цена одного номера «Вече» с
«Литературным приложением» 12 ам. долл.**

**Желающие могут получить по почте
от Генерального Представительства
бесплатно пробный номер «Вече»**

НАМ ПИШУТ

Здравствуйте, дорогие далёкие друзья!

Братья, сёстры о Господе, здравствуйте!!!

Здравствуй «Вече»! Олег Красовский, здравствуйте!!!

Низкий поклон вам всем, родные, православные русские люди, поклон от нас, сибиряков!

Вот и кончается зима 1991 года. Почернел, осунулся снег в сугробах. С крыш – капель, птичий чирк и гомон по утрам... Скоро – П А С Х А! Скоро – Светлое Христово Воскресение!!!

Молю Господа, дай нам услышать, среди весеннего шума-гама, услышать тихий плач Божественного Младенца.., услышать, и всем сердцем, всем разумением, всеми чувствами понять, осознать, проникнуться:

С п а с и т е л ь я в л ё н м и р у !!!

Со Светлым Воскресением! Родные наши! Со Светлым Христовым Воскресением вас, чьи сердца прикипели к России, кто жизнь свою и судьбу положили ради изгнания сатаны – шестилапой вши – с тела и одежд России!!!

Со Светлым Христовым Воскресением, дорогие наши заступники! Мы здесь, среди хлада и глада, в советской перестроечной Сибири молимся за здоровье Ваше, поздравляем Вас с Пасхой Христовой!

Каждый год приближает нас к мудрости, терпению, Любви! Господи, какое счастье, что даровал Ты нам Воскресение Твое! Каждую весну слышим мы слова Твои: „СВЕРШИЛОСЬ!“ (Иоанн. 19. 30). Не туманься сердце нестерпимой крестовой болью, не омрачайся душа смертным ужасом распятия и неотвратимости конца... – ВОЗРАДУЙСЯ! ВЕРЬ! ВОСКРЕСЕНИЕ ДАРОВАНО ТЕБЕ! Поверь в Воскресение – чего же ещё проще?! – „Свершилось!“ – искуплен грех и поражен ад! – „Свершилось!“ –

сокрушены врата страха и смерти!

Дорогие друзья! Православные люди! Христос Воскресе! – Воистину Воскресе!

„Величит душа моя Триипостасного! О, Пасха Велия!“ Хорошо сейчас на душе моей, легко и свободно ложатся слова в это письмо Вам! Трудно только одно: трудно найти, выразить всю полноту моей, нашей, благодарности Вам! Да и нет таких слов. Нет соответствий!

То, что делаете Вы – превыше любых слов и похвал. Сие есть подвиг, неоценимый в земных мерках, духовный благодатный подвиг! Вы дарите нам надежду, надежду на духовное возрождение, надежду на Воскресение и Спасение!

Понимаем, понимаем дорогие, родные православные русские люди – Ваша издательская деятельность, Ваши расходы на пересылку литературы к нам – ложатся тяжким бременем на Ваш бюджет. Низкий поклон терпеливым и понимающим домашним Вашим, семьям Вашим! Спасибо им!

Ваш труд, Ваше терпение и траты ради нас – это всё то самое дело, именно то, о котором Святой Апостол Иаков пишет: „Так и Вера, если не имеет дел, мертва сама по себе... Вера без дел мертва“. Ваше служение – свидетельствует о Живой Вере! Ваш подвиг – оживление душ наших!

Только-только стал пробуждаться народ наш, только-только приоткрылись врата из более чем 70-летнего нашего „вавилонского плена“, только занялось пламя очищения, возрождения душ человеческих и родилась жажда общения с Богом, как новые, тяжкие испытания надвинул на Русь Господь. Неисповедимы Пути Божии, не нам, грешным, пытаться понять замысел Его. Поэтому не берёмся и не можем мы судить о сегодняшнем Предназначении России.

Ясно лишь одно: новым и новым испытаниям подвергает Господь детей своих. Новые и новые испытания возводит Господь на путях своих российских детей, вновь и вновь испытывая души христианские на заснеженных рос-

сийских просторах. Сегодня, зримо, явно происходит отвеевание зёрен от плевел.

Сегодня в СССР – шестой год „перестройки“. Тяжелый, страшный год. Надвигается голод. Лютый голод. Необыкновенно щедрый, небывалый урожай этого лета... частью остался несобраным и на полях ушёл под снег. А то, что собрали, частью сгноили в хранилищах...

И вот сегодня, по России, вводятся карточки (талоны) на хлеб. В это трудно, невозможно поверить: в России, бывшей когда-то самой хлебной страной в мире, в наше, в сегодняшнее время, вводятся карточки (талоны) на хлеб! По 400 граммов хлеба в день – вдвое меньше, чем в голодные военные годы! Да что там хлеб...

Уже сегодня, во многих городах России ежедневные нормы отпуска продуктов населению: 1 (одна) чайная ложечка постного (подсолнечного) масла и 12 (двенадцать) штук лапшинок-вермишелинок на человека...

Сегодня, мы пока что, доедаем – д о е д а е м – то, что было припасено в наших домашних кладовых и в погребах... на эту весну, может быть, хватит. А дальше что?

Но, надвигающийся голод, лютый голод, – не самое страшное. Развалить, распродать государство российское, распродать земли, ошельмовать – в который раз! – русский и все много- и малочисленные народы страны, ринулись бесчисленные „цепные псы перестройки“, „прорабы перестройки“, „демократические“ вожди и фюреры... Как из-под земли взялись полчища этих новых бесов и подбесов, мёртвой хваткой вцепились в многострадальное тело России! И, как всякие бесы, – прежде всего – соблазнить, посеять сомнения, изверить – лишить Веры – любой ценой, всеми путями – это и суть дела их ныне, в этом, смысл их шквального беснования по Руси.

„Перестройка“ высвободила, помимо высокой духовности, и самые тёмные, звериные силы в обществе людском. Сегодня люди в нашей стране устали, устали от всего и вся. Устали от дефицита на все абсолютно товары, устали от бесконечного потока суесловий и пустословий, от дебатов и споров, устали от речей новомодных

„лидеров перестройки“. Люди устали от дикости. И, пользуясь этой усталостью, бесы подталкивают народы к пропасти: то в одном, то в другом углу нашей страны льётся кровь. Это бесы вновь загоняют народ в тяжкий, непоправимый грех. Это озверевшие, потерявшие человеческий облик существа оружием выясняют свои межнациональные, межпартийные, межконфессиональные споры. Но и это – кровь, дикость, – не самое страшное. Сегодня, в это самое время, голодное, кровавое время... с экранов кинотеатров, с экранов телевизоров, со страниц газет и журналов – отовсюду – идёт кромешное, тотальное, непрерывное растление подрастающего поколения, растление молодёжи.

Вам, дорогие русские люди, и во сне не увидеть, не понять – какой гнусный, грязный поток пропаганды насилия, злобы, порнографии самой подлой и грязной хлещет из всех щелей и кранов, хлещет прямо в сердца и души наших детей, наших подростков. Самое жуткое и кромешное сегодня в России – это тотальное, непрерывное растление детей и молодёжи. Растление это ведётся всеми силами ада, ежесекундно, круглосуточно по всем средствам массовой информации.

Повсюду сегодня торжествует эротика, процветает порно-бизнес, всюду царит рок-„культура“, рок-„музыка“, культ насилия. Кумирами молодёжи сегодня стали шлюхи и проститутки. Как иконы, Господи, упаси! – больно видеть такое – смотрят со всех стен изображения и портреты рок-идолов. Слово-то какое поганое – „идолы“. И эти идолы рок-„культуры“, порнографии, насилия требуют на свои алтари всё новых и новых кровавых человеческих жертвоприношений, ежедневно, ежечасно.

В юные, неокрепшие души эти идолы вторгаются с самого раннего детства, вторгаются вместе с монстрами мультипликации, с уродливыми и злыми комиксами-картинками в детских журналах. Всё работает на вовлечение ребёнка в мир рок-„культуры“, на приобщение ребёнка к миру похоти и злобы, на культивирование ада в детских сердцах. Что это означает?

Всё это, по существу, означает, что сегодня в России сатана тотально и повсеместно проводит отлучение, отлучение нашего будущего от Бога!

Что можем мы, здесь, противопоставить этой атаке сатаны на наших детей? Это – осевой, главный вопрос – как помочь человеку, среди моря лжи, среди хора сатанинских заклинаний и воплей услышать спасительное слово ПРАВДЫ, ИСТИНЫ, ОТЕЧЕСКОГО ДОЛГА, ЛЮБВИ??? Евангелие отвечает на сей вопрос устами Св. ап. Павла (Римл. 10. 8) „Вера от слышания, а слышание от Слова Божьего“. И добавлю (что так же подтверждает Св. ап. Павел), слышание Слова Божьего от чтения!

Да. Дорогие, далёкие русские люди, родные о Господе, здесь, в России, в жуткий год злобы и хаоса, год распада, на шестом году хвалёной „перестройки“, мы, как никогда ранее, понимаем абсолютную истину: Мир, Любовь, Спасение – только от Благодатного Слова. Слово Правды – это единственное, что останавливает сатану.

Создать нашим детям, знакомым наших детей, их друзьям и близким атмосферу российской православной традиции, атмосферу любви и почитания наших предков, строителей и святителей Российского Храма – с самого раннего детства. Это наш святой долг! Это – наша задача. Именно в этом – спасение. Спасение и наше, и спасение России, Отечества!

Не страшна смерть телесная от голода физического. Не в первый раз гулять смерти по российским просторам: были на Руси и глад, и мор, и смертные битвы, и пустыли поля и долины... Но, нарождались новые люди, здоровые духовно, знающие и понимающие смысл жизни своей на Руси. И вновь возводились города, заселялись сёла. И расцветала Земля Российская – молитвенно, честно и благодатно!

Страшна смерть духовная, от голода духовного. Страшно, если вырастут новые поколения без Бога в сердце, без Веры, без Царя, без Отечества, без Совести. Это будет – смерть вторая – распад и уничтожение, без надежды и без просвета...

Да, дорогие о Господи, русские люди: не страшно сегодня умереть в голодной разорённой стране... страшно и жутко подумать даже, что восхитит сатана Россию, что отлучит сатана от Света и Благодати будущее её. И вырастут поколения Иванов-родства- не-помнящих, бес-словестных скотов, питательной массы для той самой шестилапой вши...

Вот потому-то, родимые Вы наши, бесценна Ваша помощь! Присылаемая Вами литература сегодня, здесь, для нас... воистину ВОДА ЖИЗНИ! И радостно, и благодарно получаем мы Ваши послания, ждём их с молитвой. Ни единого дня не лежат журналы, книжки без движения, сотни людей читают их. Всё служит противостоянию бесам.

Дорогие друзья, родные русские, православные люди! Молю Господа, чтобы вот эта весточка из Сибири пришла быстрее к Вам в Ваше Зарубежье. Принесла Вам наше – от всего сердца – Христос Воскресе! Принесла с самой прекрасной и светлой вестью: Воистину Воскресе!!!

Вот сейчас, когда пишутся эти строки, будто бы звучит и раздаётся под сводами: „Воскрес Иисус от гроба, якоже прорече, даде нам живот вечный и велию милость“. И в ответ звучит на весь Храм, на всю Русь: „Буди держава Царствия Твоего благословенна и препрославнена, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков“. И что до мерзостей дня сегодняшнего, когда вот скоро уже – „Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от Лица Его ненавидящие Его“.

Бесы. Хоровод нечисти на сегодняшней Руси... Но стоит Русь. И стоять будет. Доколе есть и будет Православие и русские православные люди.

А бесы... им судьба – „Яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня“. Только держаться нам воедино, не отходить от правил дедов и прадедов наших, не терять Веру нашу в детях наших.

Только так и не иначе, дорогой Олег Красовский! Только так, родное «Вече»!

Светлого, радостного Воскресения Вам, родные люди!
Христос Воскрес!
Воистину Воскрес!

Ваши душевно

**Лелькины Константин Павлович, Галина
Николаевна и дети наши Андрей, Марк
и маленькая Леночка.**

г. Новониколаевск, 05. 04. 1991 г.

Многоуважаемый Олег Антонович!

...Спасибо Вам огромное за Ваш замечательный журнал «Вече», который каждый раз жду не дождусь. Недавно рылся в старых вырезках и обнаружил стихотворение Вергуна, которое посылаю Вам с просьбой напечатать на страницах Вашего журнала. Уверен, что прочтут его с удовольствием читатели «Вече» в России...

М. Г., Стокгольм. 17 апреля 91 г.

Д. Н. Вергун

КЛИЧ РУССКИМ «ВЕЧАМ»

Гой, вы вечники русские, удалые,
Вы со всех концов собирайтесь,
Созывайте на вече людное.
Всенародное да степенное
О Руси Святой думу думати.

Вы бросайте-ка все делишки буденные,
Зазвонил – загудел древний колокол!

Вы спешите-ка на помостки тесовые,
Снарядите-ка бирючей, голосистее,
Понатужьте-ка свои буйны головы,
Потревожьте свои мысли – розмысли –
Как спасти-то Русь горемычную?

То не Волхов-река всколыхнулася,
То не вспенилось Ильмень-озеро,
Не гуляет-то Васька, Буслаев сын,
Голытьбы бражной поводырь хмельной –
То не тешится грешной прибылью
Разбогатый гость, богатырь – Садко,
То не стонет лишь один Новгород,
То Валдай шумит по дубравушкам,
То Карпат седой содрогается,
Святогор – богатырь просыпается –
То вся Русь на земле размятушилась...

*

То клокочет дном океан-море –
На Неве, на Москве, Волге-матушке,
На Двинах, на Днепре ли Славутице,
На Карпатском Днестре до Дуная сплошь,
На Дону, на Рионе, буйном Тереке,
На Дарьях, на Оби, Енисее – тож,
Ангаре и на Лене, да Амуре ли –
Всюду воеет – бурлит океан-море,
Всюду там берега опустошены,
Да селения поразрушены,
Всюду сироты горько слёзы льют,
Всюду матери не наплачутся,
А кормильцы-то не утешатся –
Как достать – добыть корку хлебушка,
Накормить – взрастить малых птенчиков...

То не стон стоит, то не гул гудит,
То набатный звон расстилается,

То Карпат брюзжит, то Урал ворчит,
То Кавказ гремит, то Алтай дуднит,
То весь мир честной содрогается
От пожарища межусобицы,
От пленниц жертв позамученных,
Скула сирого, воя вдовьего,
Кровожадности грозовластия,
Что посулом в рай низвело Русь в ад,
В тьму кромешную, детоморную,
Беспросветную, людоежрную!..
Всё тревожнее голосит трезвон,
Всё набатнее кличет колокол
Недострелянных, недовешанных,
Будит совесть он замороченных –
Вече там, вече сям созывается,
Снаряжается и смекает люд:
Посылать ли вновь за Варягами,
Чтоб пришли на Русь, где наряда нет,
Или ряду длить с лютой вольницей,
Челобитничать пред изгоями,
Или сварами изойти вконец?!!

Гой, решайте вы, буйны вечники!
Зычным голосом отовсюду вы
Наставительно посоветуйте!
Бирючами ли, старшинами ли,
Острозорами, яснодумами –
Разрази уста их перунами,
Распали сердца их зарницами,
Разъяри гласом серафимами –
Да услышит мир думу правую,
Путеводную, не лукавую,
Да воскреснет Русь покаянная,
Грозовластием опалённая –
Неущербною, неуломною,
Богоизбранной, Богодомною!

Уважаемый Олег Антонович!

Случайно мне в руки попали два номера журнала «Вече» (№№ 32, 33 за 1988 г.). Я прочитала эти две книжки от корки до корки, почти что в один присест. И пожалела, что нет у меня возможности подписаться. Так мне было интересно, поучительно, нужно!

Не подумайте, что я обращаюсь к Вам с просьбой. Я только хочу Вам сказать, что из этих двух номеров я многое почерпнула для себя нужного, чего, к сожалению, не знала раньше или просто над какими-то проблемами не задумывалась. Многое для меня раскрыл И. Р. Шафаревич, да и другие авторы интересны. А на свете я прожила немало – 66 лет! И многое пережила. В 17 лет ушла защищать Родину. Была лётчицей. После войны закончила институт, но, к сожалению, часто чувствую себя обездоленной. Много времени потрачено на изучение ненужного...

Многое стала познавать во время моих путешествий, а побывала я в 11 капстранах после того, как исколесила свою страну от Курильских островов на Дальнем Востоке до Запада, от Крайнего Севера до Юга.

Спасибо Вам за интересные журналы... Может быть ещё где достану почитать.

Успехов Вам, здоровья, удачи!

О. Т. Голубева.
Саратов, 31. 03. 91 г.

Уважаемый Олег Антонович!

...Недавно я разговаривал с патриотически настроенным человеком здесь. Он утверждает, что ГБ по-прежнему

свой главный удар наносит по патриотам, он считает, что содержание его переписки и сегодня проверяется ГБ, что подслушиваются все его телефонные звонки. Возможно, что это и так. Игра, которую ведут здесь, куда сложнее, чем это может показаться со стороны...

Сегодня в стране фактически нет сторонников „перестройки“ (кроме питерских и московских интерменов) – и тем не менее она продолжается. Не сочтите Вы меня за „нинандреевца“ и „сталиниста“: сорок лет я и подобные мне ждали перестройку, готовили её! Но получилось по русской поговорке: из огня да в полымя...

В каждом доме нашей страны, в каждом селе и городском квартале сегодня задаётся один вопрос. Я хотел задать этот вопрос Лукьянову на телевидении – но просто опоздал. Вот этот вопрос: является ли тотальный развал государства, полное разрушение хозяйства страны, тотальный „дефицит“ и начавшийся голод трети населения результатом прямой измены и продажности некоторых наших номенклатурщиков? Или же, это всё результат недомыслия некоторых лиц в верхах страны, полного неумения править страной, неумения предвидеть события и последствия своей деятельности? Многие спорят здесь: страдаем ли мы от коварного ума или же от чинодральной глупости?

Вероятно, на Западе многие русские сразу не поняли, почему здесь все русские патриоты уже в самом начале „перестройки“ оказались „врагами её“. Но думающим людям здесь было нетрудно понять, что сегодняшняя „перестройка“ – это третья перестройка, продолжающая задачи первых двух (1917 - 1924 и 1927 - 1933 годов). Интерменская мафия, в отличие от других движений и партий, достигает своих целей в несколько тактов в течение ста или более лет. Сегодняшняя „перестройка“ – это лишь „окончательное решение русского вопроса“, появившегося на свет ещё в „интернационалке“, по Достоевскому, ещё в умах Лямшина, Шигалева и Петруши Верховенского. Представим себе, что дикарь наблюдает на прозрачной модели работу четырехтактного двигателя

внутреннего сгорания. Не понимая смысла процесса, ди-карь может предположить, что движения поршня вверх и вниз как бы полностью противоположны друг другу, как бы взаимно перечёркивают результаты действия друг друга. Но современный человек знает: это один цикл из четырёх тактов – и вовсе неважно, движется ли поршень вверх или вниз! Важна окончательная цель. А „перестройка“ явно ставит себе целью „окончательное решение русского вопроса“. Самой страшной и коварной была именно мимикрия, попытка выдать „перестройку“ за возрождение русского национального сознания в то время, когда это сознание уничтожается не менее люто, чем в годы Сталина, правда, иными, более интеллигентными методами.

Сегодня с Россией и русскими обходятся так нагло, как не обходились даже с немцами в разбитой Германии в 1945 году! Ведь тогда всё-таки не разделили Германию на фризское, сорбское, алеманское, швабское государства! Сегодня же в „Татарстане“, где пятьдесят процентов русских, с русскими уже никто не считается! Сегодня пять миллионов русских в Казахстане трусливо дрожат, учат спешно казахский и лебёзят перед новыми баями! Республика, в которой „коренное население“ составляет семь процентов, объявляет эти семь процентов расово-элитными, долженствующими занимать все административные и культурные посты. Снова и снова мы удивляемся здесь: такое было бы понятно, если бы Россия потерпела страшное поражение...

Извините за раздражённость – но не быть здесь раздражённым уже никому не удаётся.

Всего Вам доброго!

В. М. Б., г. Новгород, 28. 04. 91 г.

**Из писем в Литературно-драматическую редакцию
Всесоюзного Радио, Москва после передачи
„Знакомьтесь: журнал «Вече»“, 17 марта с.г.**

...Слышала передачу о журнале-альманахе «Вече». Замечательно! Побольше бы таких патриотических передач, может и возродился бы дух русских людей!

...Надо именно бить в колокола, созывать вече, рассылать и распространять «Вече». Развивать и воспитывать в людях патриотизм.

Очень рекомендую Вам, чтобы Радио более активно взяло на себя функции организации поиска издательства для этого замечательного альманаха «Вече», который за свой счёт выпускает русский эмигрант Красовский. Потрясающе! Где найдёте сейчас таких патриотов, бескорыстных, болеющих за интересы русских людей России?! Очень бы хотелось подписаться на этот журнал, когда будет возможность. Очень прошу дать адрес Красовского...

Ещё раз большое спасибо за передачу. Почаще бы такие передачи делали, может быть и выбили бы в сердцах искру национального патриотизма, чувства, которое сдвигает горы, делает человека героем.

С глубоким уважением

Макарова Нелли, 380060 Тбилиси.

Милая Марина Александровна!

Благодарю Вас за открытие нового Журнала! Жалко только, что он так недоступен. Хорошо, что благодаря Вам он к нам приблизился и теперь только остаётся следить за программой передач и ждать следующих номеров...

Но когда передача окончилась, то осталось чувство страха и тревоги за героя-одиночку, который взял на свои плечи груз непомерной тяжести! Разве можно выдержать такую нагрузку?! Без помощников – один в десяти ролях. Это выше всяких человеческих сил! Дай Бог ему здоровья и сил!

А Вас, Марина Александровна, благодарю за Вашу замечательную, интересную работу, которая так скрашивает и украшает нашу жизнь. Желаю Вам долгих лет жизни, доброго здоровья, весеннего настроения, больших творческих успехов, благополучия и надежды на лучшее будущее!

Ваша Н. Казанцева, 111538 Москва.

Уважаемая редакция. Огромная просьба к Вам, вышлите, пожалуйста адрес Красовского, издающего журнал «Вече» в ФРГ.

Желаю Вам крепкого здоровья, творческого успеха и побольше душевной боли о Руси. От всей души поздравляю Вас с Пасхой.

Благодарен Вам. С уважением.

Художник Иванов, А., 308007 Белгород.

Уважаемые работники Литературно-драматической редакции!

Глубокая Вам благодарность за передачи, подобные обозрению журнала «Вече» 17 марта.

Обращаюсь к Вам не только с благодарностью, но и с просьбой: не можете ли Вы помочь мне узнать адрес В. Солоухина...

С уважением

В. Домаков, 162602 Череповец.

...17/III-91 г. вечером по радио услышала отрывок из главы романа, который называется „Прощеное воскресенье“... Отрывок меня заинтересовал. Но после него были прочитаны три стихотворения, которые меня потрясли. В душе звучат до сих пор такие сильные, полные драматизма слова о прошлой судьбе России и её народа, и несмотря на это – уверенность, что всё со временем обра-

зуются в хорошую сторону. И это в такое трудное для всех нас время!

Отрывок и стихи были опубликованы в альманахе «Вече», который издаётся за рубежом и очень малым тиражом, так что практически невозможно подписаться на него. А жаль!

Я пожилая женщина, мне 64 года, пенсия 80 руб., но я до сих пор много читаю, из своих скромных достатков выкраиваю на подписку журналов и газет. Как-нибудь нашла бы и на подписку альманаха «Вече»....

В заключение передачи было передано от лица, которое издаёт альманах «Вече», что возможно, когда-нибудь, в недалёком будущем, он и в России будет издаваться. Но я вряд ли доживу до этого времени. Передайте большое спасибо человеку, который издаёт этот альманах (не успела записать его фамилию и фамилию автора стихов), благодаря ему я услышала, да, видимо, не одна я, такие хорошие стихи и хороший отрывок из романа „Прощеное воскресенье“.

Услышав стихи, прозвучавшие в передаче, у меня возникло чувство какой-то уверенности, что пока есть такие поэты, обладающие даром убеждения и такой силой слов, для нашего народа ещё не все потеряно. Хочется узнать полное имя поэта и полное имя издателя...

Спасибо.

Соленкова Г. Ф., 140414 Коломна.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

**«V E C H E»
P. O. Box 68
Flushing Sta. Midd. Vill.
N. Y. 11379, USA
Tel. 718 - 651 5662**

**Просьба оформлять, а также продлевать подписку
на „Вече” для США и Канады через Генеральное
Представительство, по указанному выше адресу.**

**В Генеральном Представительстве можно
заказывать отдельные номера „Вече”**

**На складе Генерального Представительства
имеется книга**

„Художник и Россия”

**По вопросам розничной продажи „Вече” в США и
Канаде просим обращаться в Генеральное
Представительство**

«В Е Ч Е»

**Независимый русский альманах
«Вече» с «Литературным приложением»
выходит 4 раза в год**

Условия годовой подписки:

в Европе	70 НМ
в США и др. заокеанских странах	40 ам. долл.
в СССР	60 рублей.

Пересылка простой почтой, в СССР – заказной бандеролью.

Доплата за пересылку воздушной почтой:

в США и Канаду	10 ам. долл.
в Лат. Америку, Африку, Азию	12 ам. долл.
в Австралию и Новую Зеландию	14 ам. долл.

Цена отдельного номера с приложением 20 НМ или 12 ам. долл. (в СССР 15 рублей)

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

Желаю оформить годовую подписку на альманах «Вече» с приложением, начиная с №.....

Фамилия, имя

Адрес

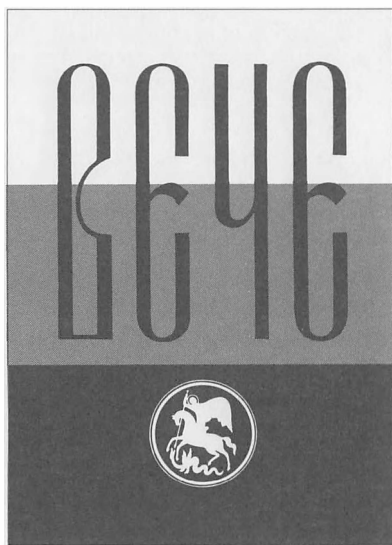
.....

Заполненный талон, направлять:

Frau V. Dreving (für «Veche»),
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81, West-Germany

Чеки выписывать: Russischer Nationaler Verein e. V.

ЛИТЕРАТУРНОЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 7

1991

Редактор О. А. Красовский

Издатель:
Российское Национальное Объединение в ФРГ
Все права сохранены за автором.

Herausgeber:
Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V.,
8000 München, Theresienstraße 118 – 120
West Germany

Copyright ©
Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1991
München

All rights reserved
No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

Анатолий Байбородин

НЕ РОДИТ СОКОЛА СОВА *

ПОВЕСТЬ

Послушайте словеса наши старинные.
Заприметьте того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбущется,
На синем море волна да порасходится...
Все изменятся пустыни богомольные.
Разорятся все часовеньки спасённые!..

Плач Ирины Федосовой о старосте, 1886 год.

I

Про Гошу Хуцана Иван слышал много баек – и смешных, и грешных, – да и наглядился на него вдосталь, надивовался, отчего ухабистый жизненный просёлок Гоши, хоть и смутно, порвано, а всё же виделся из края в край.

** Байбородин Анатолий Григорьевич родился в 1950 году в забайкальском селе Сосново-Озерск. После окончания Иркутского университета (отделение журналистики) работал в районных и молодёжных газетах Восточной Сибири.*

Рассказы печатал в журналах «Наш современник», «Советская литература», «Байкал», в еженедельнике «Литературная Россия», в альманахе «Сибирь». Лауреат премии еженедельника «Литературная Россия» за лучший рассказ года.

Автор книг прозы „Старый покос“ (1988 г.), „Поздний сын“ (1988 г.), „Боже мой...“ (1989 г.).

Член Союза писателей СССР.

Помнится, мать пряла шерсть, при этом нет-нет да и кручинисто, со вздохами поглядывала в окошко, отпотелое, стемневшее, за которым копился покровский снег; шингая дымчатую шерсть из кудели, поплёвывая на мозолистые пальцы, сучила нить и, наматывая её на веретёшку, чуть слышно припевала:

У воробушки головушка болела,
Вот болела, вот болела, вот болела,
Ритявое сердечушко знобело,
Вот знобело, вот знобело, вот знобело...

В протопленной кути было сумрачно и сонно; спал, безжизненно развалившись у печного шестка, похожий на пёструю дорожку, цветастый и лохматый, сибирский кот Маркот; за дощатой переборкой, межушей избу на куть и горницу, как будто шебершили на реденьком ветру палые листья, – молилась задышливым шепотоком бабка Акулина, материна свекруха; шепелявый говорок её прерывался иногда тоненьким, сырым меканьем – в закутке около печи, где грудились в углу сковородники, ухваты, помело, шатко расхаживал, постукивая крохотными копытцами кучерявый козлёнок, с которым играл трёхлетний Ванюшка; встав на карачки, сердито мекая, бодал козлёнка, отчего тот раскатывался и оседал на задние ноги.

– Да не мучь ты иманёнка, – проворчала мать. – Но прямо обалдень какой-то растёт, добрых игр у него нету.

– Я тоже иманёнок, – обиженно отозвался Ванюшка и опять стал тыкать лбом козлёнка-иманёнка. – Забодаю, забодаю! Ме-е-е...

– Не иманёнок ты, а поросёнок, – умилилась мать, ласково покосившись в закуток, но тут же, глянув в окошко, сухо сплюнула в стеклину. – Тьфу! Летит чёрт с рогами, с горячими пирогами.

Услышав про чёрта, Ванюшка испуганно замер, прижался к иманёнку. Тут и ввалился Гоша Хуцан с двумя мужиками и сразу же с порога запел, широко разлив рявкнувшую гармонь:

– Не ходи ты рядом с толстым задом... – он с тем же рявканьем свёл меха гармошки и поздоровался на хохлатский манер. – Здравеньки булы!.. Где хозяин-то, где Петро?

– Да где ему быть, тоже, поди, по дворам шалкат, рюмки сшибат, – не глядя на гостей, раздражённо ответила мать.

– Ты пошто, Ксюша, така сердита?! У нас же седня праздник – покрова. Батюшка-покров, как раньше-то говорили, покрой землю снежком, а меня, молодую-ядрёну, женишком, – он счастливо загоготал, отчего махонькие, медвежьи глазки растаяли среди налитых щёк; потом опять заиграл в гармонь и, закатывая глаза, куражливо повёл было. – Не ходи ты рядом...

Но тут мать кышнула на него, как на петуха непутного, показала глазами в закуток, где, оробевший, жался Ванюшка.

– Кого попало-то не базлай. Тут вон ребёнок рядом.

– А-а-а, Ванюха – поросячье ухо. Но-ка, иди-ка сюда, сейчас я тебе Москву покажу.

– Не лезь к парню, раз выпил, – осадила его мать.

– Значит, Ксюша, говоришь, хозяин рюмки сшибат, – Гоша Хуцан засмеялся, свернул с себя гармонь и, поставив её на лавку, быстро снял шапку и долгополое кожаное пальто. – Раздевайтесь, мужики... А мы, Ксюша,

рюмки не сшибам, у нас своё завсегда, – он тут же добыл из кармана чёрных галифе бутылку „сучка“ и припечатал её к столешне.

– Раз Вера на вине стоит, дак чо же не будет-то, – ловко подкусила его мать.

Вера, Гошина баба, приходилась Ванюшкиной матери сестреницей, торговала весь свой век в магазине, и была знаменита на всю округу тем, что в ночь-полночь постучи к ней в ставень условным стуком, а потом сунь в приотворенную калитку деньги – тут тебе хоть ящик водки выставит, но, конечно, за ночную цену. Может быть, поэтому про деньги, лежащие у Гоши с Верой на книжке говорили самое диковинное, и в этом, казалось бы, диковинном, многие перестали сомневаться, когда Гоша летом одолжил нищему колхозу из соседней деревни несколько тысяч, чтобы колхозникам выдали зарплату. Что он поимел от такого одалживания, Бог весть, но уже, поди, и без приварка не остался.

Гоша, живущий крепко, в родню к своему худародному свояку, Петру Краснобаеву, шибко-то не лез, хотя вот так, выпить на живу руку, чтоб не на улице, другой раз заворачивал, не церемонился. Мать, конечно, через силу принимала такого дорогого гостеньку, и было на то не мало причин. Вот хотя бы...

Когда отец одно время пил без просыху, случалось, всю зарплату оставлял в монополии Веркиной – так бабы звали ненавистный магазин, – когда семья дошла уж до самого края, кинулась мать к Гоше Хуцану за подмогой, деньжатами хотела разжиться, да с чем пришла, с тем и ушла от райповской базы, где Гоша тогда заправлял завскладом. „Стоит в приамбарке, как блин масляный, – жаловалась мать свекровке, бабке Акулине. – Улыбку кажет, а поди-ка выпроси чего – на навоз переведётся. Лда в крещение не выпросишь...“ Зареклась мать обращаться к нему с нужей, а завернёт на огонёк, выставить взашей не могла – всё ж какой ни на есть сродственник, и покорно, хотя и с ворчанием, ставила рюмки, доставала из подполья соленых окуней на занюх.

Она и теперь их достала, потом откrojила несколько ломтей хлеба, вывалила из чугунка на столешню, оскоблённую ножом-косарём до желтоватого древесного свечения, стелых картох, варёных в мундире. Выставив гранёные, стемневшие рюмки, собралась было уйти, но Гоша Хуцан придержал её за рукав.

– Сядь с нами, Ксюша, выпей маленько. Посиди хошь с мужиками-то пока Петрухи нет, – он хихикнул, подморгнул мужикам и хотел ушипнуть мать, но та брезгливо смахнула с себя его шаловливую руку.

– Некогда мне тут с вами рассиживаться – скотина ишо не поена. У вас-то ни об чём голова не болит.

– Кого там не болит?! – Гоша Хуцан знобливо передёрнулся, расплещивая водку дрожащей рукой. – Разламываются. Едва у старунни своей выпросил. Вредная у тебя, Ксюша, сестреница, – незлобиво ругнул он свою жену Веру. – Вся в вашу семейску * родову. Семисюха ишо та... От, ядрёна мама, болесь-то себе наживём, – вздохнул он, шумно нюхая водку, поднесённую к самому носу. – От болесь, так болесь...

– Болесь у тебя – на кого бы залезть, – не удержавшись, фыркнула мать,

* Семейские – старообрядцы Забайкалья.

намекая на известные всей деревне, бесконечные шашни Гоши с разведёнками и вдовами. Тот, будто его похвалили, довольно засмеялся на материну горькую шутку.

Был он дородным, приземистым, на лицо жарким, хоть сырые портянки суши; щёки всегда лоснились, точно смазанные нутряным скотским жиром, – недаром, видно, продуктовыми складами ведал, наел ряшку; чёрные волосы, с курчавинкой, но уже с глубокими прокосами от висков, потно липли к низкому, стёсанному почти от самых бровей, изморщенный лбу. Таким он помнился маленькому Ванюшке, который страх как пужался его, когда тот вваливался в избу и гудел сердитым басом или куражливо пел, терзая несчастную гармошку; случалось, Ванюшка с испуга залезал даже под кровать, откуда его потом мать выгоняла скородником. Вот и теперь, кинув иманёнка, упорхнул в горницу и прижался к ногам бабушки Акулины, толстым, раздутым водянкой, которые казались ещё толще, обутые в суконные, осоюженные кожей ичиги. Старуха шипела сквозь обиженно поджатые губы, косо поглядывая на крашеную переборку, за которой похмелялся Гоша Хуцан с мужиками:

– Безмозглый поп тебя крестил – дурак, что не утопил, – тихо костерила она Гошу, запамятав, что тот, полурусский по крови, вовсе даже не крестился, не знал Божьей купели. – У-у-у, винопиец проклятый! Остатню совесть пропил... Церкву порешил, – вздохнула она, поглаживая внука по волосёнкам, ему же, вроде, и высказывая. – И как ишо руки не отсохли, как земля носит, прости, Господи, мя грешную, – она перекрестилась на божницу. – Но да, погоди, дожесси ишо, Бог-то не Микитка – повыломат лытки. Хошь и не по грехам нашим милостив Бог.

Бабка Акулина зимовала и летовала тут год у своего сына Петра, прикочевав к нему от дочери, живущей через дорогу, но, недовольная тогдашней Краснобаевской жизнью, гульбой своего сынка, ладилась обратно к дочери. И особенно серчала старуха, что в доме сына, как в проходном дворе, вечно толкались пьяные мужики, навроде Гоши Хуцана, которого, будь на то её полная воля, она бы и на порог не пустила. Но приходилось всё терпеть, ворча потихоньку, жалуясь то молодухе, то внучёнку – утехе своей.

Едва только гости уметели, опохмелившись, оставив после себя тяжелый махорочный дух, Ванюшка, мало ещё соображающий, но, по мнению бабки Акулины, шибко язычный, тут же на своём смешном поговоре всё и высказал матери:

– Мам, а мам, ты говорила, чевт с вогами идёт, а плишев Гоша Хуцан и никаких пивагов голячих не плинёс. Ты пошто наввава-то?

Мать на такие сынкины слова не покатила со смеху, лишь качнула с улыбой головой:

– Чёрт, говоришь, с рогами, с горячими пирогами? – переспросила она и тут же пригрозила пальцем. – Мотри-и у меня, ботало коровье, на улке где не сботай, а то Гоша-то услышит, будет тебе и чёрт с рогами, и Хуцан. Скажет ишо, что мать с отцом подучили.

– Ишь, и дите неразумное чо выговариват, – бабка Акулина ласково и согласно глянула на язычного внука. – Чёрт он с рогами и есть, и боле никто. Хуцан вот ишо, прости Господи, – старуха осенила себя крестом, вознеся слезливый взгляд к божнице.

II

Обидное прозвище примазалось к Гоше ещё в парнях – будто смола, какой блудным-девкам воротья мажут, – да так оно приросло да въелось, что и скобелем не отскоблить, отчего иные деревенские, особенно приезжие, и про фамилию-то его ведом не ведали – Хуцан да Хуцан, хотя говорилось это, конечно, позаочь.

Хуцанами в деревне на бурятский лад звали баранов, нелегчанных, оставленных при всём мужичьем достоинстве, чтобы мастрячили отаре приплод, покрывая баранух; недаром и приговорка такая шаталась по деревне: парочка – хуцан да ярочка.

Как-то ещё зелёным удальцом, чтобы потешить девок, переметнулся Гоша в Краснобаевский загон, прыгнул с хмельного дуру на овцу-ярочку, с горя и страха заблелевшую таким утробным, истошным ором, что у девок по мягким спинам побежал мороз, и девки заревели в голос, чтобы не изгалялся над овцой. Но Гоша, раздухаренный, уселся половчее, схватил барануху за уши, как за поводья, и поехал, волочая ногами по унавоженному, ископытенному двору; запотряхивал бравыми, смоляными кудерьками, запонукивал, чмокая губами и хлопая коленями по раздутому бараньему животу, словно и не тихая скотинка волочила его, а нёс в заполошном налёте халюный * конь. Отойдя от первого испуга, девки облокотились на прясла и, вроде даже против воли, чуть не покатывались от смеха, глядячи, как потешает их Гоша-гармонист; а барануха, одуревшая, изойдя криком, уже с хрипом и сипом тащила Гошу по двору, и шарахались из угла в угол серой волной, сбитые в кучу, испуганные овцы. Девки опять было закричали, чтоб не маял, дурак, животину, но тут как раз вылетел Ванюшкин дед, Калистрат Краснобаев, и, размахивая берёзовым дрыном, с налитыми чёрной кровью глазами кинулся на Гошу, который лишь чудом унёс ноги. Молодые парни потом похахатывали: дескать, хуцан да ярочка – разудала парочка, при этом ещё и беспокоились: не покрыл ли Гоша ярку, прознав, что барануха и была покрытая, и что после того, как пьяный Гоша на ней отгарцовал, выкинула мертвяка. Мужики поплёвывались в Гохину сторону – лоб, что лопата, а ума небогато, одно слово, хуцан. Калистрат же Краснобаев пожаловался старосте, и тот вместе со стариками порешил „казаку“ „берёзовой каши“, которую и всыпали на первом сходе возле соборной избы. Ушёл Гоша от соборни, поддерживая штаны, потом с полмесяца не мог толком сесть на свою тёрку, и от стыда глаз на улицу не казал, накапливая в душе лютую ненависть к старикам и всему сходу.

Случай этот с годами замуравел, потянулся болотной ряской, но прозвище припеклось на весь век, будто выжглось тавром на Гохиним лбу, ещё и закреплённое тем, что до женитьбы да и после хлестал Гоша за разведёнками и вдовами не чище того же хуцана, высывающего кончик языка, манящего ярком. Потом и всех ветродуйных парней, да и мужиков – крутелей белого света, падких до чужих баб, в деревне так и срамили: „Н-

* Халюный – быстрый.

но, тоже выискался Гоша Хуцан, пошёл блукать по ночным пристёжкам. Оно и верно баят: в чужую бабу нечистик мёду кладёт, а в свою жену уксусу льёт...“ В старой-то деревне Гоше Хуцану никакого б разворота не было – девки боялись осрамиться, потому что кто потом возьмёт „яблочко надкушено“, а бабы, хоть и вдовы, и в мыслях такого не держали, но дело в том, что шалая Гохина молодость выпала на самые мутные времена, когда зорились крестьянские дворы, а прореженный, отчаянный народишко сбивался в „комунии“, где строгости убавилось заметно.

*

Перебив косточки Гоши Хуцану, бабка Акулина перемернула на Гошину родову, и мать, всегда робеющая перед свекрухой, лишь поддакивала, горестно и согласно кивая головой, припокивая языком и нет-нет да и прижимая к своим коленям маленького Ванюшку, который понимал, не понимал, а всё одно слушал, развесив ухи-лопухи.

– Всё, милая ты моя, от семьи пошло, от родовой. Вот... Какое семя, такое и племя, дак. Как наш тятя, царство небесно, говаривал про Гошу: не родит, баял, сокола сова, а такого чёрта как сама. Так от, девча!.. И мать Гохина, Анна – затычка банна, тожить прожила ни в добре, ни в славе, и такого же сыночка спородила на свою грешную головушку. Прости, Господи, ей пригрешения...

И тут старуха, призабыв все боговы слова * и жалость, заповеданную Богом, обозвала Гошу и присевом, и босгоном, и девьём сыном, и суразом – так щедро и нетерпимо величали о досельну пору чадушек, зачатых в грехе и сраме; и суровую нетерпимость старухи можно было понять и даже простить, и не потому, что сказано было после Гошиного пьяного куража, а потому, что на постаревшем теперь присеве лежала каиновой печатью тяжкая вина перед всем тутотшим крещёным миром, в том числе и перед старухой. То, что спородился он на свет девьём сыном – это матки грех и его беда, но была ещё и вина...

– Она ж, Ксюша, расстрижка * была, Анна-то, Гохина мать, – наговаривала свекровка своей молодухе, то сварливо пряча бескровные губы, то распуская их в жалостливых вздохах. – В грехе понесла, да так, непутная, ночной пристёжкой и померла, удавилась в коровьей стойке. Но и, сказать-то, мужик-то и не чишше был...

*

Бабка Акулина, сколько помнил Ванюшка, не один раз ведала о скрытниках – староверах-семейских, какие в отличие от своих братьев, хоронились по таежным глухотам – божьим пазухам, и, как ворчала старуха, роблю не шибко любили, в пень колотили да день проводили; жили, как божьи птахи: не сеяли, не жали, с тайги кормились да чем Бог пошлёт. Тут бабка Акулина, конечно же, лишнее присбирывала в сердцах, косясь

* Боговы слова (староверческое) – молитва.

** Расстрижка (зabayкальское) – стриженная наголо за измену мужу.

на семейских со своей „никонианской“ колокольни, предавая охулке всех сподряд. А старOVER старOVERу тоже рознь, если припомнить согласия и толки, – тех же обмирщанников, какой была Ванюшкина мать, которые уже почти отсохли от святоотеческого древа и молились в церквях великорусских, а не в рубленных из кондового листвяка, замшелых молельнях, не в скитских часовенках да келарнях, хотя обычаев семейских всё же по старой приваде ещё держались. Святоотеческое же древо к концу прошлого, началу нынешнего века столько пустило от себя ветвей, что уже трудно было высмотреть сам хребтовый ствол; недаром же и приговорка пошла гулять по Руси: дескать, что ни деревня – то согласие, что ни селцо – то толк. Всякие были старOVERы; скрытники же, про каких завела беседу бабка Акулина, хоть и прятались от деревенского мира на таежном займище в вершине реки Уды, уверовав, что несть правды под небесами, а уж тем паче в миру, хоть и таились они за хребтами, в глухих падушках, но робили не меньше деревенских и земель не попускались – драли целики на лесных еланях или делали залогИ – повалив лес, выжигали, корчевали пни под пашню, потом засевали хлебушек, да и скотину держали. Но всё это лишь для некорыстного прокорма; время же большее засевали промеж себя слово Господне, во все дни живота своего пребывали в молитве и бегали кобей бесовских – пианства, табака, блуда, поганого слова.

И был среди скрытников Сила Косоногов, что, по словам бабки Акулины, задурел, – на беду, на горе своей родовой напрочь отбился от земли, и всю недолгую жизнь то таежничал, кормился с ружья, то на золотых Ципиканских приисках искал, чего не терял, за фартом гонялся, как угорелый, да так, горемычный, без куска хлеба, без путней семьи и загинул.

А началось всё с того, что Сила ещё в парнях пошёл поперёк своей скрытной родовой; в уездном селе Укыр без всякого сватовства и рукобилья взял за себя бойкую девку; поговаривали, будто из окулькиной веры – была в Забайкалье и такая новоявленная фармазонья секта, клятая и старOVERами, и „никонианами“, где шустрый народец, как толковала бабка Акулина, плевал на божий венец и чуть ли не по-собачьи сбегался в любовном деле. Зная, что ни мать, ни отец не дадут благословения, как-то исхитрился и обвенчался в великорусской церкви, что для скрытников было едва ли не страшнее всех бесовских кобей – принять венец из нечистых рук попа-никонианина, клятого щепотника *. Лучше уж вокруг куста венчаться... Отец Силы, братьевья, как прознали такое поганистое дело, так и пришли в неистовство и, двуперстно осенив себя крестным знаменiem, тут же отреклись от презревшего святоотеческую веру, а старики, долго не рядясь, тут же наложили на Силу поруганье, охулили перед миром и, отвергнув, велели идти на выселку, искать себе новый угол. Тот и сел в Укыр, пошёл примаком ** к молодой, которая жила со своей матерью, про отца своего, будучи девьей дочкой, молодая знала только по наслышке. Так вот и зажил Сила в доме Анны, своей нечаянной, негаданной зазнобы.

* Щепотник – православный, который крестился щепотью.

** Примак – муж, живущий в доме родителей жены.

Если отец Силы даже имя отвержи на дух не переносил, глухо упрятав в себе негасимую отеческую любовь, мать же – на то она и мать, а потом и сёстры с братовьями, хоть и не простив отступника, с летами всё же будто примирились, и, годом да родом бывая в Укыре, всё же подворачивали к Силе, который с грехом пополам отделился от тёщиного дома, срубил мало-мальскую избёнку и весело зажил со своей жёнушкой, цыгановатой, черноглазой, первой певуньей на селе.

Всё бы оно и ладно было: и Косоноговы простили б самовольство, и семья бы сладилась, но, точно в кару за непослушание, не дал Бог детишек новоженям. А тут ещё случай такой вышел...

Пока Сила шатался с ружьишком по тайге, добывал сперва белку, потом соболя, жена его Анна наторила густыми, как сажа, зимними ночами тропку к одному поселенцу – Кусмановским звали; и была та посельга беспутная не простым ушкуем, варнаком с большой дороги, а – политическим каторжанином, оставленным в Укыре на поселении, которого позаочь, а то и в глаза обзывали фармазоном. Поселенец – из нерусских, нехристей поганистых, распявших Христа, говоря языком Силиной родовой, – ютился в маленькой, но чистенькой и крепенькой избёнке через дорогу от Косоноговых, а уж чем жил, с чего кормился, люди толком не знали; но мужик оказался, не гляди что бывший каторжанин, тихий, ласковый, до людей приветный, разговорчивый. Столовался он у богатого деревенского лавочника, тоже из нехристей, и прислуга этого лавочника наводила в избёнке поселенца и убор, и прибор.

Вот туда, в тихую, уютную избёнку и запوخаживала скучающая молодуха, откуда приносила другой раз книжонки и газеты, читала их при смольной лучине – в отличие от укырских женок Анна не только знала грамотёшку, но даже слыла книгочеей, отчего деревенские сторожились её, недолюбливали, а силаина родова, все книги, кроме Священного Писания, считавшая „прелестью“ и бесовскими кобыми, вносящими в разум и душу лукавую смуту, пуще ярилась, костерила молодуху на чём свет стоит, обзывая волхвиткой * и фармазонкой, и про себя, не смея вслух молвить, шибко жалела своего парня Силу, опоённого притворным зельем, привороженного черноглазой колдовкой, угодившего прямиком в сети нечистого. А чего ей было не читать „прелесные“ книжки, коль мужик её по золотым приискам скитался, а то месяцами из тайги не вылазил, коль не завели они ни плода, ни живота, коль у обоих не лежали руки к земляной работе.

Дальше больше: кто-то из деревенских присмотрел, как семенила Анна через заснеженную улицу и правила долгим, чёрным подолом прямехенько на избёнку поселенца, подолом же и, чисто хвостом, замечая следы; и сияло над ней цыганское солнце – мертвенно-восковой месяц. Досмотревший – а то была, вроде бы, сама бабка Акулина – не стал держать тайну при себе, и пополз по деревне слух, будто Анна летела на блуд верхом на помеле, точно ведьма на Лысую гору, где обвыклась гуртиться нечистая сила для своих игрищ и забав.

Бог знает, долго ли, коротко ли бегала Анна к посельге беспутной, чуть ли не до третьих петухов читая толстые книжки, но только до того дочи-

* Волхвитка – колдунья.

тались, сердешные, что у Анны стал живот пухнуть, в тягость вошла – вроде, ветром надуло, когда летела скрадом к поселенцу. Когда брюхо нос подпёрло, и весь грех вылез наружу, когда весть эта подползла до займища, ушлые Силины братовья доспели, чей тут петух топтался и семя посеял; да и нетрудно было доспеть; муж богоданный с Покрова и почти до Николы вешнего из тайги не вылазил – белку, соболя добывал, и по срокам никак не выходило, чтоб его был засев, а потом, хоть и прожили Сила с Анной лет пять, да всё без проку, а тут пошёл живот расти как на опаре.

После Николы вешнего вышел Сила из тайги, продал мягкую рухлядь, добытую в тайге, попил, погулял, покуражился, да и убрёл на Ципиканские золотые прииски, куда уже давно косился; убрёл, похоже, ни сном, ни духом ещё не ведая, что вскорости обзаведётся сыном. То-то и в в диво было укырцам, что не бил он свою блудню смертным боем, или уж не поверив слухам, какие долетели до его ушей, или уж так его уластила, ублажила, заморочила молодая жёнка. Поговаривали, будто он ходил к тому поселенцу прояснять слухи, но сладили они миром, и потом даже пировали втроём за одним столом.

А летом, сразу за Иваном-травником, когда уж весь Укыр только и баял про поселенца с Анной, когда уже нельзя было затаить, спрятать набухший живот, наехали верхами Силины братовья, сумрачные, по самые глаза забородатевшие мужики; сам богоданный батюшка-свёкор, сказать, не поехал, потому что напрочь отрёкся от сына-бogoотступника, а уж про жену его, фармазонку и волхвитку, даже речи вести не мог – не поганил рот.

– Ах ты пристёжка ночная, ах ты блудня! – заревел с порога медвежалый, здоровенный деверь, старший брат Силы, и с пеной у замшелого рта тут же вытянул оторопевшую Анну сыромятным, сплетённым в косичку бичом. – Оно и верно, что из окулькиной веры – то к одному прислониться, то к другому. А тут и с поганистым спуталась, с фармазоном. Не побрезговала, вражья сила!.. Но да ведьма, она и есть ведьма...

Молодуха, не живая, не мертвая, белая как снег, забазлала на всю избу, стала запираться, божась и суетливо осеняя себя двуперстными крестами: дескать, всё это злые наветы, наговоры и сплетни досужих людей, что дескать, от Силы, от мужика богоданного, понесла, но старший деверь тут же, без долгих говорей, намотал её косу на кулак, раз ожог бичом, другой, третий, та и выложила всё как на духу, прося милости. Мужики готовы были порешить посельгу беспутную, фармазона и анчихриста, но тот или учуял, что палёным запахло, или уж кто добрый упредил о летящей пурге, – невздолго перед приездом ударился он в бега, да с тех пор в Укыр и глаз не казал. Но коль посельга на попалась под горячу руку, то всю ярость Косоноговы и выплеснули на его тайную сударку: высекли её как сидорову козу, а потом по древлему семейскому обычаю наложили поруганье – подстригли налысо за измену мужу – отчего и расстрижка – и бросили на полу, почти бездыханную и беспамятную. По доброму-то, ещё вздыхали девери, надо было падлюге голову обрить, потому что стригут лишь девок, прокудивших своё девство до венца, а уж мужних женок, уличённых во грехе, беспременно бреют. Злобной обиды деверям прибавляло и то, что посельга, пригревший и приласкавший молодуху на груди, был из рода, когда-то распявшего Страдальца, отчего Гошу, кото-

рого Анна до срока принесла, скрытники, презиравшие его, дразнили поболтом – значит, крови перемешанные, переболтанные.

Когда Гошка уже во всю гукал в зыбке, подвешанной на берёзовый оцеп, вернулся с приисков Сила и, в горячах чуть было не пристреливший свою стриженую бабу, избитую, изволоченную им до полусмерти, пображничал зло и опять уметелил в тайгу; потом снова мыл золотишко на Ципикане, проклиная тамошнего горного инженера Ивана Разгильдеева, и, ничего кроме горба не нажив, возвратился к своей Анне; сошлись они, но жили будто кошка с собакой, только друг другу век заедали. Напьются, передерутся – одно слово, паутчее семейство, и так пьяная, грешная жизнь обрыдла Анне, что не утерпела она и, отчаявшись, поплакав над бедным Гошкой, выпив, может быть, для храбрости, однажды ночью удавилась в коровьей стойке.

*

Много лет спустя, Гоша, уже и сам немолодой, выпивая у Краснобаевых, поминал со скрипом зубов, как надругались скрытники над его мамкой:

– Оне же, кержачё проклятое, сплошные кулаки да подкулачники были. Ох, натерпелись раньше поруганья от кулачья да стариков-самодуров, от уставщиков да попов. И спасибо ещё надо сказать партийной власти, что вывела их под корень. А то же, бляха-муха, что за жизнь была?! – чуть что, сразу поруганье, вот и охулят тебя на весь белый свет.

Бабка Акулина, хоть и не привечала староверческого чина, но тут, вроде защищая его, сердито фыркнула:

– Зато теперича bravo: и девка гуляй, и бабка хвостом трепли, и мужик за волю хватается, по марухам ходи – всё ладно, всё bravo, никакой тебе охулки, никакого осуда.

– От, ядрёна мама, верно грамотные люди говорят, верно в газетках пишут: дескать, религия – опиум народа, – не слушая бабку, гнул Гоша Хуцан. – Опиум – она и есть, мракобесия сплошная.

– Иди, иди-и отсель по-добру, по-здорову, – попёрла пьяного Гошу бабка Акулина. – Вон за угол зайди и там лаясь, а мы тебя, пьяного, слушать не нанимались.

– Мракобесия и есть, – не унимался и не убирался из избы распалённый Гоша Хуцан. – А народишко-то наш русский, он же дикой, битой, ему без царя-батюшки да без опия – без религии, и жизнь не в жизнь. Мало-мало корми его, а там хоша запрягай. А чуть что, сразу на тебя анафему... Силом мы из мужика выбивали мракобесию. А потом, какой мужик-то был... Слушал я по радио – „Челкаша“ передавали, Горький написал, – вот там мужик-то и показан, какой он есть; удавится за своё добро. Ему бы море, чтоб чернозём сплошной. А что красота – море, такого понятия нету. А у Челкаша, хоть он и вор, бродяга, душа понимает красоту.

– Во, во, мужиков поперебили, одне воры да бродяги и остались, – покивала головой бабка Акулина.

– Я подрос-то, своротил тятё санки набок, – вдруг с тихим и радостным злорадством припомнил Гоша. – Как он, кровопивец, семейско отродье, над мамкой галился...

Бабке Акулине хотелось, поди, сказать в сердцах: дескать, какое же твой тятя семейское отродье, коль ещё в парнях отбилась от родовой – да и та отшатнулась от коренной семейщины, в скрытники пошла; а потом, опять же сказать, и какой он тебе тятка, если мамка тебя, Хуцана, прижила от приезжего молодца, – хотела это старуха сказать, но, видимо, посповестилась, удержала язык за зубами.

– А тятиных братьевьев, этих скрытников проклятых, все-ех к стенке поставил Осип Лямзин. О, мужик был! – Гоша загнул над столом толстый палец.

Тут он обмолвился про Осипа Лямзина-Байкальского, бывшего секретаря укома, перед войной (это мало кто знал в деревне) объявленного злочим врагом народа и упрятанного в кутузку, а потом, видимо, пущенного в распыл; так вот, при его крутом правеже кулачили здешних мужиков, в том числе и Ванюшкиного деда по отцу Калистрата Краснобаева, чудом избежавшего выселки; и Гоша Хуцан был у того Лямзина-Байкальского в первых подсобниках, что Краснобаевы, лишённые скотины, дома-пятистенка, амбаров, завозен, конечно же, не могли Гоше простить, хотя со временем вроде как смирились. А тут ещё война, в горе, в ненависти к чуженцу побратавшая народ, притупила недавние раздоры и обиды.

– Эти семейские, да особенно скрытники, такая, паря, контра оказалась, что держись, – ругался Гоша Хуцан. – У их там в тайге, по займам всякая белая сволочь и пряталась. Те же бандиты взять – кулачье недобитое – тоже по займищам таились, чисто волки. Оттуда и на грабёж ходили...

– Ну всё, посидел, выпил – вот тебе Бог, а вот тебе порог, – бабка Акулина, пуще осерчавшая, стала чуть ли не взашей выталкивать пьяного Гошу.

Краснобаевы – и бабка Акулина, и Ванюшкина мать – как и многие пожилые деревенские духа Гошиного не выносили, хотя, как говорится, с годами и притерпелись – всё же в одной деревне жили; и дело тут не в том, конечно, что Гоша родился присевом и поболтом, что смолоду, как ворчала бабка Акулина, был варнаком и охальником, без матюжки слова не мог молвить, – нет, на Гошиной судьбе антихристовой лежала метой вина пострашнее – порушенная в деревне белокаменная церковь.

III

Когда-то в большой деревне, как поминала мать, и как потом, уже созрев, видел Ванюшка в своём воображении в редкие часы душевного предрассветья, – жаром горели на закатном солнышке купола и маковки белокаменной церкви, самой величавой на сотни вёрст по старо-московскому тракту, пробитому сквозь тайгу и степи от Верхнеудинска до Читы. Церковь будто повисала перед задумчиво-осветлёнными, тихомирными глазами Ванюшки, любовно слеplенная из синеватого вечернего марева, в изножье своём ласково укутанная миражным выдохом сморённой за весь день земли, отходящей к летнему сну; повисала вдруг во всём своём кружевном убранстве, похожая на раскидистую берёзу в серебристо-синей изморози, с крестами, облитыми багрецовым зоревым светом; виделось это Ванюшке и слышалось, будто из занебесья, как негасимо плыл над озером, над берёзовыми гривами, над приболоченными полями и над

самим Дархитуйским хребтом протяжный, с переливами, влекущий звон.

В 1647 году казачий десятник Колька Москвитин с сотником Ивашкой Ортеньевым и служилым человеком Ивашкой Самойловым были посланы „з Байкала озера из Ангарского острожку по Баргузину реке и на Еравны озеро проводить серебряной руды и серебро где родится...“ Так попали казаки в Еравну – край голубых озёр, край тайги и степей, где через сотню лет сели на житьё и Краснобаевы, Ванюшкины предки по отцовскому крылу. Казачий сотник Колька Иванов Москвитин, зело гораздый грамоте, писал безрадостно: „А по Еравне людей никаких нет, потому что кругом его пролегли места худые и топкие и мелких озер много...“ И всё же через двадцать восемь лет был заложен у Еравнинского озера русский острог, где и сел когда-то пращур Ванюшки Краснобаева по отцу (мать была из семейцев-староверов Красного Чикоя, что на самом краю Забайкалья); и стоял тот острог „меж лесом и озерами на крепком месте, и можно около острога сыскать пашенные места... И во время свое будет тот острог великий, потому что место, где можно жить многим людям...“ А ещё через некоторое время на месте острога вырос станок, притрактовая деревня, где и заложили каменную церковь и выводили её под купола без малого десять лет.

И виделось Ванюшке, виделось горделиво и завистливо; как мужики-мастеровые с постом и молитвой, с русским великодержанием, в Божьем озарении лепили её по кирпичу, растили стены, и вдруг начинала давить усталость, являлось сомнение в духе своём и праве возводить Божий храм, и бессильно опускались руки; а потом снова в православном освещении зрели они грядущую церковь во всей её лебяжьей белизне и тонкости, во всех её по-русски щедрых, ласковых и певучих кружевах, во всех её неисповедимых тайнах и капризах, – зрели то мужики и поспешали обратить видение в явь, чтобы из века в век тешила и очищала глаз человеческий – око души, чтобы грела Русь забайкальскую любовью и надеждой на спасение, на покой, вечный и блаженный.

– Вот бывалочи картоху роешь, – поминала бабка Акулина подростшему Ванюшке, когда доживала век уже у младшей дочери, – но копаешь, копаешь, из последней моченьки выбьешься под вечер, спина омертвеет. Разогнёшься с горем пополам, чтобы помянуть недобрым словом и эту картоху клятую, будь она нелална, и свою долю горемышную – дедка твой тогда на германской воевал, и двое сынков уже загнули, – разогнёшься да вдруг, это, глянешь невзначай на церковны маковки – она, лебёдушка наша, со всех краёв видна была, как на Божьей ладони, сама в глаза кидалась, – глянешь, это значит, да и забудешь про поносные слова; троекратно перекрестишься на матушку нашу церковь, молитву Иисусову про себя сотворишь, поклонись поясно, и спина отпустит, и на душе легче... – старуха, высмотрев храм намокшими глазами, углядев его лишь в мысленном взоре, осенила себя крестом и, одышливо, с печалью вздохнув, колыхнулась всем своим разбухшим от водянки телом. – Смоет нечистое да недоброе, ключевой бочажной водицей, и откуль силы возьмутся – опять за работушку. И уж работушка, вроде в охотку. А дедка твой, упокойничек, царство небесное, уж на что супротив нынешнего годом да родом винцо в рот брал, а и то баял... Как-то, поминал, ещё в парнях упился, дескать, так это, бара, упился, что хучь выжимай, лёжа покачивало. Залил, дескать, свои шары бесстыжие, да так на развезях по

селу и волочился. Песню соромну забазлал, да как-то вдруг оскользнулся да рожей-то прямехенько в грязь угодил. С грехом пополам на ноги поднялся, глаза к небу поднял, увидел кресты, и так на душе тошнехонько стало, кто бы знал, сам себе, вроде, не мил. Мог бы, говорит, дак в глаза бы свои наплевал. Дескать, стыдоба-то какая. Это ж надо упиться так, это же надо анчутке беспятому * так поддаться, что уж ни Бога, ни царя в голове – один блуд остался; но и зарок дал... Вот оно, Ваня, как было... А уж как в заутреню, бывалочи, звонят – вроде, свечка в тебе зажгётся, светлый праздничек... О, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную! – бабка Акулина слезливо перекрестилась. – Стояла же, дак нет, своротили, фармазоны, супостаты, мешала она им. Гоша всё Хуцан... А как кресты сбили, пали они на землю да так и ушли в землю с концами, не могли достать.

Говорила это бабка за год до смерти, когда уже почти лежала под святыми.

Строили церковь в уездном селе Укыре лет эдак с десять, а порушили в считанные дни; и Ванюшке было жалко и бабку, и мать, и старых земляков, каким уже негде было отвести душеньку от тоски и теми, негде было крепко наладить её на любовь к ближнему и земное терпение, потому что вместе с уездной разорили церкви и в волостном селе Погромне, и в деревушках-малодворках; благо, что хоть иконы выжили по избам, и это спасало от кручины; жалко было мужиков, какие здесь робили в охотку и радость, и верили, что оставляют по себе в наземном мире доброе и вечное поминание, отчего им будет легче в ином мире, где их души будут греться и освещаться ласковой земной памятью; жалко было их великую работушку, некорыстную, на вечное душевное благо и погляденье; жалко, что ничего такого украсного в деревнях, где сроду не заводили зелёных палисадов, почти не убереглось и сызнова не рождалось – избы тут рубили хоть и кондовые, осанистые, но прижатые к земле, смахивающие на бурятские юрты, и когда после войны в Степноозерске – самой большой тогда, аймачной * деревне, расторопные хозяева пошли наперегонки рубить себе хоромины, истосковавшись по мирной робле, то всё одно, с теми же наличниками, карнизами, причелинами и полотенцами шибко не мудрили, даже охлупеня с солноликим коньком уже не взносили на крыши – привады такой не стало, да и горько бы гляделся матёрый, листовичный охлупень на хрупкой, скучно-серой шиферной крыше, а потом, и древодельцев-то путных извели, да и век такой привалил – не до красы, всё бегом, на поспех – курам на смех; вот и заголилась деревня Укыр стемневшим, изморщиненным телом и, без храма, готовая, кажется, от стыда сквозь землю провалиться, сжалась, как сжимается, перепуганная насмерть немолодая жёнка, какую мужик прихватил в чем мать родила на пустынном, озерном берегу, когда она, искупавшись, отжимала исподницу; но всю эту бесстыдную голь видели и переживали лишь самые пожилые мужики и бабы, потому что молодёжь, хмельная, заполошная, страдающая от того, что не могла вырваться в город, мало уже что видела смутневшим оком, мало что слышала, оглохшая от бесовского ора певцов-ревунов, обывшая жить в душевной пустоте и скудости, а

* Анчутка беспятый – нечистый.

потом, как ворчала Ванюшкина мать под старость, те же песни-дрыгалки последний умишко вышибли, взнялись чадным угаром, сквозь который уже нелегко было высмотреть или учуять ту родимую, ласково-тихую, русскую красу, какая ещё жила в чудом уцелевших храмах; жалко было Ванюшке, что и не услышать больше колокольного благовеста, когда бы медный звон, то гулкий и неумолчный, то частый и рассыпчатый, вешним, молодым громом прилетал бы к земле, кажется, из самого занебесья, из вечного, синего купола, и сладостной, обморочной, очистительной истомой прокатывался бы по самой душе, пробуждая её от страшного, душного сна.

Как сломали церковь, начало гложуть озеро, пока не обратилось в болотину; вместе с озером зачала и уездная деревня; народец перебрался на соседнее озеро, где стало шириться аймачное село Степноозерск. И судьбе было угодно, чтобы Краснобаевы и Гоша Хуцан не разлучались; вместе жили в Укыре, а потом ещё до поруки, перебрались в Степноозерск, который народился под самым боком Укыра, в получасах неторопкого пешего хода.

В том, что однажды, разорвав грохотом утреннюю тишь, взметнувшись пыльным грибом, с прокатистым, каменным громом опали на землю купола уездного храма, меньше винули Осипа Лямзина-Байкальского, тогдашнего укома партии, хотя под его верховенством порешили уездные церкви и зорили крепких мужиков, – он нехристь, чуженин, пришелец, он для того и явился в эти земли, чтобы, смутив пьяную гольтыбу, отверж, навроде Гоши Хуцана, чтобы с приневольным и приведённым под антихристову присягу, ошалевшим воинством, рушить старорусское, нажитое дедами и прадедами, а потому и спрос с него иной, о чем и речь иная, а вот Гошу Хуцана, тогдашнего советского верховода, уже простить не могли, и не прощали – хоть и без Бога и царя в голове, а всё ж свой, деревенский; и мать Ванюшки, когда разговор касался Гоши, даже через сорок лет, забыв о православном милосердии, готова была насылать кары на его безбожную головушку. Хотя это было уже лишним, потому что Гоше уже в земной жизни пришлось испить столько горечи, что и троим бы заглаза хватило. Но то случилось уже ближе к старости...

IV

Сила Косоногов, раз и навсегда отшатнувшись от таёжных скрытников, похоронив свою жену-расстрижку, на самом краю путаного и хмельного, короткого века был в Укыре ошкуйником – ловил собак или покупал за байбору – сказать, за бесценюк, и, по-зимнему времени тут же удушив на кожаной удавке, грузил в посовни – сани с коробом, потом, не понукая кобылёшки, вёз их к своей избёнке, маленькой, с косыми, слезливыми окошками. В тепляке, сложенном из старого амбара, обдирал собак и, выделав шкуры, шил из них пимы и дохи, которые продавал или выменивал на харчи в соседних деревнях. Пимы мужики обычно пялили поверх ичиг, унтов или катанок, когда, к примеру сказать, нужда гнала в крещен-

* Аймачная (бур.) – районная.

кие морозы по дрова или по сено; и дохи собачьи одевались на овчинные полушубки, если, опять же, предстояла длинная, зимняя дорога.

Ошкуйное ремесло, конечно, надёжных доходов не давало, а и заводилась мало-мальская деньга, и та мигом пропивалась Силой, отчего жил он холодом, голодом, отчего укырские мужики плевали ему вслед; дескать, борода по колено, а дров ни полена. А уж Гошка, тот жил из милости – кусочничал, потом кормился по хозяйским дворам, из той же милости определённый миром в подпаски.

Подросши, стал он подсоблять Силе, и так, шустрый парень, насобачился ловить и давить бродячих псов, что Сила едва поспевал обдирать, выделывать шкуры и шить пимы и дохи; возле шкур, возле недопитой четверти с китайской водкой – ханьшином, и помер, сердечный. Схоронив его, Гоша перебрался в Степноозерск, куда чуть раньше перекочевали Краснобаевы.

Тут и приспела гражданская война, и Гоша, войдя в добрые лета, бросил ошкуйное ремесло, вписался в партию, куда его, бедняка распоследнего и угнетённого, к тому же, как дознались, кровного сына бывшего политического ссыльного, вписали за милу душу. С той поры Гошина жизнь, дождавшись праздничка на своей улице, взмыла над деревенской жизнью, точно холонный конь, и понеслась, роняя с закушенных удил клочья пены, и пыхнул огонь из яро раздутых ноздрей. С той поры Гоша, смалу обученный грамоте своей собственной мамкой, ходил в председателях – сперва комбеда, потом коммуны, потом и сельсовета. Немало помахал наганом перед мужиками, покобенился; и уж Хуцаном его дразили только заглазно, сдавленным шепотком, потому что боялись угодить в кутузку – тогда расправа была короткая и нещадная; и уж в глаза навеличивали его Кусмановским Егором Ильичем – он, смекнув куда сломя голову бросилось времечко, взял фамилию своего кровного бати, политического ссыльного, про какого вызнал, может быть, ещё от матери или подсказали люди. Боялись его о ту пору, потому что был он как-то разом и горячий, и хитрый, как лиса.

Ванюшкин отец поминал смехом... На Троицу дело вышло: сбились молодые на поляне среди березняка, заиграли песни, заплясали под гармонь на убитом до черной земли пятачке, а парни-новожени, какие вот-вот обзавелись семьями, постаивали уже в сторонке с мужиками и, пощёлкивая кедровые орехи, завистливо косились на холостых ребят, на девчат, изукрасивших косы венками из ромашек и желтырей; и чтобы хоть как-то поразвлечься, два весёлых новожени накинули на третьего конский недоуздок и потянули: дескать, единоличника силой в колхоз тянем, а тот, дурень, ещё куражится, упирается; посмеялся народец, улыбнулся и Гоша Хуцан с подмигом, а через несколько дней всех трёх новоженей как Фома хвостом сдул, и с тех пор ни слуху, ни духу, вроде и не было парней. Вот и посмеялись... В народе, конечно, смикитили, чьих это рук дело, но все молчали в тряпочку – лихое приспело время.

Зажил Гоша при новой власти кум королю, как бурчали иные деревенские по глухим заугольям, вылез из дешёвой дабы *, в дорогое сукно залез; поярковые обутки себе завёл на зиму – сохатинные унты, расшитые бисе-

* Даба – дешевая ткань.

ром, и уж на своих двоих ходить отвалился – всё больше казаковал на жеребчике или раскатывался в бричке на резиновом ходу. А вот работёнку, как и тятя Сила Косоногов, не шибко уважал, но любил сабантуи с начальством – гулянки где-нибудь на другом берегу озера, где играл на гармонии, да, рассупонившись, выбившись из оглобелей, и скрадом, а то и на глазах крутил с вольными вдовами. Про него даже пели исподтихаря:

Наш отбойный, лихой,

Снова крутит со вдовой...

Несколько раз – на то он и Хуцан – женился, расходился, отчего в деревне не всегда верно знали, когда он женатый, а когда расхожий.

Но после войны, которая как-то ловко обогнула его стороной – он тогда ходил в председателях колхоза – убавил пыл, остепенился, и на Ванюшкиной памяти, конечно же, не тряс мотней чёрных галифе, редко надсаживал гармонию на сабантуях, и уж, ясно море, не грозил наганом; жил он в пятидесятых годах тихо-смирно, в крашенной хорошине со стеклянной верандой, возле которой поуркивал теперь другой жеребчик – мотоцикл „Ирбит“ болотного цвета; и уж всякое лето раскатывался со своей женой Верой по югам и городам. Дом, хозяйство всё же немного принудили Гошу к робле, хотя и тут старался выехать на чужом горбу; тот же Ванюшкин отец Петр Краснобаев, когда лесничал на лесном кардоне, брал на откорм Гошиных бычков и тёлочек, за что по осени Гоша норовил рассчитаться водкой, прибрисив к ней жалкие копейки.

V

Ванюшка, которого Гоша Хуцан спустя много лет необычайно заинтересовал, стал помнить его отчётливо лет с пяти; в память втемяшился тавром, будто выжегся там навечно, один случай...

На лесной кордон, где Краснобаевы лесничали года три, Гоша сразу же после Николы-вешнего пригнал тёлку с бычком, чтобы нагуляли тело к Покрову, когда в деревне начинали бить скотину – кровянить Покров по дедовскому обычаю. Пригнал он свою отошавшую животину, посулил добрый расчёт и, выпив с отцом несколько четушек „белой“, завёл „Ирбит“ и укатил в деревню. Но укатил не просто...

Тем летом жила на кардоне – тоже вроде нагуливала тело – Ванюшкина сестреница Пана, смуглая, синеглазая, которая вот-вот заневестилась, но ещё водилась с ребяташками, будто ровня, кувыркалась в траве и плела на косы венки из незабудочек, купалась в речке Уде, играла в прятки и даже шла Ванюшкиным сёстрам куклешек из цветастого тряпья. Сёстры Танька с Веркой в ней души не чаяли бродили следом, будто утята за уткой, а уж Ванюшка, тот и вовсе, даже за Панин подол держался, боясь отстать. А когда избу, стайки, скотные дворы топили в себе синеватые сумерки, когда над очерневшей тайгой зрели звёзды и молочный месяц всплывал на вершину древнего листвяка, Пана, усадив ребятшек на высоком крыльце, вкрадчивым шепотком, пугливо округляя глаза, рассказывала про Ивана – коровьего сына, который обвёл вокруг пальца бабуську Ягу, а потом скакнул на синегривом коне и достал до царевны, сидящей в высоком тереме, вот царевна-краса – долгая коса ему и выпала. Слушал Ванюшка журчащий говорок – будто во рту у Паны катались гладкие

камушки – слушал этот говорок, похожий на бормотание реки на перекате, и, прижимаясь к сестренице, видел себя тем коровьим сыном, летящем на синегривом коне выше леса стоячего, ниже облака ходячего, – летящим прямо к терему, где посиживает сама Пана и заплетает свою толстую косу, а из-под тёмных ресниц ласково вспыхивают синими светлячками и гаснут смешливые глаза. В то лето Ванюшка говорил отцу и матери, что как вырастет, сразу женится на Пане, за что его все дразнили Паниным женишком.

Выпивая с отцом Ванюшкиным, Гоша всё поваживал прилипчивым, мутноватым взглядом за Паной, утирал платком вспотевшую проплешину на затылке и всё посмеивался.

– И-их, где мои семнадцать лет, – качал он головой. – Куда они девались. Я пошёл на базар, они потерялись... Надо тебе, Пана, женишка богатого искать.

– Мужик богатый, что бык рогатый, – усмехнулась мать, – забодает.

– А у неё уже есть женишок, – отец с улыбкой кивнул головой на Ванюшку, сидящего возле печи на маленькой лавке.

– Да, – равнодушно глянул Гоша на парнишку. – Но-ка иди-ка сюда, сейчас проверим, поспел ли жених.

Ванюшка насупился, волчонком глянул на гостя, и тот опять стал коситься на Пану.

– Ну, чего вам, ребятишки, привезти из деревни? – спросил он и, не дожидаясь ответа, обратился к Пане. – А тебе чего, девушка?

Пана зарделась щеками и тут же ушла во двор. А Гоша начал собираться в дорогу, и когда завёл свой „Ирбит“ то позвал Пану с Ванюшкой прокатиться, и промчал с ветерком, с песнями аж до самой реки.

Хлёстко кони пролетели,

Ветерком обдало нас...

– распевал он, перекрывая рёв мотора, подмигивая Ванюшке, сидящему в люльке, и даже ненароком хапнув девушку за оголённое, натужное колено.

Это было весной, кагда в распадах ещё тлел снег, а на солнечных припёках уже забелели и засинели цветы-прострелы; потом Гоша примчался на своём „Ирбите“ во второй половине июня – вокруг лесничей избы уже туго гудела листва; в потайном, зеленоватом сумраке пойменного леса мигали угольками таёжные саранки, а на залитых солнцем облысках хребта уже поспела земляника.

Матери на кардоне как раз не случилось – лежала в больнице с Веркой; вот, поди, ещё в деревне пронюхав это, Гоша и прикатил, чтобы без материного сердитого догляда, вволюшку, на полный отмах гульнуть со своим в лесном скрадке. А то, что наладился он поархидачить – попить архи, говоря по-тутошнему, – Ванюшкин отец сразу смекнул, как только увидел, что Гоша, позвякивая бутылками, приволок из люльки мотоцикла кожаную сумку с харчами.

Сняв с себя брезентовый дождевик, расправив нарядную, вроде ещё ни разу не надёванную, клетчатую рубаху, обеими руками пригладил обредвшие чёрные кудри.

– Ребятишки, налетай! – махнул он рукой Таньке с Ванюшкой.

– Подставляй, Танюха, подол, – Гоша сыпанул в Танькин подол две пригоршни конфет „Ласточка“. – А это тебе, Пана, – тут он вытащил из

кожаной сумы цветастый плат и с церемонным вывертом подал его оробевшей девушке. – Носи, Пана, да помни наших, – мигнув ей повернулся к отцу. – Но что, свояк, жива моя скотина?

– Жива-а, – настороженно поглядывая на Гошу, отозвался отец. – Какая ей холера сделается.

– Но тогда надо это дело вспрыснуть. – Гоша стал выставлять на стол бутылки. – Пить будем, гулять будем, а смерть придёт, помирать будем. Верно, Петро?

– Дак уж куда вернее.

При виде бутылок хозяин радостно засуетился, кричал, потирал руки и на радостях не знал, в какой угол посадить дорогого гостеньку, пока, наконец, не уместил его под божницей.

– Браво у тебя тут, Петруха, – широко сев, подбоченившись, вздохнул Гоша. – Эх, бросить бы всю мытарню, да перебраться бы куда-нибудь в лес, да жить бы себе потихоньку.

– Кто тебе мешат? Перебирайся.

– Да?.. Надо, паря, подумать. Да уж куда теперичи, рад бы в рай да грехи не пускают. Но чо, давай, хозяин, разливай.

Раз уж матери дома не оказалось, то пришлось Пане жарить-парить, гоношить на стол, смущаясь, жарко краснея и беспомощно улыбаясь на Гошины шуточки. Но скоро он, вроде и забыв про неё, начал петь:

Схватил девку,
Да в кабак,
За кузницу, да за мельницу,
За старыми дровами, за поленицей...

С отвычки быстро охмелев, Ванюшкин отец начал было скандалить, поминать – старое – даже то, как Гоша в парнях угробил краснобаевскую барануху, когда казаковал на ней перед девками, как потрошил деревенских хозяев, в том числе и Ванюшкиного деда. Гоша, не ввязываясь в скандал, снисходительно улыбался своими тонкими изогнутыми губами, подливая и подливая хозяину, и скоро тот отяжелел, сронил голову на столешню. Гоша волоком утащил его в горницу, завалил на кровать, перед тем стянув ичиги.

Ближе к вечеру, когда Пана с Ванюшкой собрались по землянику, прицепился к ним и гость, к тому времени уже вздремнувший и немного вытрезвевший; они прошли версты две вверх по Уде, поднялись на сухой взгорок, обьятый сосняком и березняком, где среди трав, на солнечном угре из лета в лето родилась земляника, и где желтел большой балаган сенокосчиков, крытый лиственничным корьем и пожухшим сосновым лапником. Ванюшка с Паной, елозя по траве на четвереньках, подсмеиваясь друг над другом, брали землянику в берестяные туеса, а Гоша, кинув в рот несколько ягод, развалился возле балагана и курил, поглядывая на Пану через лукавый прищур. Потом он подманил её, что-то стал наговаривать, весело размахивая руками.

Ванюшка убрёл на край елани, к самому лесу, а когда услышал пронзительный, истошный крик Паны, кинулся, не помня себя, к балагану, откуда доносился крик.

Тогда, маленьким, он не мог до конца понять, постигнуть детским разумением, что же происходит, но чуял со страхом и болью, что над сестрицей творят страшное, что, может быть, приезжий дядька хочет её

прибить. Вначале он испуганно, немо, во все глаза смотрел, сунув голову в балаганный лаз, как Гоша, багровый, а остекленевшими глазами, что-то силко наговаривая, о чем-то умолая, пригребал к себе Пану, уже не вопящую, безмолвную, воротящую от жадных Гошиных губ своё белое, трясущееся лицо, с маятно выкаченными и обмершими глазами. Потом, когда она надломленно упала на сенную, улежанную подстилку и скрылась за широченной, заголившейся спиной, Ванюшка, опомнившись, с криком залетел в балаган, схватил подвернувшийся под руку ирниковый прут и стал хлестать по голой спине... да вот беда, слабы ручёнки, мужик, поди, и не учуял комаринных укусов ирникового прута. И тут диковатый вопль выволокнул его из балагана...

Многие лета, много виденного-перевиденного, пережитого легли на тот летний день – сестреница обзавелась большой семьей, жила с мужем в ладу, Гоша Хуцан сгинул с глаз, – но жуткое, постыдное, с годами уже понятное, навсегда въелось в Ванюшкину память, и в юности, стоило ему припомнить этот случай, как начинала колотить дрожь, и казалось, встретиться ему в этот лихой час Гоша Хуцан, попадись с глазу на глаз, он бы, наверно, придушил его, как собаку. Так уж он парнишкой любил свою сестреницу, так уж она жалела его. Призабытая в детстве, обидавдуг достала в юности, словно именно Ванюшкина возлюбленная билась, придавленная Гошей Хуцаном, и Ванюшка не мог её спасти.

Конечно, Ванюшке только казалось в юности, что мог бы придушить Гошу Хуцана, когда отчаянное воображение являло зримо тот день, – именно, казалось, потому что был Ванюшка от природы тихим, и ненависть, перешедшую потом в неприязнь, таил глубоко в себе, ничем не выдавая при встречах с Гошей. Правда один раз сорвался...

*

Как-то довелось ему, когда окончил десятилетку, выпивать с Гошей на берегу озера, спрятавшись от солнца в тени позеленевшего, бревенчатого заплота. Вначале была компания, но потом все разбредись, и они остались вдвоём, допивали Гошину заначку. Развалившись на мягкой мураве, поглаживая тугой живот, Гоша бодяжничал – болтал, заливая всякие срамные бодяги, чем и был знаменит на весь Степноозёрск. Припомнил вдруг, как сватал Ванюшкиного крестного отца Ивана Житихина, лесничавшего на кардоне и в ту пору как раз овдовевшего.

– Ты, Ванюха, за девками никогда не бегай, – учил Гоша, – а пускай они сами за тобой бегают. Я от, паря, помоложе был, сроду за имя не гонялся; надо, так сами придут. Вот так от... Отбою не было, я же парень-то бравый был, на пузени гармозень. Бывалочи, какая обрыдла, турну её дружку, пускай пользуется, мне этого добра не жалко. Вот у Вани Житихина баба померла, всё ходил он, холостяжил, это уже после женился на буряточке. А то всё холостяжил. На детей идтить никто не хочет – он же, ядрёна мама, с двумя остался. Да и сам-то вышел не из красы – рожа плоска, носа не видать, хошь блины пеки. И вот как-то под этим делом, – Гоша щёлкнул себя в кадык, – пожаловался: дескать, бабу себе путную не могу найти. А я-то смеюсь про себя, думаю: кого уж там путню, хошь бы завалышу каку, и то бы ладно. Он же такой теля ишо... Вот, значит, и просит меня: мол, подсоби, Гоша, сосватай, а я уж в долгу не останусь, телка

не пожалео, если выгорит дело. А у меня о ту пору была одна сударка – разведёнка, сказать, бравая такая баба, – вот я решил её сосватать. И как-то приезжаю к нему на кардон, где он лесничал, и разведёнку Дусю с собой припёр. Заодно, думаю, и рыбки добуду – у него там на речке заездок стоял, этого ленка и харьюза не впроворот. Но выпить, конечно, прихватил, чтоб не на сухую сватать. Но приехали мы, а он, бедный, перепужался вусмерть, на Дусю глядеть боится – того гляди, в лес убежит. Ладно... Пошли мы к речке, сели под кустами и давай гулять, тут я их и сосватал. Но сосватал, а самому, паря, жалко Дусю: ох, думаю, даже обидно отдавать за пенька такую бабу. А Дуся тогда ишо молода была, ловкая, – Гоша выговаривал такое, вроде спяну-то забыв, что Ваня Житихин доводится родным дядей Ванюшке. – А тут пошёл Ваня к речке воды на чай черпнуть – мы уж костерок развели, всё чин чином – и решил заодно рыбы из заездка насакать. Пошёл он, а я Дусе и говорю-ка: но чо, мол, Дуся, давай напоследок-то, на прощание-то... Она упёрлась: мол, неловко как-то, раз посватана. Неловко говорю, штаны через голову сымать. Но уговорил. Она же, ядрёна мама, любила меня, Ваня, до беспамяти, она же от нужды за него собралась. И то-олько, это, растелешись за конюшней, то-олько в самый скус вошли, Житихин и выходит, но тут вши и померли... Всё бы, паря, ладно, вот только тёлки лишился, жалко.

Ванюшке, в те его лета, когда кровь во всю играет, играет слепо, безрассудно, поначалу было даже завлекательно такое слушать, но потом стала вздыматься обида за крестного, за коку Ваню, как он звал его. Но, переборов обиду, даже хохотнув вслед за Гошей, стал он, наслышанный от матери и бабки Акулины про церковь, пытаться, как её своротили. Гоша, подозрительно скосившись на парня, одно лишь припомнил, со смехом глядя в темнеющее озеро: дескать, перед тем как рвать церкву, сбили кресты и почали железо с маковок и куполов обдирать и сбрасывать вниз; налетели тут старухи, как осы, закрестились, завыли воем, стали плевать, насыпать на безбожников-фармазонов кары лютые, а под потёмки те же старухи, видя, что земля не разверзлась, руки у полумщиков не отошли, молонья никого не сразила, поволочили железо по своим дворам – мол, не пропадать же добру, на противини сгодится.

Кончилась их гулянка на берегу тем, что Ванюшка, тяжело и злобно захмелев, налившись непереносимой обидой за свою родоу, за церковь, за ту же сестреницу Пану, кинулся на Гошу с кулаками, и хорошо, парни, какие бродили неподалеку с девушками, прибежали на Гошин „караул“, оттащили безумного да ещё и окунули головой в озеро, чтобы остыл, охолонулся.

VI

Многое тонет в сорной пучине памяти, затягивается илом, песком; вот и случай с Паной поминался всё реже и реже, а если всё же выныривал из заводи мимолётным поминанием, то уже не по-былому жёг обидой – своих грехов накопилось в загашнике. И всё же, всё же отчего лет через двадцать Ванюшка часто думал и про Гошу Хуцана, и про Осипа Лямзина-Байкальского, вроде как безвинно казнённого своими же и посмертно оправданного и возвеличенного? Зачем выпрашивал про них старую

мать, пожилых земляков, рылся в побуревших от старости, газетных отвалах? Может, потому и рылся, потому и выпрашивал, что не давало покоя непрояснённое – страшное, кровавое время русского братоубийства и великой порухи, когда пала Россия, когда будто и над ним, Ванюшей, полонённым и проданным в рабство, как над Паной когда-то, надругались, унизили навечно. Навечно ли?.. Нет, не навечно – понял он ещё позже, когда опять завитал над отеческой землей русской, вновь рождающийся дух.

Может, ещё и от того поминался Ванюшке Гоша и поминался со стыдом, что однажды в сердцах Ванюшкина мать обозвала его, родного сына, Гошей Хуцаном, прослышав, что тот, ветродуй, попустившись семьей, ударился в гульбу. Но всё это прошло, минуло.

А случай с Паной, как и многие другие, сошёл Гоше с рук, но уже под самую старость жизнь его, сперва черпанув бортом студёной воды, быстро опрокинулась.

*

Сыном Гоши, названным в честь революционного мира Ревомиром, гордилась вся Степноозерская школа за неслыханные способности к математике, отчего после восьмого класса забрали парнишку в Новосибирск в специальную школу для таких же голованов, как он; а года через три парнёк вернулся уже со звоном в голове, как говорили в деревне, – сутулый, с угрюмым поглядом из-под толстых очков, со слюнявым разъезжающимся ртом; Гоша помотал его по городским больницам, свозил аж в Москву к большим знахарям, пересовал врачам уйму денег и подарков, но парень так и остался со звоном – обалдень, не обалдень, а и разумным не назвать. Дальше больше: стал заговариваться, забывать многое; даже, бывало, фамилию спросят ради глупого интереса, и то не сразу ответит, а в начале подумает, мучительно растирая лоб над очками, а потом улыбнётся виновато и скажет: „Чарльз Дарвин...“, а то ещё чуднее чего выдаст. В деревне решили, что переучился на другой бок, но старухи, как и бабка Акулина когда-то, во всём винили Гошу: мол, какое семя, такое и племя, и что, мол, вот она кара небесная. Располневший, неповоротливый, днями напролёт давил он койку, читал толстые книги, и так иногда дивно заговаривал – даже Ванюшка, к тому времени бегавший в старшие классы, слышал краем уха, – так мудрённо выплетал мысли, да всё больше о неземном, нечеловечьем, что в деревне стали дурачка бояться, а старухи, полагая, что парень не сам молвит, а это бес в нём говорит, всё же сильно жалели парненька. Краснобаевская соседка Варуша Семкина, под старость ставшая набожной, советовала Гоше окрестить Ревомира в православной церкви, дать ему по крещении новое имя, какое в святцах выпадет, но Гоша, приняв это за насмешку, шугнул от себя Варушу, обзавав её словами поносными словами. И всё-таки жена Гоши Вера как-то исхитрилась, исподтихаря свозила сына в Читу, где и окрестили его, но имячко менять не стала, убоялась мужа. А имя-то, как ворчала Варуша Семкина, в первую голову и надо было менять; какое это, дескать, к чертям собачьим имя – Ревомир!..

В последние годы парнёк читал даже Библию, какую привезли после крещения в Чите; и когда Ванюшка, не поступив в институт, работал в

деревенской газетке, Ревомир был уже совсем не в себе, даже мысли потеряли последний склад и лад, помутились, порвались, лишь изредко и болезненно ярко вспыхивали странными догадками. Как-то принёс он Ванюшке письмо и просил напечатать его в газете.

„Я, Кусмановский Ревомир Георгиевич, 1948 года рождения, болею проказой нашего общества, – видимо, от сильной близорукости городил он, точно частокол, почти печатные буквы. – Врачи отказались лечить. Не знают от чего. И не посылают к профессорам. Но думаю, и они бессильны. Состояние моё перешло вначале в чёрную магию, потом в белую, потом в небесную, потом к самому Господу нашему Иисусу Христу. Многое забыл. Я ненавидел людей. Я был Сократом, Чарльзом Дарвиным. Я ненавидел отца. У меня были тогда чёрные крылья, и я летал ночью. Потом ко мне вернулось утреннее сознание, и я увидел людей. Люди – муравьи, их ест муравьед. Мне стало жалко отца – отец ночной человек. Но уже нет течения мысли, впереди одно пространство. Что я написал, сейчас во мне пропадает. Но факты остаются, которые я ощутил на себе, расшифровал, вычислил. Но они ещё расшифровываются. Чем я болел: болел током высокой частоты, болел невесомостью, болел цепной реакцией, разложением атомов моего мозга, болел разных тонов вибрацией, болел разными магнитными полями, болел полным исчезновением тела, кроме головы, болел головой одну две минуты с магнитно-кардиограммой записью. Успел во время записать. Я, Кусманский Ревомир Георгиевич, жил ещё до образования планет, при жизни в человеческом материале рождался несколько раз. Сжигал себя при царе Алексее вместе с протопопом Аввакумом. Вам покажется, фантазёр и сумасшедший – нет, голова у меня работает, вычисляет, как я был пять тысяч лет назад. Потом я погиб во всемирном потопе от проказ общества. Тут нет фантазии, голова у меня работает в ясно-непереутомлённом течении мысли, хотя она уже растворена в тёплом свете. У матери я родился розовым ангелом. Встал на ноги, обратился в белую овечку. У отца стал чёрным ангелом. Учился у Чёрного Профессора. Знал много, был могуч. Потом в душе моей родился ласковый Свет Господа нашего Иисуса Христа. Тогда меня рвали чёрные ангелы, отчего у меня были сильные головные боли. Потом боли прошли, я растворился в Свете, как последний из людей. Я опять стал сильный, потому что стал последний из людей, потому что растворился в ласковом Свете. Теперь я вижу утренними глазами сквозь тьму. Я знаю, что Чёрный Профессор смотрит из космоса на Россию. Чёрный Учитель ищет себе верного ученика. Он будет гений и всемогущий. Он будет ходить с именем Бога нашего Иисуса Христа, но, знаете, русские люди, – он ученик Чёрного Профессора. Вы, конечно, мне не поверите. Вы поверите Ему. Мне трудно поверить, потому что я невидим, я уже отсутствую...“

Ум его мерк, и родители уже мало чему дивились: соберётся, вроде, по хлеб, как путный, а вместо хлеба насобирает в сетку коровьих лепёх и выложит на стол: дескать, кушайте на здоровье. Вот ваш хлеб... За такие выходы его, когда поблизости не оказывалось родителей, поколачивал младший брат Лёва, Ванюшкин однокашник, чернявый, юркий, но, как в деревне вздыхали, оторви да брось. И не зря вздыхали... Может быть, так христовенький Ревомир бы и дожил век в деревне – мало ли таких по деревням и городам, но случилось страшное: баловался как-то Лёва с

отцовским дробовиком, целился ради смеха в своего полоумного брата, и как уж там вышло, Бог весть, но только всадил Лёва в родного брата заряд картечи.

VII

Пришла беда – отворяй ворота, потому что в одиночку она не бродит, а, коль уж набила тропу в дом, то и сестру свою приводит.

Кажется, через год, как похоронили скудоумного, а Лёву упекли в каталажку, жена Гошина Вера, потешная, языкастая бабонька, в святые вечера, на крещенский сочельник, бегала по избам ряженная под чёрта – напялила на себя вывернутую собачью доху с пришитым к ней коровьим хвостом, на голову одела рысью шапку, увенчанную рогами, прилепила ватную бороду и, вставив в рот картофельные клыки, пугала соседей – машкарадилась, как в деревне говорят. Даже Ванюшка, уже почти мужик, испугался, как в детстве, когда она, пинком распахнув дверь, впусав клубы пара, завалилась в избу вместе со своими ряженными товарками. Размётывавая зерно по кути, кобенисто приплясывая, припевая, Вера потребовала пирога и раскрыла большой, холшовый куль, куда и собирала подношения.

– Не дадите пирога, сведём корову за рога! – грозно посулилась Вера.

Ванюшкина мать тут же, сунув в холшовую, ненажорную глотку половину щучьего пирога, налила всем по рюмочке, и пригласила отпочтеваться с низким, поясным поклоном: дескать, не взыщите, гости дорогие, чем богаты, тем и рады.

– А купите козу-дерезу? – снова повела Вера капризным голосом, подмигивая своим товаркам и выпячивая картофельные клыки, вставленные в рот. – За так отдаём – яичек пяток, сала кусок, горшок серебра, куль другого добра! Ох, покупайте – не прогадайте. За нашу козу давайте хлеба с полвозу.

Тут подружки ввели из сеней чёрную имануху, с лентами на рогах и яркими, бумажными цветами, уже очумевшую от святочного шатания по избам, тупо покорную, ждущую круто посоленную корочку, какую во всякой избе совали ей, чтобы служила, не брыкалась; имануха, постукивая и похрустывая копытами, прошла на середину кути, и не успели гости с хозяевами глазом сморгнуть, как эта разряженная кумушка присела на задние ноги и с шумом пустила из-под себя желтоватую струю.

– О-ой, девки, гоните эту козу-дерезу, гоните взащей! – запричитала мать, уже немного обиженная. – Даром такую не надо. Ишь напрудила, бесстыжие её глаза.

Ряженные и сами не ожидали от иманухи такой бессовестной выходки, а потому сначала растерялись, но какая-то проворная бабёнка схватила тряпку из-под умывальника и пошла развозить сырость по кути – подтирать, вроде. Когда опять загомонили, запели, заплясали, кинулся в пляску и отец, да так раздухарился, что, не стесняясь матери и взрослых ребят, тут же с шутками-прибаутками запустил руку под Верину собачью доху и обшарил сдобную бабоньку, игриво повизгивающую, треплющую отца за сивый чуб. А Верины товарки ещё раз провели по кути провинившуюся козу, дергая её за поводок и припевая:

Где коза ходить,
Там жито родить,
Где коза хвостом,
Там и жито кустом,
Где коза ножкою,
И жито копёшкою...

Мать обнесла всех по последней рюмочке, ряженные выпили, не чинясь, метнули на пол несколько горстей зерна и повалили дальше; а тут и отец, быстро напаялив на себя чёрную старушечью юбку, повязавшись шалью, так что видны были одни лишь глаза, кинулся вслед за ряженными. Мать проворчала, когда голоса машкарадников загудели уже под окнами:

– От Вера, а, весела баба – одного парня схоронила, другой в каталажке сидит, а она поёт да пляшет.

– Ну, а что, плакать что ли без передыху?! – пожал плечами Ванюшка, наряжаясь, повязывая ярко-цветастый галстук на новенькую нейлоновую рубашу.

– Да уж не веселиться бы... А ты куда чепуришься!

– Куда, куда! К ребятам, у нас там компания собралась.

– Смотри, парень, шарошишься по ночи, – пригрозила мать пальцем, – а счас фулиганья-то сколь в деревне. Башку-то отвертят, узнаш.

– Не отвертят, не бойся.

– Ох, Верка, Верка, допляшется, однако.

Так оно и вышло: долго в тот метельный вечер цыганила Вера, и ближе к полуночи, так напотчевавшись, что уже еле языком ворочала, закурила на ветру и запалила ватную бороду...

Недели через две, после Крещенья умерла в городской больнице от сильных ожогов.

Схоронив жену неподалеку от сына, Гоша отвёл сорок дней и сошёл с нестарой вдовой. Мать Ванюшкина, как прослышала такое дело, осерчала плюнула в угол:

– Тьфу! Вот уж верно, кто Бога не занат, тот и стыда не имат. Верина постель-то ещё, поди, не остыла, ещё душа в избу прилетает водицы испить, а уж он сударку привёл. Но да Хуцан, чо с его возьмёшь. Веру-то, сестреницу, жалко – натерпелась, бедная, с этим ветродуем.

– А что особого?! – перечил матери Ванюшка, уже заживший своим молодым, поперечным умом. – Сколько ему лет?

– Года с одиннадцатого, вроде.

– С одиннадцатого... – Ванюшка стал прикидывать в уме. – Сейчас у нас шестьдесят восьмой... Пятьдесят семь лет – ещё не старый. Чего он будет один жить?! Да, может, любовь у них, – ввернул он, хотя знал, какая уж там любовь у Гоши Хуцана.

– Любовь... – сердито дёрнула плечами мать, но завершила неожиданно тихо. – Ну да, Господь с ними, абы жили по-путному, не нам их судить.

У вдовы, какую Гоша взял за себя, осталась от сбежавшего мужика пятнадцатилетняя дочь, тоже христовенькая, навроде Гошиного покойного сына, днями сидящая на заплоте и, косоротясь, заговаривая со всяким встречным-поперечным. С ней в деревне давно уж обвыклись, и редко слушали, чего она выговаривает на своём тарабарном языке.

...Всё бы, может, и вновь сошло Гоше с рук, как и сходило много раз; может, и опять вылез бы, как утка, сухим из воды, тем более, вдова, а теперь вроде как законная жена Гошина, то ли задобренная, то ли запуганная, то ли просто не желавшая пихать мужика в каталажку за свою христовенькую, – долго скрывала, но девчушка сама разнесла по деревне; хоть и нелегко было её понять, а всё же кто-то ясно представил, как заманил её пьяненький Гоша в колокольню, которая дивом выжила, осталась от порушенной церкви, как посулил ей конфет... Но почему именно в колокольню? – спрашивал себя Ванюшка, вообразив в этом зловещий, вполне уловимый смысл. – Но, может, и нет здесь никакой связи с тем, что саму церковь, вслед за уездной, Гоша-то и порешил, потому что в глухую колокольню и до него, случилось, водили отбойные, хмельные паренки своих податливых сударок, хотя, конечно, не таких недорослых, как падчерица Гошина; и даже Ванюшка, прости его душу грешную, простоял там с подругой до самых петухов.

Под ярые крики баб возле нарсуда, которые грозились выдергать Хуцану последние кудеряшки и ещё кое-что вместе с ними, утортали Гошу туда, где такие же отвержи кормили вшей по баракам, а через год, кажется явился слух, будто приказал земляк долго жить – то ли руки на себя наложил с горя и стыда, то ли жиганьё лагерное, не привычающее тех, кто садился по такой пакостной статье, подпихнуло на тот свет, но, так или иначе, вроде бы и замкнулся Гошин жизненный круг на колокольне.

*

Сколько помнил Ванюшка, немало всякого случалось в большой, неспокойной деревне – и вешались, и стрелялись, и других стреляли, и тонули, и насильничали, – но случаи эти порастали торопливым быльём, и лишь Гошин так и стоял особняком, чернел укором, назиданием, затвердевший в полуобрушенной, облезлой колокольне. Осталась от Гоши эта колокольня, сумрачно смотрящая в озерную синь сводчатыми окошками, возвышаясь над деревней вровень с пожарной каланчей; одним боком колокольня выходила на пилораму, где после купанья отжимались ребятишки, другой бок, глухой, угодил в столовскую ограду, и подле него вырыли помойную яму, которая всегда почему-то была сверхом полна, и вокруг белённого, но грязного надстроая помойки, приноживаясь, вечно бродили бездомные, беспородные псы, и роились жирные, зелёные мухи, при этом пахло от неё так, что мимо не пройти, не проехать, – такая вонь, что хоть нос затыкай и беги за три версты без огляда. Там, где лепился к колокольне весь храм, остались в своё время бугры битого кирпича, потом они затянулись землей и всякой дурнопьяной травой – крапивой, лебедой, трубчатым морковником и курчавым чертополохом. Зимними днями, в оттепель, когда с карнизов титьками свисали голубоватые сосули, умильно балагурили промеж себя голуби, рыслыми гроздьями облепив карнизы, выступы и ободранный купол колокольни со стороны солнопека. А мартовскими густыми, сыроватыми ночами где-то в сплетении полусгнивших, полуобрушенных балок плакали коты и кошки на своих яростных свадьбах; плакали с такой сладостной жутью и так по-человечьи, что у ребятишек, заглянувших в колокольню, увидевших зелено-

ватые огни, мерцающие в темени, услышавших стоны и вопли, мороз пробегал по коже, волосы дыбились, а Ванюшке чудилось иногда, что плакали под куполом чьи-то бесприютные, грешные, некрещённые и неотпетые души.

VIII

Ванюшка любил город Улан-Удэ утренним; любил мощённую булыжником, нагорную улицу или в пору дождей, когда промытые камни глупо и темно светились, или в летнее, синеватое предзорье, когда свирепый гуд машин, чад, лихие взвизги тормозов, шальные потоки горожан ещё не порушили и не разметали выстоявшуюся за ночь до слезы, прохладную, старгородскую тишь.

Вот и тогда, вначале восьмидесятых, будучи пролётом в свою далёкую, лесостепную деревню, и коротая время до открытия какой-нибудь забегаловки-укырки, слонялся по булыжной улице, прислушиваясь к своим шагам, гулко и величаво звучащим в уличном безмолвии; во всю несчастливенную грудь вдыхал родимый, влажный холодок, текущий от двух забайкальских рек, на слиянии которых родился город, прозываемый при царе Верхнеудинск. Сколько юношеских воспоминаний – и смешных, и грешных, и светлых – являли Ванюшке даже вышорканные, вылинные дождями камни, замостившие старинную улицу. Не Бог весть, как и щедра она была каменными кружевами, лепным узорочьем, и всё же и тут было где обмереть глазу и засветиться в диве.

Оглядев театр на взгорье, в раздольной крылатости и лёгкости которого виделось степное, бурятское, присмотревшись к свирепо рвущимся с фронтона, матерущим коням, Ванюшке вообразилось, как однажды, устав стоять на дыбах, устав беспрокло рваться вперёд, кони оттолкнутся от хоромины и, каменно грохоча над спящими домами, унесутся в дикие, ковыльные степи.

Спустившись под горку, прочитав возле драмтеатра афиши, Ванюшка завеселевшим, игривым взглядом поздоровался с каменными силачами, на плечах и натужных руках которых покоилась крыша осадистого, купеческого особняка. „Стоите, ребята? – подмигнул он здоровякам, и, коль те промолчали, ответил за них. – Стоим, значит. Ну, ладно, стойте...“ – дозволил он и тут же припомнил, как лет десять назад одна его городская зазноба, острая на язык, азартно глядя на рослых и плечистых бородачей, поцокала языком: „Вот были мужики...“ – и со вздохом покосилась на мелковатого Ванюшку.

Дойдя до нижнего края улицы, почти до самого слияния Уды и Селенги, постоял возле давно уже закрытого православного храма, запущенного, со сбитыми крестами. В юные годы ему было жалко лишь загинувшую красу, какую являли русские церкви, порушенные или запущенные и загаженные теперь, про всё остальное, касаемое души, он о ту пору мало чего понимал, да и боялся понять и осложнять тем самым свою жизнь; он даже полагал одно время, что молятся лишь тёмные, сирые старушки, да всякий калешный, болезненный народец, какой уж так намаялся со своими хворями, что готов поверить чему угодно, лишь бы засветилась надежда на облегчение или хотя бы на вечное счастье за

обрывом, где или перед студёной пропастью или перед майски засиявшим небом кончается жизненный путь; считая так про себя, сторожась всякой фальши, Ванюшка не любил ходить в храмы, да он их как-то и не замечал в бегучей городской жизни. Хотя перед самым отлётом на родину каким-то дивным ветром занесло его в иркутскую Крестовоздвиженскую церковь; он вошёл туда через большое душевное противление, уже в церковной оgrade угнетаясь духом и потая от смущения. Сказать вернее, не дивным ветром замахнуло его в церковь – просто, мать велела привезти из города нательный крестик, иконку Богородицы и церковных свечек, и просила поставить свечку за упокой отцовской души. Всё это он проделал, хотя и пугливо, воровато, боясь чужих глаз, как и торопливо, морщась от поклонов, подал нищим копейки. В самом храме, с горем пополам преодолев стыд за самого себя, вроде как глухого и слепого, бессильного перед мирским, грешными утехами, глазел на возжигающих свечи, осеняющих себя крестами, на молящихся, особенно молодых, – глядел смущённо, будто на его глазах, как на сцене, творилось самое откровенное, которое бы таить да таить от чужого взора; они, как чудилось Ванюшке, хвастались своим отрешением от мирского, суетного, своей причастностью к некоему вышнему свету. Потом он стал приглядываться к девушке, с молитвенной любовью смотрящей на Богородицу отпакнутыми, влажными глазами, в голубизне которых зоревыми сполохами тихо играл свет от запалённых возле иконы свеч; молитвенная бледность, будто снегом, укрывала щёки девушки, но потом на щеках ожил румянец, и девушка стала до того приглядиста, заманчива, что Ванюшка, забыв про всё на свете, азартно следил за ней, будто и не в храме Господнем стоял, а сучил ногами на деревянном пятачке в городском парке, скакал козлоногим бесом на материнских и отеческих костях – парк, когда зажили без Бога и царя, устроили на бывшем погосте, – вихлял боками под визги и стоны электрических гитар, рвущих в ключья летнюю темь над берёзовыми гривами. А девушка, так и не приметив зарного мужского погляда, исповедалась, причастилась, и была, как чуял Ванюшка, особенно соблазнительна в своём отрешённом от мира, ясном умилении. Так он отстоял всю службу, грея в душе лихие помыслы, с тоскою косясь на девицу. Мог он тогда, диковатый, и на святую Параскеву Пятницу посмотреть так же, как на эту богомольную деву, – смуглые, гладкие щёки в едва приметном, нежном пушке, прихотливо и, блазнилось, чувственно изогнутые губы, шея, плавно и вольно текущая в плечи, – мог и таким узреть иконный лик, хотя и терзался, и клял себя за то последними словами; и ещё много нужно было нажать лет, много познать скорби житейской, чтобы, измаявшись грехом и грешным помыслом, устав от пустоты, войти, наконец, в храм с надеждой на своё спасение, с покорной любовью к Отцу и Сыну и Святому Духу. Потом, уже не глаза на прихожан, молил он здоровья матери, просил и для себя покоя и сил, чтобы не отчаяться, не сгореть в суетных страстях; и, как поминала когда-то бабка Акулина, чуял, что светает на душе, становится прогляднее, – так расплзается под утренним, нежарким солнышком огузлый, серый туман, скопленный за ночь.

*

Набродившись по городу, Ванюшка спустился к гостинным рядам, где

вот-вот и должна открыться забегаловка – там подавали пирожки горячие; до открытия оставалось ещё минут двадцать, и Ванюшка присел на скамью под корявыми, раскидистыми тополями, от нечего делать наблюдая за стариком, который мёл асфальт возле самой „Пирожковой“. „Бедный старик, – вздохнул Ванюшка, – или уж кормить некому – дети бросили, или уж просто такой одинокий и, может, пенсия гроши, как у наших колхозников. Вот, поди, и пришлось, бедному, на старости лет метлой себе прокорм зарабатывать...“ Старик вроде уже через силу шоркал метлой, отдувался, а иногда, остановившись, что-то бормотал обвалившимся ртом и, спихнув на затылок сплюснутую кепку, утирал со лба пот, озираясь из-под реденьких седых бровей. Что-то знакомое вымелькнуло в этом иссохшем лице, затынутом сивой щетиной, но старик, передохнув в очередной раз, повернулся к Ванюшке спиной и опять зашоркал метлой трещиноватый асфальт. Прикрыв глаза, потирая висок, Ванюшка стал мучительно гадать: где же он встречал этого человека?.. и он бы вспомнил, но, кажется, вспоминать мешали очки с толстыми стёклами, таящие глаза старика. А тот вроде бы домёл свой участок, прислонил метлу к изглоданной на корню, облупленной колонне и стал выуживать из каменной урны пустые бутылки; подслеповато жмурясь под круглыми очками, оглядывал горлышки на свет, прощупывая их пальцами, а уж потом суетливо пихал посуду в линялый, латанный-перелатанный, заплечный сидорок. Вот тут-то и распознал Ванюшка в старике Гошу Кусмановского – язык не поворачивался обзвать его Хуцаном. Конечно, время не красит, но тут уж оно больно торопливо и усердно поработало. Сколько помнил его Ванюшка – а помнил он его с начала пятидесятых – Гоша вроде до самой тюрьмы, до конца шестидесятых, почти не старился, всё ходил по деревне молодежавым, осадистым, но теперь, спустя пятнадцать лет, перед Ванюшкой, сгорбившись, стоял усохший – кожа да кости – ветхий старик.

Парень хотел уж не подходить к земляку, разминуться, как разминаются, сворачивая в сторону, со знакомыми людьми, с кем не шибко-то и хочется говорить, но тут любопытство одолело, поэтому когда старик, собрав бутылки, уместив сидорок на спине, пошёл в глухую арку, Ванюшка догнал его.

Старик сперва не признал своего земляка, сродственника, к тому же; он щурился настороженно, вглядывался, но когда Ванюшка назвал своего отца Петра Калистратовича Краснобаева, с которым Гоша столько перепил вина, стариковы глаза оттепели.

– М-м-м, во-он ты чих будешь. Но, но, но... Сродственники, значит... М-да... Ну, как мамка поживает?

– Да ничего пока. Она в Чите живёт, у сестры, а сейчас в Степноозерске гостит. И я туда собираюсь.

– Вот и ладно... Слышал я про мамку твою. И про тятюку слышал, что помер, царство ему небесно. Мы с Петрой почти что годки были. Мало, бедный, пожил. Водочка всё, холера её побери, загубила. Но теперь уж чо говорить... А ты как – семья, дети?

– Дочь у меня – десять лет уже. В Иркутске живём. А сейчас в деревню полетел. Вы-то давно в наших краях были?

– Давненько.... – старик хотел ещё что-то сказать, но потом махнул рукой. – Ты вот чо, парень, ты погоди маленько, постой тут, а я живой

ногой забегу, а потом уж ко мне повалим, по-стариковски покалякаем... – он улыбнулся увядшими, синеватыми губами. – А я чую, что вроде нашенский, степноозерский, поговору-то, а признать не могу – свет-то, паря, совсем из глаз выкатился – ослеп, можно сказать. Но ладно, погоди маленько, а я уж одна нога там, друга здесь – мигом я.

В самом деле, скоро он вышел в арку из внутреннего двора, поправляя на загорбе разбухший сидор, от которого наносило сытным духом печенного.

– Вот, сынок, пришлось на старости лет дворничать, чтоб прокормиться. При „Пирожковой“ тут числюсь, вот они мне кажин день и пирожков горячих подкидывают. Счас придём, чайку сварим, отпотчую земляка.

Они шли глухими улан-удэнскими дворами, мимо белённых уборн и дощатых помоек, резко пахнувших хлоркой, мимо старых домов, с тёмными, но ещё крепкими, толстыми венцами, и вышли к приземистому бараку, охваченному высокими, до самых окошек, завалинками, в которых желтели осевшие опилки. Барак был запущен, и казался бы нежилым, брошенным среди пустыря, если бы кое-где за мутными окошками не пестрели занавески.

Старик жил в комнатёнке, сырой и сумрачной, с провисшим, отпученным потолком, с облупленными, давно не белёными стенами, смотрящими сквозь копоть. Громоздкий, чёрный шкаф вроде как делил жильё на светелку и крохотную куть, где мостился колченогий, самодельный стол; над ним висел шкапчик, а в углу, на божнице, облупленной чайной золотинкой, возле пучка вербы и крашенных яичек, поблескивала печатная икона – Богородица с Богомладенцем, и желтели три тоненьких, полуистлевших свечки.

Скипятив воду на плитке, заварив в железной кружке чай, старик стал потчевать гостя казёнными пирожками с ливером; сам же, спохватившись, принялся пить какое-то бурое, почти чёрное снадобье, перед тем тряскими пальцами несколько раз перекрестив его, бормоча по изжужканной бумажке, похоже что, заговорный нашепт. Из всего заговора Ванюшка только разобрал: „...Сними, рай-шука, с раба Божьего Георгия уроки и призоры, и шепоту, и ломоту, и страх, и переполох...“ Слушал Ванюшка и, дивясь – Господи, Гоша ли Хуцан перед ним?! – смущённо отводил глаза.

– Здоровьишко-то, Ваня, совсем прохудилось, – выпив заговоренный настой, переморщившись, вздохнул старик, и оглядел свое скудное жилище, будто и повинное в его худом здоровье. – Входит оно, паря, золотниками, а выходит пудами. Так от... Да и какое, Ваня, здоровье – всего жизнь порушила. Ох, беда, беда... Вот уже и свет из глаз покатился, не ослепнуть бы, а то ить, Ваня, некому будет и стакан воды подать... – старик безголосо, одними отмокшими глазами заплакал, дрогнули, затряслись его острые плечи. – Дожил... Много я передумал, пережил там... – Ванюшка догадался: на отсидке. – А потом, много мне один баптист толковал про Бога... У тебя семья, говоришь, дети? Молодец... А мой-то сынок, Лёвка, слышал, чо утварил?

– Но это при мне было, я тогда в деревне жил, – уклончиво ответил Ванюшка, намекая на загубленного Ревомира.

– Да нет, – понял его Гоша, – не про то я. Он тут ишо почище вытворил... Вот ты, молодец, голодом-холодом жил, всякого нагладелся да

натерпелся от батьки своєю, а ить выучился – грамотный. Как-то в газетке читал твою статейку про семейских-староверов – ловко ты всё прописал. Да-а, паря, наломали мы дров, прости, Господи... А мой-то Лёвка совсем с пути сбился. Как смалу пошёл шаромыжничать да хулиганить, так и по сю пору не унялся. Как сел тогда за бедного моего сыночка, так и... – Гоша махнул рукой и, достав, замызганный платочек, стал утирать глаза. – Вышел из тюрьмы да чуть родного тятю на тот свет не отпровадил... Я же здесь недавно живу, а перед тем в Черемхове жил, там у меня и своя избёнка была. Лёвка освободился и ко мне. Ох, и натерпелся я, паря, от него – кому сказать, не поверят. От наградил Бог сыночком. Как напьётся, бывало, так и с кулачём на отца. По соседям только и спасался. А уж пил-то всяку заразу: и деколон – коньяк с резьбой, говорит, и политуру, и капли с аптечки. Путём не работал, пил да в карты играл. Вот такой, Ваня, сыночек выродился. Как шары зальёт, так и кидаца. А потом отца родного в карты проиграл. Ночью пришёл со своими варнаками, двери ломом подпёрли и зажгли. Да, слава те Господи, соседи прибежали, выручили, а то бы так живьём и сгорел. От оно как... И за что мне на старости лет такая казнь Господня?! – глаза старика мелко и часто замигали, по запавшим щетинистым щёкам потекли слёзы. – А тут как-то брата твоего Лексея видал, мать ваша у него гостила. Но, думаю, дай загляну, навещу Аксиныю. Посидели мы с ей так бравенько, почаявали, я ей всё как есть и обсказал. А мать мне потом: мол, ты уж, дескать Гоша не обижайся, а это тебя Бог за грехи покарал. Вилял, мол, вилял, да и на вилы попал. Так от!.. – глаза старика похолодали, обиженно заострились, и только теперь что-то в лице проглянуло от прежнего Гоши Хуцана. – Но рази ж такое можно говорить?! – он опять безголосо заплакал. – Тут уж загинайся, под святыми, можно сказать, лежишь, а она мне такое... Ну, да ладно, Бог простит... Ты извини, сына, что я про мамку твою. Я супротив её ничо не имею, она великая труженица, всех вас вырастила, выкормила, на ноги поставила. Не она, дак вы бы со своим папашкой-то пропали. Пил раз, дак чо толку... Но приобидела мамка ваша. За грехи, говорит. Дескать, при твоём правеже и мужиков крепких зорили, на выселку посылали, и церкву в Укры своротили – вот, мол, за то и позимки тебе пришли. Тут уж едва ноги волочишь, а она укорила, помянула старое. А зачем лишний раз тыкать-то в глаза?! Я грехи свои знаю, дай Боже хоть до смертушки замолить. Ох, грешен я, Ваня, грешен. Да Бог, поди, милостив... Но и времечко такое было, Ваня: думали, новую жизнь почнём – красивую. Воля... Воли захотелось... – старик невольно заюлил глазами, и Ванюшка понял, что немного лукавит – знаю, какой воли хотелось тогда молодому Гоше. – А потом, ежли где и сумление брало, так попробуй не исполни приказ – мигом в распыл. А кому жить не охота. Это теперечи вам легко рассуждать, а походили бы в наших шкурах. Сперва-то всё вроде ловко пошло, в радость, в охотку, а потом, как спохватились, гаечки-то уже и закрутили. Так от... Я не оправдываюсь – я смалу варнак варнаком был, но и понимать надо... Вот Сталина одно время шибко поносили – это при Никитке-то при Хрущёве. А ведь ещё помянут добрым словом, такого же позовут, чтоб порядок навёл, когда от таких, как мой Лёвка, проходу не будет. Сейчас-то уже в потёмках лучше на улицу не выходи – мигом обдерут как липку и в бока насуют. Вольный народец. Раз Бога не знают, стариков не слушают, чем их уймёшь – силой одной, вот и позовут другого Сталина. Так и будет,

помяни моё слово. Ежли за веру не возьмутся... А Сталин, паря, чо, Сталин всё по плану делал, а план такой – ты же грамотный, знаешь, – задолго до него придумали. И попёрли с восемнадцатого... А Сталин чо, Сталин винтик... От таки, паря, дела... А мамке твоей, Ваня, я уж не стал говорить. Я на её сердца не держу. Хотел, правда, из Святого Писания сказать... – старик тяжело поднялся со стула, пошёл, кряхтя и пристанывая, в светёлку, где у него чудом умещались комод и железная кровать; взял с комода потёртую книгу, вернулся и, снова присев к столу, погладил её тряской рукой – будто любимое чадо по головшке – по тёмно-красному переплёту, где был выдавлен золочённый православный крест. – Вот тут, милый, всё есть для души, тут можно любой ответ сыскать. Да-а-а... – он полистал „Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа и Псалтирь“ и, почти прислонив его к очкам, стал медленно читать, причмокивая и прищелтывая увядшими губами. – „Не судите, да не судимы будете. Ибо...– тут он поднял кверху узловатый, искривлённый палец, привлекая внимание, – ибо каким судом судите, таким и будете судимы; и какой мерой меряете, такой и вам будут мерить“. Так от оно, паря... Хотел и твоей матушке на память сказать, да уж не стал.

– А что ей говорить-то?! – приобидевшись за мать, пожал плечами Ванюшка. – Я не знаю, хорошо ли она помнила эти заповеди, знала ли, вернее, наизусть, но она всю жизнь по ним жила. Вот в Евангелии пишется: дескать, возлюби ближнего больше чем себя самого. А любишь ближнего – значит и Бога любишь. Так вот, мать моя не то что ближнего любила больше чем себя самую, она и вообще, про себя не помнила – всю жизнь ближним прослужила. А кто ближние – восьмерых вырастила, в люди вывела. Трое померли маленькими... Она и молилась, чтоб не отчаяться, особенно в войну...

Старик, думая всё о своём, согласно улыбнулся и покачал головой:

– Так-то оно и так, Ваня, но я тебе вот что скажу: каким уж страшным судом человек сам себя судит, людскому суду до него ой как далеко.

– Но не все себя судят, – усмехнулся Ванюшка, – люди больше привыкли оправдываться. Каяться мало кто желает.

– Я, Ваня, говорю про тех, у кого Бог есть в душе. Человек, если добрый, если любит своих братьев и сестер, служит им посильно, уже с Богом в душе живёт, пусть и не знает того умом, пусть и в церкву не ходит. В церкву люди ходят для себя, не для Бога – чтоб самому как-то очиститься душой... Ну да, ладно, чо это мы всё одно да потому завели. Пей чай, а уж покрепче-то ничего нету, извини.

Много о чём хотелось Ванюшке спросить своего земляка, так подивившего, про которого был слух, что загинул в тюрьме, но спрашивать было неловко, а сам старик ничего больше о себе не рассказывал, поэтому разговор, затоптавшийся на одном месте, и старик со своей одинокой, слезливой старостью затягивали Ванюшку; ему стало вроде как душно в этом припахивающим гнилью, мрачном жилье, и хотелось скорее глотнуть свежего воздуха; вот почему он тут же засобирался и, суетливо, виновато распрощавшись, вышел из барака. Нет, напоследок Гоша ещё перекрестил его и сказал:

– Ну, дай Бог тебе, Ваня, всего доброго. Не знаю, свидимся ли ещё. Помру я, однако... Но не поминай уж лихом...

Сухой, сосновый и песчаный город уже кутался знойным маревом; позванивали на поворотах трамваи, по нагорной, булыжной улице катились потоки людей и слышалась бурятская речь, и виделись Ванюшке за этой речью его родимые степи и озёра, тайга и деревня.

Он ещё долго думал про старика – которого никак не мог в своём сознании срастить с Гошей Хуцаном – долго ворошил в памяти его слова, и опять дивился: так уж круто земляк поменялся, будто перекинулся через голову, как в сказке, и явился, хоть и неряшливым, запущенным, но благолепным старцем. Хотя. поменялся ли?... именно, не перекинулся ли, будто оборотень?... Случалось, конечно, менялись люди прямо на Ивановых глазах, менялись до неузнаваемости; вот, был знакомый художник – пьянчуга ещё тот и тоже без Бога и царя в голове, хотя вроде и не злой, – и вдруг словно в одночасье поменялся – осветлел духом, когда прибил к евангелийским братьям-баптистам; и хоть не привечал Ванюшка баптистов за их презрение к православным иконам и храмам, к русским обрядам, и особенно к древнему благочестию, а всё же с радостным дивлением слушал при встречах художника, при этом, как в храме, угнетался своей грешностью. Но там он не сомневался, что евангелийский брат, осветлённый и очищенный духом, за Христа пойдёт на любое страдание и, может, даже страдание это земное примет как особую благодать Божию; тут же, со стариком Кусмановским, всё казалось сложнее – нынешний благостный лик старика заслоняло красное, лоснящееся лицо Гоши Хуцана, а постные речи перебивала богохульная соромщина, какой так славился прежний Гоша. Всё это мешало поверить в нынешнего старика, вроде и приобщённого к православию. А потому ничего кроме жалости – жалости даже немного брезгливой – Ванюшка не вынес из встречи, и не дал большой веры благочестивым говорам – вор слезлив, а плут богомолен. „Но, может, я ошибаюсь, – тут же попрекнул он себя. – И вполне возможно, что именно и ошибаюсь, потому что мало верю чудесам – слишком рассудочен. А потому, нельзя же, наверно, бесконечно судить человека за былые прегрешения. Кто не без греха – только Бог один, как говорила мать. Нельзя же человеку отказывать в праве на покаяние и очищение. Хотя, наверно, есть такие грехи... Ну, Господь с ним, я ему не судья...“

Так и остался старик неразгаданным, и больше их судьба не сводила, потому что через год с небольшим Гоша помер; и это был уже не слух, как раньше, это сказал Ванюшке брат Алексей, помогавший хоронить старого, всеми заброшенного земляка.

1988 г.

От редакции

По независящим от редакции причинам, в этом выпуске Литературного Приложения не была продолжена публикация журнального варианта книги протоиерея В. Лукьянова „Источник воды живой“.

Продолжение этой книги намечено на следующий выпуск Литературного Приложения.

Ред.

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**